
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЗАУРАЛЬЕ
В ПАНОРАМЕ
ВЕКОВ**

МЕЖВУЗОВСКИЙ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КУРГАН 2005

УДК 93/99 /571.1/ -11000/19

З 37

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

ЗАУРАЛЬЕ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ: Межвузовский сборник научных трудов. Изд-во Курганского государственного университета. Курган, 2005. 174 с.

В статьях сборника исследуются актуальные, сложные, многоплановые и, одновременно, недостаточно изученные проблемы истории, генеалогии, бонистики, исторической географии, археологии, этнографии, этнологии, культурологии, социологии, правоведения, исторической психологии населения России, заселения и освоения им такого её уникального региона, как Зауралье.

Авторами сборника являются учёные КГУ, Института права, экономики и управления Югорского госуниверситета, Сургутского госуниверситета, аспиранты Курганского государственного университета, коллеги В.В.Пундани.

Редакционная коллегия:

доктора исторических наук, профессора

А.В.Черноухов (отв.ред.),

В.В.Пундани,

И.Е.Плотников,

кандидаты исторических наук, доценты

В.В.Менщиков (зам.отв. редактора),

Г.Г.Павлуцких,

С.Н.Шилов (отв. секретарь).

ISBN 5-86328-738-1

© Авторы, 2005
© Курганский
Государственный
Университет, 2005

---

*К 65 – летию доктора исторических наук,
профессора кафедры отечественной истории
Курганского государственного университета,
действительного члена Академии военных наук,
почётного работника
высшего профессионального образования РФ*

Валерия Владимировича ПУНДАНИ

ИЗ ДАЛЕКА ДОЛГА...

Я родился 15 января 1940 г. в г.Кургане в семье служащих —отца Владимира Ивановича и матери Валентины Григорьевны Пундани (в девичестве — Русановой). Отец, закончивший Первую мировую войну Георгиевским кавалером, умер в 1942 г. в возрасте 48 лет, когда мне было 2 года. Обидно за отца, человека богатырской силы, игравшего каждой рукой двумя двухпудовками. Мой старший брат — Александр, будучи участником Великой Отечественной войны, получил в одном из боёв тяжёлое ранение и умер в госпитале на Украине в 1943 г. в возрасте 18 лет. Ещё одна невосполнимая потеря в нашей семье!

Мама, родившаяся в селе Медведском Каменной волости Челябинского уезда Оренбургской губернии в 1906 г. в семье Русановых — Григория Михайловича и Марии Александровны (в девичестве Трубецковой) многие годы своей жизни работала музыкальным руководителем в детских садах г.Кургана.

XX-й век жестоко «прошёлся» над семьёй Русановых, в которой мама была седьмым ребёнком. Её отец и один из братьев — Михаил Григорьевич(мой дед и дядя) были незаконно репрессированы в 1937 — 1938 гг., посмертно в 50-х гг. реабилитированы. Ещё один из братьев мамы — Василий Григорьевич, погиб в гражданскую войну. А Николай Григорьевич в 1943 г. погиб в одном из боёв в Великую Отечественную...Единственному из братьев мамы — Александру Григорьевичу действительно повезло. Будучи участником Первой и Второй мировых войн, он остался живым, ни разу не был ранен, а Первую закончил Георгиевским кавалером!

В 1957 г. я окончил общеобразовательную и семилетнюю музыкальную школы по классу фортепьяно (явное материнское и Русановское в целом влияние: все они имели сильные, красивые голоса, хорошо играли на гитаре). Отцовское увлечение коллекционированием повлияло и на меня, многие годы собиравшего монеты и марки. Очевидно, рассказы матери об увлечениях отца борьбой и гиревым спортом отразились и на мне, более 30 лет активно занимавшемся гимнастикой, йогой, вольной борьбой, самбо и около 10 лет каратэ.

Большое влияние на формирование моей будущей судьбы оказали учителя школы №12 г.Кургана: истории — Нина Владимировна.Луцкая, русского языка — Августа Ивановна Добрецова, немецкого языка — Лидия Алексеевна Кая, литературы — Пётр Ананьевич Осипов, географии — Казимир Францевич Садовский... Неслучайно я оказался студентом историко-филологического факультета Курганского государственного педагогического факультета, который окончил в 1962 г.

С глубокой благодарностью до сих пор вспоминаю вузовских преподавателей - историков Николая Александровича Лапина, Вла-

---

димира Владимировича Прусса, Вендикта Алексеевича Горелова, Александра Семёновича Минского, Залмана Ароновича Атласа, Якова Самуиловича Зингера, особо — Алексея Алексеевича Кондрашенкова, ставшего со временем моим научным руководителем в аспирантуре (по кандидатской) и научным консультантом (по докторской) диссертациям. Они научили нас, своих питомцев, серьёзной, углублённой, творческой работе с литературой, документами, первоисточниками, умению делать самостоятельные, обоснованные, обстоятельные выводы, вступать в полемику по сложным, дискуссионным проблемам истории.

Глубокую любовь к русскому языку, литературе, устному народному творчеству, философии, к познанию их законов и тайн нам привили Мария Иосифовна Корная, Раиса Петровна Сысуева, Михаил Данилович Янко, Николай Павлович Садовой, Виталий Иванович Котов, Павел Аполлонович Сергеев, Павел Михайлович Войцеховский, Соломон Михайлович Шалютин. П.А.Сергеева вспоминаю ещё потому, что он обладал прекрасным голосом, замечательно пел на институтских вечерах романсы и арии из опер, а я ему аккомпанировал...

Судьба человека часто становится как бы непредсказуемой. Так и я после четырёх месяцев работы учителем в средней школе посёлка Красный Уралец Юргамышского района Курганской области во время педагогической практики студентов V курса нашего вуза и окончания его в 1962 г. оказался телевизионным оператором в Комитете Курганского облисполкома по радиовещанию и телевидению. Там проработал до 1974 г.

Всё же историко-филологическое фундаментальное базовое образование давало себя знать, и зов его проявился в том, что сдав кандидатские экзамены по истории, иностранному языку и философии, я с 1969 по 1973 г., проучился заочно в аспирантуре при кафедре истории СССР Смоленского пединститута при научном руководстве доктора исторических наук, профессора А.А.Кондрашенкова, ставшего к тому времени ещё и ректором этого вуза.

В 1973 г. успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук в Уральском госуниверситете им. А.М.Горького в Свердловске по теме «Государственные крестьяне Тобольской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.в.». Этот год был примечателен ещё и тем, что меня приняли в члены Союза журналистов СССР, т.к. в течение прошедших лет я достаточно активно публиковался в местных газетах, журнале «Уральский следопыт», давал информацию на телевидение и выступал по областному радио на краеведческие темы.

С марта по август 1974 г. работал ассистентом на кафедре архивоведения исторического факультета Уральского госуниверситета. Здесь тогда работали высокой квалификации учёные — Козлов Анатолий Григорьевич, участник Великой Отечественной войны, автор

более 500 научных и краеведческих работ, доктор исторических наук, профессор, Кривоногов Василий Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, готовивший докторскую диссертацию кандидат исторических наук, доцент Яровой Глеб Владимирович. Темой его исследования была государственная деревня Урала в XVIII –XIX вв. На факультете работали молодые преподаватели Черноухов Анатолий Владимирович, Усанов Виктор Иванович, Шаталов Дмитрий Александрович, Пензин Эдуард Андреевич, вскоре защитившие кандидатские диссертации (А.В.Черноухов и В.И.Усанов в 90-х гг. ушедшего XX в. стали докторами исторических наук, профессорами).

С 1 сентября 1974 г. начал работать ассистентом на кафедре истории СССР Курганского пединститута, затем старшим преподавателем (1975 г.), доцентом (1980 г.), старшим научным сотрудником (1983-1985 гг.); с 1983 по 1987 гг. был заведующим этой кафедры. С благодарностью вспоминаю то время, когда рядом работал дружный, стабильный преподавательский коллектив в составе Р.Н.Пономарёвой, И.Е.Плотникова, Е.И.Терещенко, А.П.Григорова, Г.Г.Малютина (кандидатов исторических наук, доцентов), Г.А.Прохоровой (кандидата педагогических наук, доцента). Со временем кадры кафедры пополнились недавними студентами, преподавателями-ассистентами О.Ю.Винниченко (в 1993 г. стал кандидатом исторических наук; в 2001 г. – доктором юридических наук) и Н.А.Чернецовым.

В 1985 г. в жизни нашей кафедры, исторического факультета, вуза, да и Курганской области в целом произошло знаменательное событие: в Московском государственном педагогическом институте успешно была защищена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук членом кафедры истории СССР Плотниковым Иваном Егоровичем. У нас появился первый доктор исторических наук (после уехавшего в г.Смоленск А.А.Кондрашенкова). В 1989 г. ему было присвоено учёное звание профессора.

С 1987 г. начал работать на нашей кафедре выпускник Томского госуниверситета, кандидат исторических наук Емельянов Николай Филиппович, в 1989 г. защитивший диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук в Уральском госуниверситете г. Свердловска.

В 1990 г. из кафедры истории СССР выделилась кафедра истории России досоветского периода, переименованная в 1991 г. в кафедру истории России. Её заведующим был Н.Ф.Емельянов.

В 90-х годах ушедшего XX в. состав кафедры основательно пополнился, т.к. в её состав вошли бывшие выпускники вуза, прошедшие аспирантуру и успешно защитившие диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Это Менщиков Владимир Владимирович, Павлуцких Геннадий Геннадьевич, Свищёв Павел Александрович, Савельев Вадим Геннадьевич, Кислицын Василий Александрович.

За время моей работы в пединституте, с 1995 г. — университете пришлось разрабатывать и читать курсы лекций по истории СССР — России с древнейших времён до 1861 г., затем по эпохе с 1861 по 1917 гг.; один год читал лекции по новейшей отечественной истории.

Также был разработан и много лет читался курс лекций по вспомогательным историческим дисциплинам: палеографии, хронологии, метрологии, нумизматике, геральдике, сфрагистике, генеалогии, исторической географии, спецкурс «История крестьянства Урала и Западной Сибири в феодальную эпоху». В 1984 г. издал монографию «Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.». Один год прочитал небольшой цикл лекций по истории родного края — Южного Зауралья.

Много лет читал курс лекций по историографии истории России с древнейших времён до 1917 г. С 1999 г. читаю новый курс лекций по исторической психологии.

Практически по всем лекционным курсам одновременно проводил и семинарские занятия.

Много лет руководил работой студенческого научного кружка «Военная история России». По названной тематике студентами кружка было написано и защищено несколько десятков курсовых и дипломных работ.

В 70-х годах сам активно занялся военной тематикой. В учебном пособии для учащихся 7-10-х классов школ Курганской области, изданном в 1975 г., осветил комплекс наиболее важных страниц военной истории нашего края — Южного Зауралья (современной Курганской области).

Работа над военной тематикой в последующие 80-90- гг. ушедшего столетия в более широких географических границах, в масштабах России и за её рубежами, публикации по военной истории оказались одним из важных направлений в моих научных поисках. Очевидно, данная направленность исследований позволила мне оказаться избранным в 1999 г. членом-корреспондентом Академии военных наук в г. Москве, а в 2001 г. — действительным членом этой Академии. Оба диплома об этих званиях были подписаны её Президентом, генералом Гареевым Махмудом Ахмедовичем.

И ещё одно знаменательное событие, связанное с военной тематикой в моих поисках произошло в июле 2004 г. В докладах международной научной конференции, проведённой в Екатеринбурге, в Институте истории и археологии Уральского Отделения Российской Академии Наук на тему «Социальные трансформации в Российской истории» была и моя публикация «Военная история России в региональном измерении».

Одним из основных направлений моих научных, исторических поисков по существу являлась аграрная тематика и проблематика, история крестьянства, сельского хозяйства России, таких её своеобраз-

---

ных регионов, как Урал, Зауралье, его южная часть, Западная Сибирь. Свообразным итогом моего исследования аграрной тематики явилась защита диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук «Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.». Она состоялась в 1991 г. в Институте истории и археологии Уральского Отделения РАН.

Диплом доктора наук решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР был подписан 14 февраля 1992 г. Учёное звание профессора мне было присвоено решением Министерства образования Российской Федерации 15 июля 1993 г.

Работа над историей крестьянства двух сопредельных, уникальных регионов России – Урала и Сибири на протяжении столетнего предреформенного столетия позволила провести сравнительно-исторический анализ социально-экономического и политического развития деревни этих регионов, выявить и понять глубинные корни существования крестьянства не только на региональном уровне, но и в масштабах всей России, а также и в общецивилизационном плане. И, несомненно, во многом осилить избранную тему помогла интенсивная работа в государственных архивах городов Кургана, Шадринска, Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Омска, Тобольска, Москвы, Санкт-Петербурга, в библиотеках и музеях этих городов, встречи со многими уральскими и сибирскими старожилами, разговоры с ними о крестьянской жизни, о её трудностях, буднях и праздниках, размышления об услышанном и увиденном...

Среди других направлений своих научных интересов отмечу ещё историю декабристского движения в России, время пребывания первенцев свободы в Сибири, в Южном Зауралье, крае, который один из них назвал Сибирской Италией; менталитет урало-сибирского населения; материальную культуру зауральского региона, историю его сёл и деревень; историю государственного архива Курганской области.

Сравнительно недавно занялся изучением жизни и деятельности известных учёных, краеведов Урала, Южного Зауралья, публикацией материалов о них.

Представляется, что фортуна весьма благосклонно отнеслась ко мне. Участвовал в работе более 40 научных форумов: симпозиумов, конференций, исторических школ, чтений. В связи с отмеченным особо хотелось бы остановиться на встречах с коллегами на Всесоюзных и Всероссийских симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, начавшихся у меня с 1972 г. в Гродно на XIV сессии этой научной «трибуны». С того года удавалось поддерживать творческие контакты с аграрниками на XIX (Уфа), XXII (Минск), XXIII (Екатеринбург), XXIV (Москва), XXV (Арзамас), XXVI (Тамбов), XXVII (Волгда), XXVIII (Калуга) сессиях этого симпозиума.

Несомненно, для творческого научного «закала» важное значение

имело приглашение и участие в работе научных конференций самого различного уровня – «ранга»: внутривузовских (Курган), межвузовских, региональных, межрегиональных (Курган, Шадринск, Челябинск, Свердловск – Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск, Барнаул, Киров, Смоленск), всероссийских (кроме уже названных – аграрных): Екатеринбург: 1992, 2000, 2002 гг.), всесоюзных (Новосибирск-1989), Свердловск-1990,) международных (Курган -1993, 2004), Смоленск – 2000), Екатеринбург – 2004).

С благодарностью вспоминаешь участие в «Чтениях», посвящённых памяти крупных, известных не только в России, но и за её рубежами учёных, соотечественников: в «Бахрушинских» (Новосибирск, 1983), «Юговских» (Курган, 2002), «Зыряновских» Курган (2003, 2004).

Со времени появления на свет моей первой научной публикации в 1971 г. сегодня их более 150. Знаменательное для меня событие произошло в 1996 г. - избрание действительным членом Русского географического общества (было создано в Санкт-Петербурге в 1845 г.). Это событие связано с тем, что во многих моих публикациях, в том числе – монографиях, историко-географический фактор имел значительное отражение.

В качестве ответственного исполнителя принимал участие в государственной научно-исследовательской работе. В 1992-1994 гг. руководил договорной работой 23 учёных, краеведов, сотрудников музеев и архивов Курганской области, подготовивших более 50 статей по истории нашего региона. Они прошли конкурсный отбор редколлегии и были опубликованы в уникальной «Уральской исторической энциклопедии» в Екатеринбурге в 1998 г., и переработанной, дополненной – в 2000 г.

Большого творческого, умственного, да и физического напряжения, и, одновременно, глубокого удовлетворения стоила и стоит работа в качестве научного, ответственного редактора и члена редколлегии различного рода изданий. В названном качестве подготовил к изданию увидевшие свет 49 работ общим объёмом около 400 печатных листов. Среди них особо отмечу такие, как монографии Н.Ф.Емельянова «Город Курган. 1782-1917. Социально-экономическая история» (Курган, 1992), «Хрестоматию по истории Курганской области (досоветский период)» (второй раздел). (Курган, 1995), А.М.Васильевой «Забывтый Курган» (Курган, 1997), «История земли Курганской с древнейших времён до начала 60-х годов XIX века». Учебное пособие для учащихся V-VIII классов школ Курганской области (Курган, 1997), А.Л.Михашенко «Казачество Южного Зауралья» (Курган, 1999), В.В.Усманова «Зовущий колокол, огнём горящий меч» (Курган, 2001-2002, тт.1-2), «50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 21 ноября 2002 г.»(Курган, 2002), «Станица на Тоболе»(Курган, 2002), «Ветер времён»,(Кур-

---

ган, 2003), «Историки Урала» (Екатеринбург, 2003), «Зыряновские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Курган, 18-19 ноября 2003 г.», «Зыряновские чтения. Материалы второй межрегиональной научно-практической конференции. 14-15 декабря 2004 г.» (Курган, 2004), В.В.Менщикова «Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии» (Курган, 2004)...

Ещё на одном качестве своей научной деятельности хотелось бы остановиться. Это рецензирование научных и методических работ, начавшееся с 1982 г. Объём этой работы укладывается в 150 печатных листов. В ряду отрецензированных и увидевших свет хотелось бы также особо отметить такие, как монографии А.А.Пашкова «Шадринское ручное ткачество» (Шадринск, 2000), И.А.Сазонова «Профессиональная ориентация школьников в России» (Курган, 2000), «Рассекреченные документы в фондах Государственного архива Курганской области» (Курган, 2002), «Курганская область: лидеры и время» (Курган, 2003), В.В.Усманова «Управление ориентацией молодежи на военные профессии. Теория и практика» (Курган, 2004).

Большую ответственность вызывает такой «род» деятельности, как оппонирование диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук. В 1995-1997 гг. выступил в качестве официального оппонента по диссертациям на соискание учёной степени доктора исторических наук у П.И.Савельева на тему «Пути аграрного капитализма в России. XIX в. (По материалам Поволжья)», у С.С.Смирнова — на тему «Приписные крестьяне Урала в XVIII — начале XIX в.», у Н.С.Половинкина — на тему «Дворцовые (удельные) крестьяне Приуралья во второй половине XVI — первой половине XIX вв.». Все названные диссертации защищались в диссертационном совете Уральского госуниверситета в г. Екатеринбурге. В диссертационном совете Челябинского госуниверситета в 1996 г. выступал официальным оппонентом по докторской диссертации у Н.Н.Алеврас на тему «Аграрная политика Российского правительства на горнозаводском Урале в последней трети XIX — начале XX века».

В 1997 г. в диссертационном совете Уральского госуниверситета мне довелось быть официальным оппонентом по защите кандидатских диссертаций у С.В.Шевченко на тему «Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII — начале XIX вв.»; у Н.Н.Агафоновой — на тему «Заселение и хозяйственное освоение Среднего Прикамья русскими во второй половине XVI — первой половине XIX вв.»

В 2002 г. был официальным оппонентом по защите кандидатской диссертации у В.Л.Харланова на тему «Церковно-судебная система Оренбургской епархии в 1864-1918 гг.» в диссертационном совете Челябинского госуниверситета. В этом же году оппонировал диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук у Н.Н.Симачковой на тему «Становление воеводской системы управле-

---

ния в Сибири в конце XVI — начале XVII в.» в диссертационном совете Тюменского госуниверситета.

Исключительно ответственной является работа по подготовке специалистов высшей квалификации по отечественной истории через аспирантуру, которая имеется на нашей кафедре с аналогичным названием специальности и её шифром «07.00.02». Нашу аспирантуру успешно завершили защитой диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук около 30 аспирантов, работающих сегодня на историческом и правоведческом факультетах Курганского госуниверситета, в Курганской сельскохозяйственной академии им. Т.С.Мальцева, в Институте повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области, в Курганском военном институте Федеральной пограничной службы РФ, за пределами Курганской области — в Сургутском госуниверситете, Институте права, экономики и управления Югорского госуниверситета, Нижневартовском государственном пединституте...

Лично мне удалось подготовить к защите диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук и успешно пройти её в диссертационном совете с аналогичным названием при (первоначально — Курганском государственном пединституте, с 1995 г.— Курганском госуниверситете) аспирантов М.Ф.Ершова, С.Н.Шилова, А.Г.Битюкова, Е.В.Турушева, Д.А.Кошкарлова, О.Ю.Бабушкину, М.А.Арсланову, И.М.Богдашова. С 2003 г. наш совет решением Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования Российской Федерации получил статус диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при КГУ (до конца 2000 г. председателем совета был доктор исторических наук, профессор Н.Ф.Емельянов; с января 2001 г. эту почётную должность руководство КГУ, исторического факультета, учёный совет КГУ, ВАК поручили мне).

Прошёл высокий рубеж подготовки диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук и её успешной защиты в апреле 2004 г. в нашем докторском совете (членами которого являются 12 докторов наук) коллега и заведующий нашей кафедры отечественной истории Менщиков Владимир Владимирович, у которого я был научным консультантом.

Высока ответственность и в подготовке отзывов на авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, которые регулярно присылаются по почте на нашу кафедру. Лично я написал более двух десятков отзывов на такого вида научные труды своих соратников по перу на ниве Клио.

Можно выделить ещё такой нелёгкий труд историка — профессионала, как участие в подготовке отзывов на кандидатские и докторские диссертации, когда в диссертационный совет присылаются официальные бумаги из диссертационных советов других городов с

просьбой к нам быть ведущим учреждением по конкретной диссертации их соискателя. С 1997 по 2004 гг. наша кафедра при моём участии подготовила 5 отзывов ведущего учреждения на кандидатские диссертации Н.Г.Суворовой из г.Омска на тему «Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII –первой половине 60-х гг. XIX вв. (организация, функции, правовая регламентация), Е.А.Малышева из г.Челябинска на тему «Социально-экономическое развитие уральской горнозаводской помещионной промышленности в 1759-1917 гг.(по материалам Симского горного округа)», Е.С.Тулисова из г.Екатеринбурга на тему «Управление горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков: структура и функции», М.С.Яблокова из г.Тюмени на тему «Духовная жизнь Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX века», С.С.Черноуховой из г.Екатеринбурга на тему «Государственные и партийные архивы Урала в 1919-1938 гг.».

В 2004 г. нами был дан официальный отзыв ведущего учреждения на докторскую диссертацию Т.К.Махровой из г. Челябинска на тему «Взаимоотношения казачества и государственной власти в XVIII – начале XX вв. (на материалах Оренбургского и Уральского казачьих войск).

Вспоминая прошедшие относительно недавно различного ранга и уровня научные встречи (конференции, симпозиумы, чтения), просматривая их программы, с удовлетворением видишь и свой определённый вклад в их работу и в качестве выступавшего с докладом на пленарных заседаниях и с тезисами выступлений на секциях, и руководителя работой конкретной секции, или сопредседателя секции, или члена их оргкомитета. Так было в 1993 г. в Кургане на международной научной конференции «Россия и Западная Европа: диалог культур (Курган, Россия), в этом же году в Барнауле на региональной научной конференции «Предпринимательство в Сибири: прошлое, настоящее, будущее», в 1996 г. в Кургане на научно-практической конференции «Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития», в 1997 г. в Кургане на научно-практической конференции «Итоги и задачи регионального краеведения», в 2000 г. в Кургане на областной научно-практической конференции «Великая Отечественная война и Зауралье.К 55-летию Победы», в 2000 г. в Екатеринбурге на Всероссийской научной конференции «Урал на пороге третьего тысячелетия», в 2000 г. в Смоленске на научно-практической конференции «История крестьянства и сельского хозяйства западно-русских и восточно-белорусских земель: прошлое, настоящее, перспективы», в 2001 г. в Кургане на региональной научно-практической конференции «Музей – ты мир», посвящённой 50-летию Курганского областного краеведческого музея, в 2002 г. в Екатеринбурге на VI Всероссийских историко-педагогических чтениях, в этом же году в Кургане на межрегиональной научной конференции «Деятели соци-

---

ально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVIII – XX вв.: источники, историография, методология»...

И, несомненно, особо вспоминается сопредседательство в руководстве работой секции по аграрной истории Восточной Европы в XVIII – XIX вв. на XXIII – XXVIII сессиях аграрного симпозиума в городах Свердловске, Москве, Арзамасе, Тамбове, Вологде, Калуге в 1991, 1994, 1996, 1998, 2000, 2002 гг. с такими известными учёными, как Б.Г.Литвак, В.А.Фёдоров, Н.А.Проскураков, Р.М.Введенский, В.А.Иванов.

Вращаясь в сфере всех названных видов творческой, научно-исследовательской деятельности удалось увидеть, услышать известных, ведущих историков нашей великой страны, познакомиться лично с академиками И.Д.Ковальченко, Л.В.Миловым, В.В.Алексеевым, докторами–профессорами (кроме уже названных) А.А.Преображенским, А.И.Комиссаренко, А.Т.Топчием, П.С.Кабытовым, Л.Г.Захаровой, Л.Р.Горлановым, П.Г.Рындзюнским. П.А.Колесниковым и А.Д.Колесниковым, С.О.Шмидтом, Я.Е.Водарским, Д.И.Будаевым, Г.Т.Рябковым, Е.И.Индовой, М.М.Громыко, Т.С.Мамсик, Н.А.Миненко, О.Н.Вилковым, Л.М.Горюшкиным и др.

В домашней библиотеке имею немало книг с их автографами – добрыми пожеланиями здоровья, новых творческих успехов и встреч...

С 2001 г. стал активно привлекаться Администрацией (Правительством) Курганской области к работе в экспертных комиссиях по присуждению грантов и премий губернатора нашего региона в сфере науки, техники и инновационной деятельности.

Работая в вузе, читая лекции, проводя семинарские занятия, руководя подготовкой контрольных, курсовых, бакалаврских и дипломных работ, занимался традиционно учебно-методической работой. Поэтому подготовил и издал ряд методических рекомендаций и указаний для студентов стационара и заочного отделения по написанию контрольных работ, подготовке к практическим занятиям по отечественной истории, историографии истории России, истории родного края, использованию краеведческого материала, исторической психологии, специализации, по подготовке к зачётам, курсовым и государственным экзаменам...

Несколько лет был членом диссертационного совета при Курганском пединституте по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата педагогических наук.

Занимаясь постоянно научно-исследовательской и учебно-методической работой, всегда возникает стремление внедрить свой накопленный опыт и потенциал через его популяризацию, в том числе через научно-популярные публикации в средствах массовой информации и другие формы контактов с общественностью...

Такое стремление проявилось с публикации в газете «Молодой

ленинец» в 1964 г. небольшой заметки «Русская берёзка», а затем в публикациях на краеведческие темы, связанные с историей земли Курганской в «Советском Зауралье», «Зауралье», «Новом мире», «Кургане и курганцах», в известных журналах «Уральский следопыт», «Рифей», «Тобол», «Звонница», «Наука и образование Зауралья», «Я – женщина XXI в.», в выступлениях на различного рода «круглых столах», презентациях книг, по радио и телевидению...

Более 20 лет являюсь председателем учёного совета Курганского областного краеведческого музея.

За цикл краеведческих работ в 1990-1994 гг. награждён поощрительной грамотой в сфере науки и техники Главой Администрации Курганской области. Стал лауреатом премии Главы Администрации Курганской области за 1997 г. за учебное пособие для учащихся V-VIII классов школ Курганской области «История земли Курганской с древнейших времён до начала 60-х гг. XIX в.». За активную краеведческую деятельность, исследовательскую, редакторскую, авторскую, популяризаторскую получал разного рода дипломы и грамоты «снизу» и «сверху»...

Работа на ниве краеведения позволила познакомиться с замечательной плеядой подвижников, настоящих патриотов своей Малой Родины. Сегодня в Курганской области их около 500. Каждому из них можно посвятить отдельную публикацию. Поэтому назову сейчас лишь ту «веточку» краеведческого древа, которая связана с Юргамышским районом Курганской области.

Выпускник историко-филологического факультета Курганского пединститута Осипов Борис Иванович (родился в Юргамыше), ныне здравствующий доктор филологических наук, сделал доброе дело, результатом которого явился выход в свет серии научных изданий народных мемуаров. В них освещены мирные, созидательные страницы жизни дореволюционной России, Юргамышской земли, а также многие переломные, трагические вехи нашей отечественной истории, связанные с революциями XX в., Гражданской братоубийственной войной, коллективизацией – раскулачиванием, тридцатыми годами тотального страха, Великой Отечественной, развитым (?) социализмом, постсоветским временем.

Это «Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова» (Омск, 1995), (Плотников Василий Александрович – отец известного юргамышского краеведа Сергея Васильевича Плотникова), «Воспоминания работницы М.Н.Колтаковой «Как я прожила жизнь» (Омск, 1997), «Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У.Астафьева «Записки изгоя» (Омск, 1998) (Астафьев Александр Ульянович – отец известного юргамышского краеведа – Лидии Александровны Астафьевой), «Солдатские воспоминания Н.Ф.Шульгина и Г.Н.Еланцева» (Омск, 1999), «Воспоминания А.Н.Белозёрова «Записки районного служащего» (Омск, 2002).

В 2001 г. в Юргамыше состоялась презентация книги «Сужденное не случайно», написанной Л.А.Астафьевой и С.В.Плотниковым (с моим предисловием «Родники земли Юргамышской»). Страницы этого уникального труда плотно «заселены» людьми, оставившими значительный след в истории не только Южного Зауралья, но и Урала, Сибири, России в целом. Среди них оказались семьи дворянских родов Качек, Шмурло (один из потомков Шмурло — Евгений Францевич, известный историк, автор более 200 работ, в том числе «Курса русской истории», тесно связанный в жизни с землёй Юргамышской, но умершего в эмиграции, в Праге в 1934 г.), Покровских, Миславских, доживших до наших дней потомков этих династий, их бывших крепостных, раскулаченных в 30-е годы XX в.

В том же 2001 г. в Юргамышской типографии увидела свет ещё одна уникальная книга «Знакомые потоки. Географические названия и имена первых жителей Юргамышского района Курганской области». Её автор — С.В.Плотников, более семи лет занимавшийся проблемами топонимики и этимологии Юргамышской земли.

Ещё с одним уникальным пластом жизни земной цивилизации, интересовавшей человека с древнейших времён, которым и мне пришлось основательнее заняться, была генеалогия в самом широком её смысле и понимании. Эта научная дисциплина была одной из множества так называемых вспомогательных исторических дисциплин, информацию по которой я доносил до студентов историко-филологического, а затем исторического факультета в читаемых им лекциях в 70-х гг. ушедшего в прошлое столетия. Когда я на семинарских занятиях спрашивал студентов о родословной их семьи, то она в их ответах в лучшем случае доходила до бабушки и дедушки... Возникла мысль о том, что в семьях многих наших соотечественников даже разговоров о родословии не происходило, т.к. родиться в досоветское время нашей истории не в крестьянской или рабочей семье было небезопасно для их потомков!?

Ещё плотнее с проблемами генеалогии пришлось мне встретиться в начале 90-х гг. XX в., когда курс «ВИДОВ» (так сокращённо наши студенты называли курс вспомогательных исторических дисциплин) читал мой коллега по кафедре Свищёв Павел Александрович (к великому сожалению недавно ушедший в иной мир). В 1993 г. я отредактировал «Методические рекомендации и материалы по использованию генеалогии в курсе истории России (досоветский период) для студентов - историков» (объём — 5 п.л.), написанные П.А.Свищёвым и изданные в том году. Прослеживался явный положительный сдвиг в менталитете нашего социума, научного, и в целом.

В 2000 г. в Кургане увидел свет сборник научных трудов «Зауральская генеалогия» под грифами Министерства образования РФ и Курганского госуниверситета. Его ответственным редактором был П.А.Свищёв. Он же был и автором предисловия этой книги. Кроме

его авторами сборника были такие же ревнители генеалогии, курганские краеведы: И.А.Ленский, В.П.Жданов, В.Н.Голявинский, Л.Г.Подкорытова, В.Т.Серков, Н.А.Подгорбунских. Книга имела заслуженный успех.

Надеюсь, что еще в уходящем 2004 г. увидит свет второй выпуск «Зауральской генеалогии» с моим предисловием и публикациями ряда исследователей, посвящённых светлой памяти основателя и создателя Курганского генеалогического общества П.А.Свищёва и различным проблемам генеалогии.

Заканчивая временно генеалогическую тему, отмечу, что мой дед по отцовской линии Пундани Иван Петрович был земским врачом в Sterлитамакском уезде Уфимской губернии. Его родной брат Пундани Николай Петрович был учителем немецкого языка в Уфимской гимназии; второй брат деда — Пётр Петрович был учителем в Маринской женской гимназии г. Казани. Дочь Николая Петровича — Мария Николаевна была учительницей французского языка в реальном училище г. Уфы. Один из сыновей деда — Пундани Александр Иванович(мой дядя), родившийся на хуторе Беркутином Зиргановской волости Sterлитамакского уезда Уфимской губернии, окончивший в 1907 г. с золотой медалью Самарскую гимназию, в 1914 г. — Санкт-Петербургский политехнический институт, уже в студенческие годы оказался крайне левым... В советское время — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, автор 34 монографий, научных статей. Его труды издавались в СССР, Эстонии, Грузии, на Украине, в Англии, Италии, США, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше, Румынии, КНР, Японии...

Беря хороший пример со своего родственника, видимо, также пора садиться за подготовку новых публикаций, может быть и монографий...

**СПИСОК НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ
РАБОТ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК, ПОЧЁТНОГО
РАБОТНИКА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

1971

Крепостные крестьяне Западной Сибири накануне реформы 1861 г. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Доклады и сообщения научной конференции. Курган. 0, 25 п.

1972

Переселение государственных крестьян из Европейской России в Тобольскую губернию // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР . Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск. 0,25 п.л.

Расслоение государственных крестьян Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск. 1,5 п.л.

Производственный прогресс в сельском хозяйстве Тобольской губернии в первой половине XIX в. // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Минск-Гродно. Вып.1. Москва. 0,2 п.л.

1973

Промыслы государственных крестьян в первой половине XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.7. Челябинск.0,25 п.л.

Государственные крестьяне Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX В. Свердловск. 1,2 п.л. Автореферат кандидатской диссертации.

Свет надежды // Советское Зауралье. 21.04. 0,3 п.л.(в соавторстве).

Тревожные дни // Советское Зауралье. 9.10. 0,3 п.л. (в соавторстве).

За счастье мужицкое // Советское Зауралье. 16.10. 0,3 п.л. (в соавторстве).

1974

Уральская археографическая // Советское Зауралье. 7.12. 0,2 п.л.

Связи государственных крестьян Тобольской губернии с рынком в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск. 0,6 п.л.

1975

Жалобы и прошения государственных крестьян Тобольской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.9. Челябинск.0,3 п.л.

Развитие животноводства в Зауралье в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск. 0,5 п.л.

Непокорные челобитчики // Уральский следопыт. №11. Свердловск. 0,3 п.л. (в соавторстве).

Следствие пристрастно // Советское Зауралье. 26.12. 0,3 п.л.

Экономика края // История родного края. Учебное пособие для учащихся 7 – 10 – х классов школ Курганской области. Челябинск. 0,2 п.л.

Против феодального гнёта // Там же. 0,2 п.л.

Культура // Там же. 0,2 п.л.

Борьба крестьян против угнетателей // Там же. 0,1 п.л.

Под знамёнами Пугачёва // Там же. 0,3 п.л.

Культура и просвещение // Там же. 0,2 п.л.

Реформа 1861 г. в Южном Зауралье // Там же. 0,1 п.л.

Реформы 1860 – х гг. // Там же. 0,1 п.л.

В годы Великой Отечественной войны // Там же. 0,6 п.л.

1976

О малоизвестных источниках по истории сельского хозяйства и крестьянства Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Историография и источниковедение. Свердловск. 0,3 п.л.

Свидетели истории // Советское Зауралье. 0,3 п.л.

Землевладение и землепользование в государственной деревне Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие Южного Зауралья в XIX и начале XX вв. Вып. 10. Челябинск. 1,1 п.л.

Комната боевой славы // Советское Зауралье. 30.06. 0,3 п.л.

Конференция историографов // Советское Зауралье. 0,3 п.л.

Некоторые итоги и задачи изучения истории государственных крестьян Тобольской губернии в XVIII - первой половине XIX в. // Гуманитарные науки. Тезисы докладов научной конференции. Курган. 0,4 п.л.

1977

Советская историография истории аграрных отношений и крестьянства Южного Зауралья // Гуманитарные науки. Тезисы докладов научной конференции. Курган. 0,4 п.л.

1979

Историография истории государственных крестьян Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Историография рабочего класса Урала периода капитализма. Свердловск. 0,5 п.л.

Героям Краснодона посвящается // Советское Зауралье. 15.02. 0,3 п.л.

Люди, книги, годы... // Советское Зауралье. 7.06. 0,3 п.л.

1980

Их дело не пропало // Советское Зауралье. 5.12. 0,3 п.л.

Чтобы стала история ближе // Советское Зауралье. 0,3 п.л.

1981

Первопроходцам посвящается //Советское Зауралье. 17.7. 0,2 п.л.

1982

Социально-политическое положение государственных крестьян Сибири в первой половине XIX в. //Тезисы докладов и сообщений XIX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Уфа.30 сентября – 3 октября. 0,2 п.л.

Первая лаборатория вуза// Советское Зауралье. 20.05. 0,3 п.л.

1983

Изменения в приёмах земледелия и животноводства у государственных крестьян Западной Сибири в первой половине XIX в. // Развитие производительных сил Сибири в XIX в.: Бахрушинские чтения. Новосибирск. 1,1 п.л.

Почин соседей // Советское Зауралье.1.06. 0,2 п.л.

Общественный быт государственных крестьян Урала во второй половине XVIII – первой половине XIX В. // Общественно – политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск.1,1 п.л.

Второе рождение дома Нарышкиных //Рифей. Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск.0,5 п.л

1984

Социально-политическое положение государственных крестьян Сибири в первой половине XIX в. //XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа.0,6 п.л.

Уважение к минувшему. Возможен ли в Кургане музейный комплекс? //Курган и курганцы. 26.06.0,3 п.л.(в соавторстве).

Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX Челябинск. в. 5 п.л. Монография.

1985

Советская историография крестьянства Зауралья (60 – 80 – е годы). Основные категории крестьянства в период позднего феодализма (XVIII - первая половина XIX в.). Смоленск. 0,8 п.л.

Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX в. //Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX вв.). Новосибирск. 0,5 п.л.

“Зауралье ли наше Зауралье»? Да, Зауралье! //Советское Зауралье.31.01. 0,4 п.л.

Непреходящие ценности //Советское Зауралье.4.03. 0,3 п.л.

1989

Отечественная историография истории государственных крестьян Вятской губернии эпохи разложения и кризиса феодализма //Вятская земля в прошлом и настоящем (к 500 – летию вхождения в состав Российского государства). Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Киров. 0,1 п.л.

Крестьянство Урала в XVIII в. //История Урала с древнейших

времен до 1861 г. Москва. «Наука».1989.1,2 п.л (в соавторстве).

Роль государственных крестьян Урала и Западной Сибири в развитии городов и инфраструктуры общественного производства регионов в первой половине XIX в. //Взаимодействие города и деревни в их историческом развитии. Тезисы докладов и сообщений XXII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Минск. 11 – 14 октября. Москва. 0,1 п.л.

Демографические процессы в хозяйственном освоении Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в.. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Новосибирск. Вып.1.0,1 п.л.

1990

Социально-экономическое развитие государственной деревни Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Свердловск. 23 – 25 октября. Вып.1. Методология и историография. Свердловск. 0,15 п.л.

Общественное сознание государственных крестьян Западной Сибири в период разложения феодализма и развития капиталистических отношений //Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. «История и общество в панораме веков». 19 – 24 июля 1990 г. Иркутск. Часть 1.0,15 п.л.

Состав и занятия аборигенов Западной Сибири и их взаимоотношения с русским населением при феодализме //Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII – XX вв.). Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск. 0,4 п.л. (в соавторстве).

Связи государственных крестьян Урала и Западной Сибири с рынком во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. //Там же. 1 п.л.

1991

Предисловие //Курганскому областному краеведческому музею – 40 лет (юбилейный сборник). Курган. 0,1 п.л.

Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Свердловск: АН СССР, Институт истории и археологии Ур О. РАН 2 п.л.(Автореферат докторской диссертации).

1992

Классовая борьба государственных крестьян Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург: Ур О РАН. 1 п.л.

Население Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. //Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по

исторической демографии. Екатеринбург. 12 – 14 мая 1992 г. М.1992.0.1 п.л.

Аграрная история досоветского Зауралья в исторической литературе //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып.3. Курган. 1 п.л.

1993

Европеизация России в XVII в. //Международная научная конференция. Россия и Западная Европа: диалог культур. Курган. 0,1 п.л.

Вперёд, к истокам! //Зауралье.2.04. 0,2 п.л.

Применение количественных методов исследования в краеведении //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. V. Курган. 0,4 п.л.

Ценные источники по истории государственной деревни Урала и Западной Сибири в период позднего феодализма // Там же. 0,45 п.л.

1994

Исторические изыскания В.П.Бирюкова //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып.7. Шадринск. 0,45 п.л.

Зауралье в документах XVII - первой половины XIX в. //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып.7. Курган. 0,1 п.л.

Расслоение крестьян Шадринского уезда в первой половине XIX в. //Одиннадцатые Бирюковские чтения. Шадринск. 0,2 п.л.

Истоки предпринимательства урало-сибирских крестьян в феодальную эпоху //Предпринимательство в Сибири. Материалы научной конференции. Барнаул. 0,5 п.л.

Общественное сознание государственных крестьян Западной Сибири в первой половине XIX в. //Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. Тезисы докладов и сообщений XXIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 27-30 сентября. Москва. 0,15 п.л.

1995

Переселенец в Зауралье в феодальную эпоху //Вопросы экологии Зауралья. Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. Сб. Вып.12. Курган. 0,5 п.л.

Шадринск в Пермском архиве //Шадринская старина. Альманах. Шадринск. 0,2 п.л. (в соавторстве).

А.А.Кондрашенков – педагог, учёный, организатор научных исследований //Материалы научной конференции, посвящённой 25 – летию Смоленского проблемного объединения по истории сельского хозяйства и крестьянства Западного региона Российской Федерации 15 – 16 марта 1995 г. Смоленск. 0,4 п.л. (в соавторстве).

Заселение и экономическое освоение Зауралья русскими крестьянами в XVII- первой половине XIX в. //Там же. 0,7 п.л. (в соавторстве).

Боевые традиции россиян //Зауралье в годы Великой Отечествен-

---

ной войны. Материалы научно – практической конференции. Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.9. Курган. 0,5 п. л.

Южное Зауралье в период позднего феодализма: Предисловие ко второму разделу «Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган. 0,1 п.л.

Документ №78 «Господам сенаторам 3 класса Б.К.Безродному, тайному советнику и действительному камергеру Б.А.Куракину Тобольской губернии Курганского округа Шмаковской волости поверенного от крестьян Максима Орлова покорнейшее прошение. Подано 19 июля 1827 г. //Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган. 0,2 п.л.

1996

Государственная деревня в аграрном рынке Урала //Аграрный рынок в историческом развитии. Материалы XXIII сессии Всероссийского симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Екатеринбург: РАН, Отделение Истории, Институт Российской истории, УрО, Институт истории и археологии. 0,5 п.л.

Аграрная технология на Урале в период позднего феодализма // Аграрные технологии в России. Тезисы докладов и сообщений XXIV симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас. 10 – 13 сентября 1996 г. Москва. 0,1 п.л.

Откуда есть пошла земля Далматовская //География. Приложение к газете «Первое сентября». 0,3 п.л.

1997

Декабристская Курганиада в литературе //Забвению не подлежит. Материалы «круглого стола»: Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» (14 декабря 1995 г.). Курган.0,5 п.л.

Очарованный Зауральем //Л.П.Осинцев: историк – краевед. Библиографический указатель. Шадринск. 0,1 п.л.

Крестьянин Зауралья в феодальную эпоху //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.20. Курган.1,4 п.л.

Материальная культура крестьян Южного Зауралья в период феодализма //Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития. Материалы второй областной научно- практической конференции. 28 ноября 1996 г. Курган.0,5 п.л.

Предисловие //Забывтый Курган. Васильева А.М Курган. 0,1.

Предисловие//История земли Курганской. Учебное пособие для учащихся V-VIII классов школ Курганской области. Курган. 0,1 п.л.

Заселение Южного Зауралья в XVIII – первой половине XIX в./ Там же. 0,5 п.л.

Хозяйственное освоение Южного Зауралья в XVIII – первой половине XIX в. //Там же. 0,9 п.л.

Послесловие //Там же.0,1 п.л.

Словарь терминов. Хронологическая таблица //Там же. 0,5 п.л. (в соавторстве).

1998

История крестьянства и аграрных отношений на Урале в феодальную эпоху в новейшей отечественной литературе // Урал в прошлом и настоящем: материалы научной конференции. Часть 1. Екатеринбург, 24-25 февраля 1998 г. 0,3 п.л.

Декабристы в Кургане // История Курганской области. Том 3. Курган. 2 п.л.

Соотношение производительной силы земли с демографическими процессами на Урале в период позднего феодализма // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX – XX вв. Тезисы докладов и сообщений XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов. 15-18 сентября 1998 г. Москва. 1998. 0,1 п.л.

Зимовье // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. УрО РАН. Институт истории и археологии. 0,1 п.л.

Лашманы // Там же. 0,1 п.л.

Крестьяне государственные // Там же. 0,1 п.л.

Межевание генеральное // Там же. 0,15 п.л.

1999

Патриарх исторической науки и высшего педагогического образования в Курганской области – Алексей Алексеевич Кондрашенков // Наука и образование Зауралья. №4-5. Шадринск. 0,3 п.л.

Пушкин и декабристы в памяти россиян // Наука и образование Зауралья. №6-7. Шадринск. 0,5 п.л.

Южное Зауралье в исторической литературе XVIII – начала XX вв. // Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVIII – XX вв.). Курган. 1 п.л.

История Урала: от «А» до «Я» // Новый мир. 27.05. 0,3 п.л.

Аграрные технологии на Урале в период позднего феодализма // Аграрные технологии в России. IX – XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас. 0,8 п.л.

Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Курган. 17 п.л. Монография.

2000

Зимовье // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Екатеринбург. 0,1 п.л.

Лашманы // Там же. 0,1 п.л.

Крестьяне государственные // Там же. 0,1 п.л.

Межевание генеральное // Там же. 0,15 п.л.

Великая Отечественная война в памяти зауральцев // Великая Отечественная война и Зауралье: Материалы научно-практической конференции по проблемам гражданского и патриотического воспитания молодёжи. Курган. 0,2 п.л.

Информационное поле государственного архива Курганской области и его филиала в г Шадринске безгранично //Архивы: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 75-летию государственного архива Курганской области 27 мая 1999 г.Курган. 0,5 п.л.

Менталитет уральского крестьянина (историографический аспект) //Урал на пороге третьего тысячелетия: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург.0,3 п.л.

О богатстве и бедности сибирских крестьян (первая половина XIX в.) //Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет): XXVIII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Москва. 0,1 п.л.

Страницы о боевых и трудовых подвигах зауральцев//Тобол.№1.0,5 п.л.

Страницы пройденного...//Зауралье в панораме веков. Межвузовский сборник научных трудов. Курган. 0,4 п.л.

Список научных трудов Пундани В.В. //Там же. 0,5 п.л.

Война и Зауралье //Наука и образование Зауралья.2/2000. 1 п.л
2001

Первопроходцы //Новый мир.14.03.0,3 п.л.

О богатстве и бедности сибирских крестьян (первая половина XIX в.) //Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда. 0,5 п.л.

Курганская историческая школа А.А.Кондрашенкова //История крестьянства и сельского хозяйства западнорусских и белорусских земель: прошлое, настоящее, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции 28-29 сентября 2000 г. Смоленск. 0,2 п.л.

Предисловие //Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сб. научных трудов.Вып.4. Курган.0,1 п.л.

Истоки исторического образования и науки в Курганской области //Там же. 0,9 п.л.

Историк-подвижник А.А.Кондрашенков //Там же. 0,4 п.л.

Корни менталитета россиянки ищи в прошлом //Я – женщина XXI в. «№ 7. Курган.0,3 п.л.

Родники земли Юргамышской //Л.Астафьева. С.Плотников. Сужденное не случайно. Юргамыш. 0,2 п.л.

Мастер дела и слова //В.Усманов. Зовущий колокол, огнём горящий меч. Курган. 0,2 п.л.

2002

Уральские страницы жизни и творчества К.И.Клименко //Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования: Шестые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург. 0,2 п.л

При отдаче замуж девушку не спрашивали о желании //Я – женщина XXI в. №2/9.Курган.0,2 п.л.

Из провинции в столицы //Екатеринбург: от завода – крепости – к евразийской столице. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23-24 мая 2002 г.Екатеринбург. 0,3 п.л.

Военный дневник Алексея Гурова //Помни войну.1941-1945. Т.2.0,5 п.л.

Вглядываясь в прошлое и настоящее с думой о будущем Alma Mater!//50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 21 ноября 2001 г. Курган. 1 п.л.

Социально-правовые аспекты крестьянского надельного землепользования в урало-сибирской деревне в первой половине XIX века // Землевание и землепользование в России (социально-правовые аспекты). XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Калуга, 24-28 сентября 2002 г. Москва, 2002 г.0,1 п.л.

История сёл и деревень Южного Зауралья в документах государственного архива Курганской области (Падеринская волость) //История сёл и деревень Зауралья. Сб. научных трудов. Курган.0,7 п.л.

Историзм Алексея Кузмича Югова //Юговские чтения. К 100 – летию со дня рождения писателя-земляка. Курган. 0,5 п.л.

2003

Предисловие //Музей – ты мир: Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию Курганского областного краеведческого музея 1-2 ноября 2001 года. Курган.0,1 п.л.

Краеведение на современном этапе //Там же.0,5 п.л.

Пять писем брата //Там же.0,3 п.л.

Военный дневник Гурова Алексея Ивановича // Там же.1,7 п.л.

Винниченко Олег Юрьевич //Историки Урала. Екатеринбург: УрО РАН. 0,1 п.л.

Кондрашенков Алексей Алексеевич // Там же. 0,1 п.л.

Меншиков Владимир Владимирович // Там же. 0,1 п.л.

Могутнов Валерий Петрович // Там же. 0,1 п.л.

Плотников Иван Егорович // Там же.0,1 п.л.

Саливон Александр Николаевич // Там же. 0,1 п.л.

Усанов Виктор Иванович // Там же. 0,1 п.л.

Русское продвижение за Урал //Ветер времён: Курганской области – 60 лет. Курган. 1 п.л.

Сибирская Италия //Там же.1,5 п.л.

Чем сильна Россия? //Тобол №1/11. 0,8 п.л.

Предисловие //Зырянские чтения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 18-19 декабря 2003 г.). Курган. 0,1 п.л.

С веком наравне, и не только! //Там же.0,7

2004

От Уральской советской к Уральской исторической энциклопедии //Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII –XX вв.: Сб. материалов межрегиональной научной конференции (Курган. 30 мая 2002 г.). Курган. 0,7 п.л.

«Буди во всём воля Божия, благая и совершенная...»//Звонница №26. Курган. 0,2 п.л.

Военная история России в региональном измерении //Социальные трансформации в Российской истории. Доклады международной научной конференции. Екатеринбург, 2-3 июля 2004 г. Екатеринбург – Москва. 0,6 п.л.

В. В. ПУНДАНИ - НАУЧНЫЙ, ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

1981

Декабристы в Кургане. Комплект из 22-х плакатов. Курган. 11,5 п.л.

1990

Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII-XX вв.). Межвузовский сб. научных трудов. Свердловск. 7 п.л.

Курганскому областному краеведческому музею – 40 лет (юбилейный сборник). Курган. 10 п.л.

1991

Н.Ф.Емельянов. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган. 10 п.л.

Н.Ф.Емельянов. Условия формирования поземельных отношений в Сибири при феодализме. Учебное пособие по спецкурсу. Курган. 6,5 п.л.

1992

Н.Ф.Емельянов. Город Курган. 1782-1917. Социально – экономическая история. Курган. 5,5 п.л.

Курганскому педагогическому институту – 40 лет (1952 – 1992). Курган.5,5 п.л

1995

Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье (Материалы по истории Курганской области). Курган. 8,5 п.л.

Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Второй раздел. Курган. 14 п.л.

1997

Забвению не подлежит. Материалы «круглого стола» - «Декаб-

ристы в Сибири»: проблемы, исследования, открытия». (14 декабря 1995 г.). Курган. 2,4 п.л

А.М.Васильева. Забытый Курган. Курган. 22,5 п.л.

История земли Курганской с древнейших времён до начала 60-х годов XIX века. Учебное пособие для учащихся V – VIII классов школ Курганской области. Курган. 22 п.л.

Курганский областной художественный музей и культура края. Сборник научных сообщений. Вып.2. Курган. 6,3 п.л.

1999

Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVII – XX вв.). Курган. 7,75 п.л.

2000

А.Л.Михащенко. Казачество Южного Зауралья. Курган. 13,9 п.л.

2001

В.Усманов. Зовущий колокол, огнём зовущий меч (том первый). 60-летию Сталинградской битвы и образования Курганской области посвящается. Курган. 47,75 п.л

2002

Н.А.Анисимов. Страницы истории Петуховского района. Учебное пособие для учащихся школ Петуховского района. Курган. 17 п.л

В.Усманов. Зовущий колокол, огнём горящий меч (том второй). 60-летию Сталинградской битвы и образования Курганской области посвящается. Курган. 62,4 п.л.

50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 21 ноября 2002 г. Курган. 15,5 п.л

Станица на Тоболе. Курган. 21,11 п.л.

2003

«Музей – ты мир!». Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию Курганского областного краеведческого музея. 1-2 ноября 2001 года. Курган. 25,9 п.л.

Зыряновские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Курган. 18-19 декабря 2003 г.). Курган. 24,75 п.л

В.В. ПУНДАНИ - ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ НАУЧНЫХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТ

1976

Социально – экономическое развитие Южного Урала и Зауралья в XIX и начале XX вв. Вып.10. Челябинск.

1983

Развитие производительных сил Сибири в XIX – XX вв. Межвузовский сборни научных трудов . Бахрушинские чтения 1983 г. Новосибирск.

1988

Государственный архив Курганской области и его филиал в г.Шадринске. Путеводитель. Курган.

1990

Земля Курганская : прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.1. Курган.

1991

Самостоятельная и научно-исследовательская работа студентов заочного отделения. Научно-методическая конференция преподавателей педагогических институтов Уральской зоны. Курган.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб.Вып. 2. Курган.

1992

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.3. Курган.

1993

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып. 5. Курган.

1994

Земля Курганская : прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.7. Курган.

1995

Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган.

Капитализм Зауралья в XIX – начале XX вв. //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.10. Курган.

1996

Охрана границ Зауралья. Щучанская земля иШадринский уезд в досоветский период. 0 В.П.Бирюкове //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.17. Курган.

1997

Итоги и задачи регионального краеведения. Материалы Всероссийской конференции по историческому краеведению. Курган, 6 – 7 мая 1997 г. Часть 1. Курган.

Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития. Мате-

риалы второй научно-практической конференции 28 ноября 1996 г. Курган.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.19. Курган.

Роль церкви в жизни Зауралья //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып.19. Курган.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып. 20. «Емельянову Н.Ф. – 60 лет». Курган.

1998

Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН
История Курганской области (Города Южного Зауралья в досоветский период). Т.3. Курган

1999

История Курганской области (Далматовский, Каргапольский, Щучанский, Мишкинский, Сафакулевский, Альменевский и Куртамышский районы в досоветский период). К 10 – летию Курганского областного общества краеведов). Курган.

2000

Уральская историческая энциклопедия. Изд.2-е, переработанное и дополненное. Екатеринбург: УрО РАН.

Урал в панораме XX века. Научно-популярное издание. Екатеринбург.

Урал на пороге третьего тысячелетия. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 14 – 15 декабря. Екатеринбург.

2002

Сборник аннотаций научно-исследовательских работ, выполненных кафедрами КГУ в 2001 году.Курган.

2003

Сборник аннотаций научно-исследовательских работ, выполненных кафедрами КГУ в 2002 году. Курган.

Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII – XX вв. Сб. материалов межрегиональной научной конференции (Курган. 30 мая 2002 г.).Курган.

2004

Сборник аннотаций научно-исследовательских работ, выполненных кафедрами КГУ в 2003 году. Курган

В.В. ПУНДАНИ - РЕЦЕНЗЕНТ НАУЧНЫХ И МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ

1982

И.А.Гурьев, В.И.Усанов. История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. Учебное пособие. Свердловск. 6 п.л.

1986

Методические указания и тематика контрольных работ для студентов заочного отделения по курсу «Источниковедение истории СССР». Свердловск.. 1 п.л.

Источниковедение истории СССР. Программа курса. Свердловск. 1 п.л.

1987

Плотников И.Е. Методические указания и материалы к спецсеминару «Крестьянство Урала в период построения фундамента социализма в СССР (1921 – 1932)». Курган. 1,4 п.л.

1988

Сысуева Р.П. Методические разработки к спецкурсу «Источники по истории русского языка». Курган. 1,3 п.л.

1992

Сысуева Р.П., Кувалина С.С. История русского литературного языка. Методические рекомендации для студентов 5 курса филологического факультета. Курган. 5 п.л.

1994

Кислицын В.А., Фомичёв К.А. Методические рекомендации для студентов-историков по источниковедению истории России и новой и новейшей истории зарубежных стран. Курган. 1 п.л

1996

Сысуева Р.П., Шушарина И.А. Курганское городское хозяйственное управление. Документы за 1799 г. (договоры, доклады, отписки, предложения, рапорты, сообщения, требования, указы).Курган. 15 п.л

Кислицын В.А. Политические партии России в XX веке. Программные документы и материалы. Часть 1. Курган. 9 п.л.

1999

Сысуева Р.П., Шушарина И.А. Материалы к истории деловой письменности Зауралья. Вторая половина XVIII в. Курган. 5 п.л.

2000

А.А.Пашков. Шадринское ручное ткачество. Шадринск. 12,32 п.л.

И.А.Сазонов. Профессиональная ориентация школьников в России. Курган.16,6 п.л (в соавторстве).

2001

И.А. Сазонов. Закономерности в теории и практике профессиональной ориентации учащихся общеобразовательных учреждений России. Челябинск. 5 п.л. (в соавторстве).

2002

Рассекреченные документы в фондах Государственного архива Курганской области. Курган.3,5 п.л.(в соавторстве).

2003

Курганская область: Лидеры и время. Сборник документов (1943-2003). Посвящается 60-летию Курганской области. Курган. 24 п.л. (в соавторстве).

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И УКАЗАНИЯ В. В. ПУНДАНИ

1988

Методические рекомендации и контрольные работы по истории СССР для слушателей. Курган. 0,8 п.л.

1990

Методические указания к семинарским занятиям по истории СССР (феодализм) для студентов-историков. Курган. 2,5 п.л (в соавторстве).

1992

Методические рекомендации по организации самостоятельной работы при изучении истории России (досоветский период) на I –III курсах исторического факультета. Курган. 1 п.л (в соавторстве).

Методические рекомендации по использованию краеведческих материалов с указателем основной литературы по истории Южного Зауралья из фонда Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А.К.Югова. Курган. 2,5 п.л.

1993

Методические рекомендации к семинарским занятиям по историографии истории России (досоветский период) для студентов IV курса исторического отделения историко-филологического факультета. Курган. 1 п.л.

1994

Методические рекомендации по специализации студентов – историков I – V курсов (спецкурсы, спецсеминары и история родного края) стационара и заочного отделения. Курган. 1,5 п.л (в соавторстве).

1996

Программы учебных дисциплин по кафедре истории России: программы предметов по кафедре истории России; методические указания для студентов-историков V курса для госэкзаменов по отечественной истории (период феодализма и капитализма). Курган. 3 п.л.(в соавторстве).

2000

Историческая психология и этнология. Методические рекомендации к семинарским занятиям и контрольным работам для студентам I-III курсов историко-правоведческого факультета (специальность 020700, направление 52800). Историческая психология. 1,2 п.л.

ОДНА, НЕ ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ: В.В.ПУНДАНИ В СВЕРДЛОВСКЕ

**Зима. Пундани торжествует. Он пригласил к себе гостей...
За рюмкой чая вновь толкуют всё об истории своей...**

Жизненный опыт показывает, что всё-таки неправильно мы празднуем юбилеи, круглые и некруглые даты. Много теряем! Ждём, ждём, а в итоге в один день всё заканчивается. Менять нужно принципы. Для убедительности попробую отразить эту мысль на конкретных примерах жизни Валерия Владимировича Пундани.

Вспомогательная (для честолюбивых — специальная) историческая дисциплина «Хронология» оперирует минутами, часами, днями, месяцами. И люди точно также. Вспомним хотя бы сборники А.Галича «Дни бегут как часы», В.Тушновой «Сто часов счастья» и многое другое. Из этих компонентов складываются годы.

Курс «Хронология» и другие вспомогательные дисциплины я, кстати сказать, читал в Курганском пединституте в 1976 г. Известен ли сегодняшним сотрудникам кафедры отечественной истории сей факт? В.В.Пундани наверняка помнит. Помнит скромно оборудованную аудиторию со студентами, озеро... т.е. будни и праздники июня 1976 г.

Уверен, что эти дни необходимо отметить красными датами в календаре Валерия Владимировича...

Убедиться в этом просто. Вспомните — не понравилось Б.Н.Ельцину название праздника 7 ноября — решили переименовать. Сегодня, видимо, все примирились и согласились. Власти вообще решили убрать этот праздник. Нашли новый праздник — освобождение Москвы от поляков и день для него. Логичнее же праздновать не один день, а с 22 (31) октября по 26 (4 ноября) октября, весь период освобождения Москвы, от Китай-города до Кремля. А можно и ещё шире. А траурным днём сделать день приглашения тогдашней московской властью поляков править в Москве и добровольное открытие им ворот в Кремль. Скоро, видимо, нужно ждать утверждения новых праздников — освобождение Москвы от французов, а уж ночь и день с 3 на 4 октября 1993 г. — освобождение Москвы от Верховного Совета конечно же должны быть красными. Но при этом нужно помнить совершенно бесспорное — нельзя и не нужно властям насаждать народу равнодушие к своему прошлому и настоящему. Беспамятной власти и беспамятному народу ничего не поможет.

Но вернёмся к В.В.Пундани. И предложим ему праздновать много хороших и славных дней. В моём распоряжении нет более ранних, до 5 октября 1973 г., официальных документов о связи В.В.Пундани

со Свердловском. Но в этот день (его обязательно нужно праздновать) оператор Комитета по телевидению и радиовещанию Курганского облисполкома написал заявление в Совет УрГУ, где просил принять к защите кандидатскую диссертацию. Она прошла апробацию в Смоленске (тему научной работы ему утвердили 35 лет назад, 12 декабря 1969 г.). Забыл отпраздновать, Валерий Владимирович? Срочно внеси в календарь памятных дат!

Заявление было принято. Через день, 6 октября (выбрал же денёк – в мои 30 лет; его нужно отмечать вдвойне) состоялось обсуждение диссертации на совместном заседании кафедр истории СССР досоветского периода, архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин. Было принято решение о представлении её к защите. 19 октября, в день 53-й годовщины УрГУ Совет принял диссертацию к защите. С этого дня началось формирование личного дела автора научного исследования.

С фотографии листа по учёту кадров на нас смотрит беспартийный молодой человек, рядовой Советской Армии, холостой, побывавший в Польше и Чехословакии. Он без бороды, с шикарной причёской, в белой рубашке, в галстуке и пуловере. Отмечается, что сдал все кандидатские экзамены на отлично, а вот на диа-ист и мате подкачал - на «уд». Вскоре я убедился, что преподаватели – экзаменаторы явно занизили ему эту оценку...

Ещё через день был разослан автореферат «Государственные крестьяне Тобольской губернии в конце XVIII –первой половине XIX вв.». Здесь отмечалось, что защита намечена на 23 ноября, научным руководителем является доктор исторических наук, профессор А.А.Кондрашенков; оппонентами выступают профессор В.Я.Кривоногов и доцент Пермского госуниверситета, декан истфака В.В.Мухин; ведущее учреждение – Московский госуниверситет.

Я не случайно назвал тему диссертации. Месяц до защиты, я уверен, Валерий Владимирович провёл беспокойно. Естественное волнение усугубилось тем, что объявилась недовольная в лице преподавателя Курганского пединститута Е.И.Терещенко. Она написала письмо с претензиями в Совет УрГУ о том, что 18 дней назад она защитила диссертацию в Ленинграде по сходной теме. Была создана независимая комиссия, отвергшая притязания Елены Ивановны. Но не унялась женщина, приехала всё-таки на защиту, хотя и выступила, но более корректно. Ничего не помогло. Члены Совета единогласно решили судьбу В.В.Пундани.

Для сведения перечислю их фамилии. Это важно и потому, что из 12 членов Совета 10 уже ушли из жизни. Это В.Г.Чуфаров – председатель Совета, Н.А.Бортник, Ф.П.Быстрых, В.Я.Кривоногов, М.Т.Крючков, В.В.Покровский, И.Ф.Плотников, М.Я.Сюзюмов, В.В.Фельдман, И.Н.Чемпалов, В.И.Шихов, В.А.Кузнецов – ректор университета.

Отгремели банкетные будни. Этот день тоже нужно отмечать. Тем более, что Василий Яковлевич Кривоногов сказал о тебе блестящие слова: не пьёт, не курит, на фортепьяно играет. И уехал наш положительный кандидат в Курган. Но уже тогда был и кандидат в нашу команду — команду преподавателей истфака, которые только начинали поднимать новую историко-архивную специальность. Официальное приглашение он получил, но переговоры шли долго. Страсть переехать из Зауралья на Урал у Валерия Владимировича была. Но явно не пламенная. По многим причинам. «И хочется...». Это выражение приводится не для красного словца. Оно органически вписывается в события. Действительно, ему было очень трудно решиться на переезд: в Кургане в одиночестве оставалась мама. А поменять курганскую квартиру на Свердловск и в то время было сложно.

Я не могу писать о всех переживаниях зимнего периода жизни Валерия Владимировича (я их не знаю). Но 5 марта (дата примечательная, её обязательно нужно отмечать) в Уральском университете был издан приказ. В нём вторым параграфом значилось: Пундани Валерия Владимировича, 1940 года рождения, зачислить на должность младшего научного сотрудника по х/д № 548 с 1 марта по 30 апреля 1974 г. с окладом 105 руб. в месяц». Да, младшим начинал он работать в Свердловске. Временно, ставка ассистента появилась позднее.

И приехал В.В.Пундани из благоустроенной курганской квартиры в общагу Ур ГУ. Условия не ахти, но перспективы и окружение блестящие. Из старшего поколения я назову только одного: профессора — доктора Анатолия Григорьевича Козлова. Много он сделал для нас всех, в том числе и для курганца, тот поистине человечный Человек. Здесь Валерий Владимирович у нас нет разных мнений. Я уверен в этом. Да и молодые все молодцы — Э.А.Пензин, А.М.Сафронова, Д.Н.Шаталов, автор этих строк, все помогли новому члену кафедры. А его научные успехи вдохновили первых на личные научные подвиги. Кто-то быстро защитился, у кого-то подвиг затянулся на более длительный срок, а кое-кто только совсем недавно отказался от этого...

Дни 16-17 мая 1974 г. Валерий Владимирович вспоминать любит постоянно. Только в календарь отмечаемых дат почему-то не внёс. А длительные беседы В.В.Пундани с Д.Н.Шаталовым о пользе семейной жизни привели к тому, что последний решил жениться. И день 8 июля 1974 г. (день свадьбы Шаталова Д.Н.) В.В.Пундани непременно нужно пометить красным в своём личном календаре. Это тем более важно, что именно в этот день Вы получили в кассе университета перерасчёт по зарплате. Вам стали платить уже как кандидату наук. И, естественно, 8 июля Вы выглядели поистине блестяще — очень щедры и трогательны. Этот день непременно надо отмечать ежегодно!

Можно много писать о пребывании В.В.Пундани в Свердловске. Но нужно быть скромным, сборник научных трудов не вынесет всего пережитого. Тем более, что коллега в этом же 1974 г. всё-таки уехал домой. Траурную дату отъезда я называть не буду по единой причине – торжественных дней у любого человека намного больше.

Заканчиваю статью уверенно – я убедил читателей в том, что праздновать что-либо (а не только юбилеи) нужно значительно чаще. Скептикам обещаю – к очередной круглой дате Валерия Владимировича напишу очередной очерк. Называться он будет так: Двое – В.В.Пундани и А.В.Черноухов – в двух столицах нашей Родины: работа и отдых.

Юбиляр! Не нужно волноваться. Заглавие мудрёное, но всё будет достойно и обязательно честно. Живём ведь мы с тобой по принципу: никакого личного участия во лжи. Мы с тобой историки, никогда не охаивали нашу отечественную историю. Мы пытаемся убедить студентов в необходимости знания истории нашей страны. Только на знании делаются обобщения. А враньё, даже хорошо поставленным голосом, подгонка в угоду кому-то фактов, практически никогда не приживается. Ты прекрасно знаешь, как сложно внутренне жить историкам, которые уже на нашей памяти много раз перестрадавались. Враньё, как и дерьмо, плавает, оно обязательно уплывёт. Жаль только потерянного времени. Малограмотных держав на геополитическом поле никогда не было.

*Успехов тебе, Валерий Владимирович,
на сложном поле жизни!*

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В 1999-2003 ГГ.

Алакульский курганный некрополь, исследовавшийся археологической экспедицией Курганского госуниверситета в 1999-2003 гг., является одним из наиболее полно раскопанных погребальных памятников эпохи поздней бронзы на территории лесостепного Притоболья. Значительный интерес к этому могильнику вызван тем, что именно на основании его раскопок в 1938 году (курганы № 8 и 13) К.В. Сальникову выделил алакульскую археологическую культуру (Сальников К.В., 1952, с.51-71).

Памятник расположен на северном берегу озера Алакуль Щучанского района Курганской области. Некрополь, насчитывавший некогда более сотни насыпей, подвергся сильному разрушению в ходе хозяйственной деятельности. В настоящее время на поверхности слабо читаются не более 8 курганных всхолмлений.

Всего в результате раскопок Алакульского курганного некрополя исследовано 21 курганов (2 - К.В. Сальниковым; 2 - Е.Е. Кузьминой; 17 - С.Н. Шиловым). Полученные материалы позволяют сделать некоторые выводы в целом о погребальной обрядности, материальной культуре и внешних связях, населения, оставившего могильник в конце XVI — начале XIV вв.

Археологическая экспедиция Курганского госуниверситета в 1999-2003 гг. изучила курганы №№ 1, 14, 18 (с находящимися рядом комплексами 18-а, 18-б), 20, 22, 23, 25, 26, 27, 38, 55, 61, 65, 67, 68, содержащих 163 погребения. Все они относятся к алакульской культуре и датируются серединой II тыс. до н.э.. Все сделанные далее выводы базируются, прежде всего, на материалах раскопок 1999-2003 годов.

В целом погребальный обряд могильника достаточно традиционен: погребения в положении скорченно, на левом или правом боку. При этом скорченная поза, скорее всего, связана с восприятием смерти как сна, в ходе которого и совершается переход в иной мир (см. например о подобных представлениях: Велецкая Н.Н., 1978, с.34). В основном все погребения одиночные, к парным относятся лишь 17 погребений, к коллективным - 6 могил (четыре с тремя умершими и по одной с четырьмя и пятью), причем в основном все эти могилы центральные в курганах (7 захоронений от общего числа). Возможно, парные или коллективные детские погребения, чаще всего содержавшие останки детей в возрасте от полугода до полутора лет, являются показателем сезонности совершения захоронений на территории не-

---

крополя. Одновременно с этим все эти погребения отличаются своими более крупными размерами и тяготеют к центральному положению в кургане. Отмечено и наличие нетрадиционных форм погребальной обрядности, причем только по отношению к детям. Раскопки 2001 г. выявили наличие нетрадиционных форм обрядности в отношении детей, в частности специфические способы обращения с черепами - погребение с двумя черепами, без черепа или черепа внутри сосуда. Семантический смысл подобных захоронений на данный момент установить чрезвычайно сложно (Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2003, с.17-18).

Особый интерес представляет половозрастной состав умерших, погребенных на территории Алакульского курганного некрополя, и вопросы реконструкции их статуса. Отметим, что изучение данного аспекта только начато и по этой причине все выводы носят лишь предварительный характер. Взрослые субъекты были погребены лишь в центральных погребениях курганов, во многом именно их наличие, по всей видимости, определяло сооружение курганного комплекса. В ряде случаев приблизительный возраст умерших определялся по размерам погребения (Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2000, с.216-217). Предварительно отметим, что с точки зрения, социального статуса в древних обществах к взрослым можно относить и подростков, прошедших обряды посвящения. В 17 курганах центральных (взрослых и подростковых) погребений было сооружено всего 21 (в них погребено не более 22 субъектов), что составляет в среднем менее 10 % от общего числа погребений. Таким образом, в могильнике явно преобладают дети (около 90 % погребений или 85 % умерших). Настолько низкий процент погребенных в возрасте после 15-16 лет, то есть после достижения возраста инициации, говорит о существовавшей в алакульском обществе сложной системе обрядов и ритуалов, направленных на отбор умерших для погребения в курганах-«храмах». Скорее всего, при таком отборе одновременно учитывались прижизненный статус умершего, условия и время смерти, а также ряд иных факторов. При этом необходимо отметить то, что статус детей, подростков и взрослых в сакральной сфере часто мог приравниваться. Все это не в коем случае не отрицает высокой детской смертности в эпоху бронзы при стремлении захоронить их в сакральном центре, исходя из желания вернуть души детей в круг рода (Кызласов И.Л., 1993, с. 102-108). В тоже время не ясно само соотношение детской и взрослой смертности, поскольку при подобной пропорции в реальной жизни общество просто не может выживать (Синюк А.Т., 1996, с.286-290). Возможно, что отбор умерших для погребения в кургане существовал только в отношении взрослых субъектов.

Погребальный инвентарь представлен внушительной керамической коллекцией, состоящей из более 300 сосудов. Подавляющее большинство сосудов относится к классическим алакульским, находки гор-

---

шков иного культурного облика единичны (постпетровские и срубные в основном были найдены в центральных курганах некрополя, сосуды со смешанными алакульско-федоровскими чертами напротив расположены в периферийных насыпях). Не менее значительна коллекция инвентаря из бронзы, кости и камня. Наиболее значительными находками являются редкое нефритовое навершие булавы, а также 5 бронзовых двулезвийных ножей. Выделяется разнообразный набор бронзовых женских украшений — браслеты, височные кольца, очковидные и крестовидные подвески, бляшки с тиснёным солярным орнаментом в виде крестов, концентрических кругов с различными дополнениями — «шишечками» или «лучами», бусины, обоймочки и т.д. Самые примечательные из украшений — это фрагменты сложно-составных наконечников и челюстно-лицевая подвеска, состоящая из бронзовых полусферических бляшек разного размера, между которыми располагались в три ряда костяные бусины, и ножные украшения, представляющие собой парные браслеты из бронзовых кольцевидных бусин, нанизанных на шнур, обтянутых сверху полоской кожи и украшенных витыми шнурочками из красной шерстяной нитки. Найдены также амулеты из клыков животных и раковин, каменные и костяной наконечники стрел, а также костяные изделия неизвестного назначения.

Однако особый интерес представляет планиграфия могильника и ее соотношение с иными признаками обрядности. Отметим, что она носит во многом гипотетический характер, в частности по причине сильной разрушенности памятника.

По всей видимости, наиболее ранние курганы, являющиеся в то же время элитными по богатому инвентарю и особенностям погребального обряда, были тесно сконцентрированы на самой вершине возвышенности северного берега оз. Алакуль. По мере ее заполнения территория могильника распространилась дальше к северу от берега, а также на восток от центра вдоль берега. Однако более поздние комплексы были созданы либо в низине к западу от центра, либо на самом откосе берега озера. Именно в последних курганах встречены сосуды с федоровскими чертами и характерный бронзовый инвентарь, а также два погребения детей по обряду кремации (курган № 61). По всей видимости, могильник сооружался на протяжении жизни 5-6 поколений людей. Учитывая, что все элементы погребального обряда были строго закономерны, то интересно, что первоначально курганы распространялись именно к востоку (сакральная сторона восхода солнца, связанная с культами природы и возрождения), а лишь позднее к западу (сторона заката и мира смерти) (см. подробнее об этом: Маслюженко Д.Н., 2003, в печати).

В большинстве курганов сооружение погребений было подчинено круговому принципу. Данный принцип мог быть выражен в двух формах: сооружение ровика (курган № 1, наиболее ранний из иссле-

---

дованных) или круга из периферийных могил (курган № 18, 22). В первом случае детские периферийные могилы оставались за пределами рва, а на сакрализованной площадке было лишь взрослое центральное курганообразующее погребение и одно из детских, которое могло выполнять роль жертвенного, освящающего курган (курган № 1), при этом детское было сооружено раньше взрослого. Во втором случае, встречающемся гораздо чаще, круг образован детскими погребениями, в тоже время закономерности оформления внутренней площадки сохраняются (в частности, курган № 14). В случае отсутствия явного доминантного взрослого погребения в кургане могло быть сооружено два круга: внешний из детских или юношеских погребений, внутренний – из погребений людей 20-25 лет, отличающихся очень богатым бронзовым инвентарем (курган № 22). Однако постепенно круговой принцип, включавший в себя наличие одно или в идеальной модели двух центральных погребения, утрачивал свои традиции, заложенные в предыдущее время. В результате этого периферийные погребения начинали сооружать лишь с одной стороны от центрального, при этом о большинстве исследованных случаях западная сторона курганного пространства оставалась свободной (курган № 20 с сохранением традиции двух центральных погребений; курганы №№ 23, 67, 68). Кроме того, одним из хронологически определяющих признаков в данном могильнике является постепенное сокращение количества погребений в поздних курганах (с 20 до 8-9 или даже 5-6 (курган № 55, находящийся на самом берегу)).

Интересно сравнить полученные материалы Алакульского некрополя с данными Субботинского могильника в Сафакулевском районе Курганской области, раскопки на котором проводились дважды (экспедицией КГПИ под руководством Т.М. Потемкиной в 1971 г. и экспедицией КГУ в 1997 г.). Он также сооружен на берегу озера, при этом наиболее ранние курганы удалены от уклона берега и вынесены на возвышенность, после чего начинается расширение площади к урезу озера и вдоль него к северу. Почти все курганы здесь содержат по 2-3 погребения с гораздо более бедным инвентарем и датируются серединой XV – XIV веками, являясь показателями нового этапа в развитии погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Приоболья и одновременно с этим изменением в социальной структуре местного населения. Наиболее поздние комплексы, содержащие сосуды федоровского облика, включают всего 1-2 погребения (Потемкина Т.М., 1984, с.236-258).

По всей видимости, алакульские курганы были не только местом упокоения умерших, но и сакральными центрами («храмами») определенных групп населения, кроме того, на территории могильника существовал и культовый центр - святилище (курган № 49, исследованный Е.Е. Кузьминой).

Из предложенной схемы развития резко выбиваются лишь мате-

риалы кургана № 25, где погребения хаотически разбросаны на погребальной площадке, лишь весьма грубо придерживаясь круговой планировки. Материалы данного кургана позволяют предположить, что его сооружение было по какой-то причине не закончено, в пользу чего свидетельствует и наличие пустых ям, которые могли быть заготовками для могил умерших.

Курганы, расположенные на возвышенности, почти все содержат большее количество погребений (так, например, курган № 13 с 43 захоронениями, изученный К.В. Сальниковым, или курган № 20 с 26 могильной ямой), причем расположенных в соответствии с принципами круговой планировки. Твердая закономерность в ориентировке наблюдается лишь между центральными погребениями, в то время как периферийные всегда расположены по кругу и, по всей видимости, их ориентация в мифологическом пространстве алакульцев не играла значительной роли. «Детские» и «подростковые» (данные понятия не отражают реальный статус человека, а скорее являются кодом для исследователей) расположены в ряде случаев по разные стороны от центральной могилы. В том случае, если погребения не охватывают все подкурганное пространство, они концентрируются в восточной и северо-восточной части.

Проведению полной реконструкции погребального обряда Алакульского некрополя препятствует фактор сильной разрушенности многих могил. Однако и в этом отношении можно наметить определенную закономерность. Отметим, что в данном случае мы предпочитаем использовать термин «разрушение» или в крайнем случае «осквернение» в отношении таких могил, что более адекватно отражает причинность этого явления, чем «ограбление». Кажется, что причины данного явления в большинстве случаев были связаны с религиозной сферой, в частности конкуренцией различных групп населения, при чем в том числе и близкородственного. В более ранних комплексах разрушению подвергались в основном центральные взрослые погребения. Однако постепенно количество разрушенных могил увеличивается, причем в их число начинают включаться и детские. Особенно сильному осквернению подвергся незаконченный курган № 25, что может быть связано с кризисом группы, его оставившей, и не способностью защитить своих предков.

Разрушение могил является одним из факторов, препятствующих исследованию погребальной обрядности любой культуры. В тоже время оно несет в себе определенные данные о специфике обрядовых представлений и отношении между двумя мирами, людей живых и мертвых, но продолжающих оставаться членами сообщества по рождению и праву крови. Судя по данным этнографии, у многих народов мира разрушение могил носило целенаправленный характер и вписывалось в общую концепцию погребального обряда как длительно-го процесса взаимодействия миров (см. например: Жук А.В., 1990,

---

с.62-65; Яценко С.А., 1998, с.71; Косарев М.Ф., 1991, с.157). Оно было одним из элементов погребального обряда. При этом нам кажется, что полностью сути такого явления отвечает именно термин «разрушение» как вторжение в некротферу могилы. Название же «ограбление» как более узкое является лишь одним из элементов, ограничивая проникновение в могилу с целью получения материальной выгоды в виде вещественных ценностей (артефактов).

В археологии Урала и Зауралья было сделано несколько попыток объяснений сути данного процесса с применением материалов этнографии различных народов. На данном этапе в результате исследования проблемы авторами было предложено несколько резко отличных гипотез: разрушение вредоносной силы умершего, перераспределение богатств, борьба между конкурирующими группами за землю (Зданович Д.Г., 1995, с.48; Зданович Д.Г., 1997, с. 65-66; Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1999, с.81-82; Нелин Д.В., 2000; Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2001, с.122-123; Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2003, с.212-213).

По материалам Алакульского и Субботинского некрополей, относящихся к древностям алакульской культуры и датированных в рамках конца XVI – XIV вв., видно, что процесс разрушения могил эволюционировал вместе с самим погребальным обрядом. Это эволюция шла от сакрализации самих курганных комплексов к постепенному их забвению, изменению их статуса в обрядовой сфере общества, стремлению вернуться к традициям эпохи камня.

Можно предположить, что период поздней бронзы, совпадающий с бытованием андроновских древностей, есть время борьбы за влияние в обществе двух начал в погребальной обрядности и в культе умерших. С одной стороны, это традиция, заложенная ямной и синташтинской культурой, со значительной ролью курганных комплексов, которая поддерживалась генетически связанными с ними небольшими, жестко социально структурированными, группами населения. С другой стороны, это традиционная местная элита, а самое главное само общество, тяготившее к возврату к обрядности эпохи камня, что, на наш взгляд, и произошло в эпоху финальной бронзы. С течением времени курганным погребальным комплексам придается все меньшее значение, исчезает определенный пиетет к ним, а, следовательно, и к людям в них погребенным. Усиление грабежа к концу эпохи бронзы могло быть связано с истощением бронзовых ресурсов (Зданович Г.Б., Шрейбер В.К., 1988, с.18-20), но сама мысль взять их из могил уже является определенным признаком изменения ментальных установок, деградации консолидирующей функции курганного комплекса.

Предложенная схема развития мотивов разрушения могил находит свое подтверждение в материалах Алакульского и Субботинского некрополей. Как правило, разрушению в первом из упомянутых могильников подверглись лишь центральные взрослые погребения, при-

---

чем чаще всего грабительский вскоп проходит с востока или с северо-востока, реже с юга, иных сторон света не наблюдается. При этом разрушали, прежде всего, костяки, обязательно разбиваются черепа, при этом значительная часть бронзовых изделий остается на месте в сильно перемешанном состоянии (обращает на себя внимание сохранение бронзовых кинжалов). При этом разрушители четко знают, в каком месте находится могила, что позволяет, в совокупности с нахождением костей ног *in situ*, предположить небольшой срок (не более 25 лет), прошедший со времени сооружения могилы до проникновения в нее. В тех случаях, когда в кургане две центральных могилы (курган № 18, 20), их разрушение происходит одновременно, в результате чего часть керамики перемещается из одного погребения в другое. Однако в ранних курганах не разрушаются периферийные детские могилы, хотя часто они достаточно богаты по инвентарю. Лишь в одном случае проникновение было осуществлено почти во все могилы кургана (курган № 25), однако это связано с незавершенностью данного комплекса, возможно вызванного кризисом группы. На данном этапе доминируют ритуальные причины разрушения могил.

В курганах, завершающих функционирование Алакульского некрополя и относящихся ко второй половине XV – началу XIV веков, происходит ряд изменений. В частности, это уменьшение количества могил и их размеров, постепенная деградация круговой планировки, в керамике появление некоторых черт федоровской традиции. Разрушению начинают подвергаться и детские могилы, а во взрослых из бронзовых изделий остаются лишь бусины. Одновременно с этим начинают забирать и почти все кости умерших, возможно это является свидетельством того, что тело умершего выбирали из могилы до его разложения с целью снять с него украшения. Принятие данного предположения за рабочую гипотезу наталкивает нас на еще одно качественное изменение в обряде разрушения могил. Складывается впечатление, что на первом этапе оно, хотя и было достаточно варварским (в частности, тело умершего в могиле № 25 кургана № 18 было разделено на несколько частей, после чего грудная клетка оказалась выкинута из могилы, часть костей ног были незатронутыми, а череп вообще отсутствует), однако связано с принимаемыми обществом действиями. Теперь же оно начинает связываться с потаенностью вторжения в некротерму. В таких случаях могло действовать не только родственное население, но и конкурирующие группы, стремящиеся разрушить власть других над территорией (Леви-Брюль Л., 1994, с. 100, 480; Тишкин А.А., 1996, с.21).

В связи с этим следует отметить, что по данным этнографии именно наиболее уважаемым предкам продолжает после смерти принадлежать скот и земля (Антонова Е.В., 1990, с.96), а их курганы являлись своеобразными территориальными метками (Джоунс-Блей К., 1996, с.6). Наследственность не только объединяла группу, но и давала ей право на владение определенной территорией (Семенов В.А.,

---

1991, с.9), в пределах которой действовала сила и защита предков. Любопытно, что подобные воззрения были характерны не только для традиционных дописьменных обществ почти всего мира, но и для развитых государств. Связь между правом собственности и погребениями зафиксирована и для Древней Греции и Рима (де Куланж Ф., 1996, с.198), любопытно, что и в новое время при освоении Африканского континента колонизаторы также уничтожали могилы местных вождей, разрушая власть племени (Бочаров В.В., 1996, с.134).

Наиболее ярко указанные выше черты погребальной обрядности эпохи поздней бронзы на территории лесостепного Притоболья проявились в XIV веке до н.э. в материалах Субботинского некрополя. Он характеризуется резким уменьшением количества могил в курганах, увеличением числа алакульско-федоровской керамики. Одновременно с этим разрушению и здесь уже явному ограблению подверглись почти все могилы, включая большинство детских периферийных. Причем в ряде случаев этот процесс был одновременным не только в рамках одного кургана, но и нескольких соседних.

Таким образом, раскопки Алакульского курганного некрополя, на наш взгляд, позволяют по-новому взглянуть на некоторые особенности погребальной обрядности эпохи поздней бронзы. По всей видимости, на протяжении трех веков функционирования алакульской культуры сменились стереотипы восприятия кургана как особого сакрального пространства, одновременно с этим уменьшилась роль самого подкурганного погребального обряда в обществе. Все это особым образом сказалось и на обряде разрушения могил, которое является одним из показателей состояния общества.

Примечания:

1. Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
2. Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. СПб, 1996.
3. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
4. Джоунс-Блей К. Наследие степного погребального обряда в бронзовом веке Европы // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.
5. Жук А.В. Курганные жители и путешествия к ним (по отчетам графа А.А. Бобринского 1901-1912 гг.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Тезисы докладов. Л., 1990.
6. Зданович Г.Б., Шрейбер В.К. Переходные эпохи в археологии: аспекты исследования на материалах СКАЭ – УКАЭ // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988
7. Зданович Д.Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев урало-казахстанских степей // Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995.
8. Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
9. Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское ар-

---

хеологической совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999.

10. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.

11. де Куланж Фюстель. Божества гражданской общины древнего мира // Религия и общество. М., 1996.

12. Кызласов И.Л. Мировоззренческая основа погребального обряда // Российская археология, 1993. № 1.

13. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

14. Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н. Разрушение могил в системе погребальной обрядности эпохи средней бронзы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы конференции. Пермь, 2003.

15. Маслюженко Д.Н. К возможной интерпретации ориентационных принципов алакульских погребений // Зырянские чтения. Тезисы 2 региональной конференции. Курган, 2003. (в печати)

16. Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретаций // К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы. Материалы конференции. Самара, 2001.

17. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

18. Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии, 1952. № 24.

19. Семенов В.А. Традиционная духовная культура комя-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар, 1991.

20. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

21. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

22. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. О роли «социального возраста» в погребальной обрядности эпохи бронзы (по материалам алакульских памятников лесостепного Притоболья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Владивосток-Омск, 2000.

23. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. О некоторых аспектах мотивации разрушения могил алакульской культуры на территории лесостепного Притоболья // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы конференции. Оренбург, 2001.

24. Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Нетрадиционные формы погребальной обрядности в Алакульском могильнике эпохи средней бронзы // Зырянские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Курган, 2003.

25. Яценко С. А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология, 1998. № 3.

М.Ф. Ершов

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА, КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ

Что такое Зауралье? Ответ на данный вопрос немислим без анализа социально-экономических, политических и культурных процессов, протекавших на его территории (1). Естественно, что анализ этих процессов должен начинаться с эпохи колонизации, когда заклады-

---

вались основные элементы, тот «несущий каркас», вокруг которого впоследствии и структурировалось Зауралье. Изучение колонизационных процессов требует от историков решения ряда проблем. Почему на осваиваемых территориях формируются те или иные социальные структуры? От чего зависит складывание и воспроизводство местной сферы управления? Эти и другие вопросы предполагают комплексное рассмотрение исторического прошлого с учетом социокультурных реалий и внутренней политики государства.

Несомненно, что в предельном обобщении, усилия государства сводятся к созданию условий для непрерывности своего существования, к поддержанию и упрочению своего статуса. Конкретная историческая, географическая и социальная ситуация («когда», «где» и «как») усложняет реализацию программы, придает ей специфику и местный колорит.

Применительно к Зауралью на разных этапах его колонизации в сфере управления доминировали неодинаковые группы факторов, обуславливающих принятие тех или иных решений. Начнем с того, что не существовало фатальной предрасположенности вхождения в состав России крупнейших территориальных массивов, находящихся восточнее Уральского хребта. «Ничто не мешало Ермаку учредить в Сибири порядок, отвечавший вековечной мечте народа о воле, — замечает Р.Г. Скрынников, — вместо этого казаки, став властью, стали управлять именем царя, привели местное население к присяге на государево имя и обложили его государевым налогом — ясаком»(2).

Отвлекаясь от анализа вероятностных исторических сценариев, все же заметим, что могла быть реализована одна из возможностей автономного существования Сибири в рамках Российского государства. Подобно Дону, Яику или Украине после 1653 г., Сибирь вполне могла обрести некоторую самостоятельность, находясь под эгидой Строгановых, Ермака или казачьего круга. Но даже и при формальном беспрекословном подчинении Москве сибирские воеводы обладали немалой спесью и неоднократно претендовали на независимость в решении местных вопросов(3). За Уралом люди чувствовали себя более свободно по отношению к государству и, в то же время, уклонялись от активного противостояния его институтам.

Чем же были вызваны неразвитость казачьих традиций, внешняя покорность властям наряду с сохранением чувства собственного достоинства? Причин здесь множество. И Зауралье, и Сибирь заселялись в массе своей выходцами с русского Севера. Черносошные крестьяне Поморья не знали ужасов ордынского ига, практически не страдали от помещичьего гнета. Суровая природа и малоплодородные почвы содействовали консервации коллективных форм жизнедеятельности, неразвитости личностного начала. Противоречия с государственной властью снимались не только через социальные конфликты, но и посредством колонизации. По мнению В.О. Ключевского

«Московский народ выработал особую форму политического протеста: люди, которые не могли ужиться с существующим порядком, не восставали против него, а выходили из него, «брели розно», бежали из государства»(4). Данное положение не могло не учитываться и государственной администрацией. В своей практике она постоянно сталкивалась с угрозой уменьшения числа подданных. С одной стороны — это вело к неэффективной работе властных институтов, с другой — многие проблемы решались не в соответствии с законом, а исходя из местных реалий, «неформально». Особенностью Севера Приуралья и Зауралья было то, что природа здесь могла прокормить лишь ограниченное число жителей. Отсюда — чрезвычайно малая плотность населения и его мобильность.

Все это непосредственным образом сказывалось и на процессе формирования управленческих структур. «Если поверить наивным — для нашего компьютерного века — рассуждениям европейских философов XVIII в., то гражданское общество успешно складывается там, где сформировалась его ячейка, состоящая из земледельца, ремесленника, торговца и управляющего — «менеджера», которые в хозяйственном и социальном плане нуждаются друг в друге. Но у нас в России такой органической ячейке было трудно сложиться, ибо при наших просторах каждому из указанных участников — строителей будущего общества приходилось в прямом и переносном смысле слова гоняться друг за другом на необъятных просторах Российского *ai nōāāōñōāā!*», - *n-ēāāō Å.ß. Ðāōí* (5).

È òāēí āōāí āí íí ñōù, í āí āýçāēūí í ñōù ñí òēāēūí ūō ēí í òāēōí ā í òā-
 í yōñōāí āāēē í āēāāēāāí ēp ōñōí ē-ēāūō ñāýçāē ē òāāēē í í āāāāí ēý,
 òāāēōēē. Í ōñōñōāēā ñōāēēūí í ē í ñí í āū, āā āū ā í í í ā ēōāōí ōñē-
 ēāí í ā òāāēōēí āēēñē-āñēēì ì āí òāēēōāí ì āāēí ē ì í í āí +ēñēāí ūì
 ñēōāāāí ūì çēí ōí í òāāēāí ēýì ē āāāāí òāñōōí ēāí ēýì í āì āñōí ì òōí ā-
 í ā. Òāēí ā í í ēí āāí ēā āúēí í ñí āāí í í òāōāēōāōí āēý í ā-āēūí ūō yā-
 í í ā ēí ēí ēçāōēē Çāōōāēūý. Í āí òēì āō, ā 1621 ā. ā āōāì í òā òāōý
 Í ēçāēēā Ōāāí ōí āē-ā òōēāí ēñēí í ó Èēí òēāí ó, í òēāí āyōñý ñāāāāí ēý
 í í āōāāōēā ē āāāí í ñōē āōōí āāí ñōāā ā Ñēāēōē, í í òēōāñí āí ēyō āí āāí ā,
 í í āūý-ēō ē āōōāēō í āí òāāāāō. Í òēāāāāì í òāāēūí ūā í í ēí āāí ēý ēç
 ýōí ē āōāì í òū.

«À í í ēí ōí òūì āí òí āāì ōù āōāē ē í í í í ā āēāāē, ē í í āí ōí āāì
 í í í ū āí òū ē āōāāēí ēēē, āā ē āúōù ēì í āēçā, ōí ēūēí āúōù ēì í í
 āāēāēí ē í ōāū, +ōí í āōāí āí ēōù í ā-āì (..) À ēp āē ñāì í āí ēí ēā āēāōō
 // ó í òēēāçí ūō ēp āāē í ā ā í í ñēōñ āí ūē. À í òēēāçí ūā ēp āē ēì í òē-
 í āí ē āāp ō āēý ñāí āāí í òēāúōēā, ā í òāāùì í āú-+āāì í ē-ōí í ā āēāā-
 òā, ēāē í ā Ðōñē ā ūí ūō āí ōí āāō āāāāōōā ó í òēēāçí ūō ēp āāē í ā òyā.
 À ó í í ñāñēēō ēp āāē í í ñēōñ āí ūā ñ í èì . À ōí ēēā ñ í āāēō ñōí ōí
 òāñí yō òāçāō ē āāāōēē-, ē í ñōýēí ā ñí āñýēēō í òí ì ūñēí ā ē ā òūāí ūō
 ēí āēýō. È òōí +ōí í ōí āāñō ē ēōí èò í í ò ēēí ó āí ēp ō āāēēēōp í ā ēāē í ā
 Ðōñā. À ā ē +āōí ūì ēp āýì ē í āøāí í ūì ēōāñōyí ì òā æ òāñí í òā

великая во всех городех, // бьют челом и плачютца, а помиловати некому от силних людей (...).

Да в Сибири ж дети боярские и казаки, и воевотские люди изо всех городов ездят и подводы у татар и у остяков, и у вагулич емлют без наказов самоволством, хто куды ни поедет для своего дела. И запасишка у них грабят, // и подводы проводят. А где подвод нет, и они у татар и остяков, и у вагулич емлют в проводники жон их и безчестят, позорят жон их и девок и спят с ними. И им от того от них насильство великое (...). И толмачев воеводы выбирают по себе для своего пристрастия. И всякое насилство чинитца от толмачев вместе с ними и продажа. И татаровя и вагуличи, и остяки воеводам бьют челом и приводят иных толмачей новых. И воеводы новых толмачей не поставят, а старых не отставят. И те все люди говорят от насилства недобро. А иные многие, дома свои покиня, // разбежались в дальние места. И с тех з беглых людей и ясаки на них же легли, и подводы. И они о том добре скорбят. А иной татарин новокрещен, покиня жену и двор, изменил, збежал в калмаки.

Да приходили к тебе московские и устюжаня, и пермичи, и ветченя, и вычегженя, и многих разных городов торговые люди и били челом на воевод. А сказывают, что во всех городех, из Монгазеи едучи, от воевод им задержание великое и продажа чиница. В Монгазее десятую пошлину они дают, // а из Монгазеи, едучи до Березова, и на Березове и в Тоболску, и на Тюмени, и на Япончине, и на Верхотурье, и у Соли Камския, и у Соли Вычеготские товары у них распечатывают и пересматривают, и что де лутчие и те выбирают на себя. И во всяком городе задержание им, живет по месяцу и болши. И в том чинятца им проести и убытки великие, и пошлину приметную емлют велику же. А сказывают, будто тое пошлину емлют на них на нас. И им вперед от воеводских насилств // и от продажи, и от задержанья в сибирские города ни с какими товараы ездити невозможно.

Да в сибирских же городех подъячие живут годов по дватцети и болши. И живучи забогатели, дворы и деревни поставлены у них болшие. А воевод во всех сибирских городех подъячие не слушают и всякое насилство всем людям чинят, и смута от них»(6).

Развернутая картина служебного хаоса и беспорядков, приведенная в документе, фактически является программой столичных властей по наведению порядка на окраинах страны. И, обратим внимание, адресовалась она не воеводам, а духовному лицу. Сделано это было далеко не случайно. Первые десятилетия после Смутного времени, воспринимаемого современниками как божья кара за совершенные грехи, молодость царя и властность его отца-патриарха Филарета, а также боязнь новой гражданской войны невиданно возвысили церковный авторитет. В зауральской глуши данные тенденции проявились определеннее, чем в центре страны. Исследователи уже обрати-

---

ли внимание на гипертрофированную роль церкви в Сибири. По справедливому замечанию Н.Н. Покровского: «Специфика Сибири лишь усиливала во вновь колонизируемом отдаленном крае необходимость для центральной власти использовать в своих целях епархиальную церковную организацию, особенно доверенное лицо государя-архиерея»(7).

Смешение функций духовных и светских властей (причем первых за счет последних) объясняется, по нашему мнению, в основном тем, что у государства отсутствовали иные действенные возможности для наведения порядка. В начале XVII в. человек, прибывший за Урал, утрачивал прежние социальные связи и погружал себя в стихию колонизационной горячки. Возможность быстрого обогащения в обстановке почти полной безнаказанности гарантировалась зачаточным состоянием органов государственной власти, дефицитом людских ресурсов, когда каждый человек, вне зависимости от его морального облика, оказывался для власти и общества буквально «на вес золота».

Острая нехватка людей, в свою очередь, вновь вела к разгулу аморализма и пренебрежению к законам. Нередко это приобретало самые причудливые формы. «Да сибирские ж казаки, будучи на Москве и по городом, и как назад поедут, подговаривают жонок и девок. А подговариваючи, знаменуютца им образы, что им понятия их за себя, и держат их, что протчих жен своих. А привезчи их, в Тобольску продают воеводам и литве, и немцом, и тотаром и пашенным крестьянам в работу»(8).

Архаизация быта и нравственных устоев, их деградация, падение до уровня язычества, объективно вызывали потребность в административных действиях церкви, в использовании её как третьей силы, наделенной чрезвычайными полномочиями. Нельзя не учитывать и то, что высшие церковные иерархи, принадлежа к черному духовенству, в принципе не были ориентированы на личное обогащение. В любом случае, частичное использование государством церковных институтов как органов административного управления являлось ситуационным, было вынужденной мерой. Яркий тому пример – начатое в 1713 г. строительство каменных стен вокруг Далматовского монастыря. Каменное, да еще церковное строительство вне Петербурга в эпоху Петра Великого, не отличавшегося особой набожностью, было вызвано оборонительным значением монастыря, который служил оплотом от башкирских набегов(9).

Успешное создание системы управления в условиях феодального общества было невозможно без сословной дифференциации. Принцип «*divide et impera*» в условиях феодального общества осуществлялся буквально. Уже в вышецитированной грамоте Михаила Федоровича архиепископу Киприану явственно прослеживается разница интересов между теми или иными группами населения (русские переселенцы – аборигены; воеводы – торговые люди и т.д.). Властям

требовалась регламентация обязанностей для подчиненного населения и возможно быстрое его распределение по сословным группам.

Грубые материальные интересы и архаизация культуры, при отсутствии её внешних утонченных слоев, отодвигали идеологические пристрастия на второй план. На ранних этапах колонизации Зауралья место человека в сословной иерархии определялось не только происхождением, но и способностью выполнять конкретные социальные функции, степенью полезности. Максимально прибыльной для властей была охотничье-промысловая деятельность аборигенов, точнее говоря, добыча пушнины. В середине XVII в. среднегодовая добыча соболя составляла 145 тыс. штук ежегодно. Пушнина давала 20% доходной части бюджета России(10). Неудивительно, что государство вполне толерантно относилось к некрещеным аборигенам, проявлявшим склонность к «измене» и «шатости». Гигантская прибыль от сбора ясака с лихвой компенсировала нарушение привычных социальных норм.

Так, в грамоте Бориса Годунова в Туринск голове Федору Фофанову от 30 августа 1601 г. указывалось: «По нашему указу во всех Сибирских городех воеводам и головам велено беречи того накрепко, чтоб сибирские земли ясашным людям насильства и убытков и продажи ни от кого не было, и ясаков бы лишних с них не имати, и вновь за посмеих не прибавливать, и во всем им велено льготить. А велено им на нас ясак имать рядовой, как кому можно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам. А на кого будет ясак положен тяжел, не в силу, и вперед им того ясаку платить немочно, и того велено сыскивать, да будет ясак положен не по делу, и в том им тягость, и им в ясаке велено льготить. А бедных людей, кому платить ясаков немочно, и с тех ясаку имать не велено, чтоб им сибирским всяким людям ни в чем нужи не было, и жили бы Сибирские земли всякие люди в нашем царском жалованье во всем облегченье и в покое и в тишине безо всякого сумнения, и промыслы всякими промысляли и детей своих, и братью и дядь и племянников, и друзей на наше царское милосердие отавсюду призывали в городех юрты и в уездех волости полнили»(11).

Легко заметить, что политика Москвы оказывалась прямо противоположной устремлениям сборщиков ясака на местах. Столичные власти планировали политику, исходя из долгосрочных перспектив. На местах же пушнина изымалась самыми варварскими способами. И все же, «лобовое» противопоставление относительно гуманной политики царизма и преступного корыстолюбия местных воевод, приказных людей, казаков вряд ли оправдано. Москва была заинтересована в регулярном поступлении пушнины и в упрочении своей власти на периферии государства. Для первого требовались добытки пушнины (аборигенное население) и сборщики ясака, причем на первых порах такие сборщики, которые бы обеспечивали себя сами. Казаки

для этой цели подходили идеально. Для последнего, для упрочения своей власти, требовалось поддерживать обстановку относительной нестабильности и конфликтов. Стравливая аборигенов и местные власти и провоцируя воевод на правонарушения, Москва брала на себя функции верховного арбитра и всегда имела законную возможность пресечь излишнюю самостоятельность местных администраторов.

Эффективное изъятие «мягкой рухляди» сталкивалось со множеством препятствий. Одно из них — непомерные транспортные расходы по доставке припасов и особенно продовольствия для отдаленных гарнизонов. Все происходило точно по пословице: «За морем телушка, цена — полушка, да рубль перевоз». Попытки решить продовольственную проблему на местах обострили интерес к землям Южного Зауралья. Освоение территорий в бассейнах рек Пышмы, Исети, Миасса и среднего течения Тобола было выгодно как для казны, так и для русского земледельческого населения. Правительственная и вольнонародная ветви колонизации здесь, также как и на севере, органично дополняли друг-друга.

Для земледельческого освоения Южного Зауралья требовались человеческие ресурсы. Острая нехватка в людях решалась уже апробированными способами. Правительство особо не утруждало себя поиском сведений о сословной принадлежности переселенцев и сквозь пальцы смотрело на нарушения закона. Главное — заполучить рабочие руки, а упорядочение сословной структуры и укрепление власти государства на местном уровне отходило на второй план. Минимизация всех казенных расходов вела к тому, что местное управление на новоосвоенных землях фактически формировалось «снизу», но под эгидой государства.

На уровне отдельного селения и примыкающей к ней округи, связь между государством и крестьянским миром осуществляло компромиссное должностное лицо — слободчик. Он отвечал за оборону подведомственной территории, формировал воинские силы слободы, организовывал сельскохозяйственное производство, собирал таможенные пошлины, следил за правопорядком. Слободчик был обязан контролировать и процесс застройки слободы: «А под дворы места давать против тобольских жителей по пятнадцати сажень, а по перешнику по восьми сажень». Довольно мелочная опека, но вполне характерная для эпохи феодализма. В реальности же, на наш взгляд, эта опека не всегда имела место в действительности, так как общая атмосфера «захватного» земледелия и освоения рождала определенный тип людей, которые не всегда считались с установленными формальными рамками, это относится и к слободчикам, тесно связанным с крестьянской средой(12).

Унификация и нерасчлененность множества обязанностей частично сближала слободчика со служилой мелкотой, с людьми «по прибору», а еще больше — с руководителями первопроходцев — казачьими

атаманами. И те, и другие обладали самостоятельностью, умением проявлять инициативу, компетентностью в военном деле. Существовали, однако, и различия, причем значимые. Согласно стандартной формуле слободчик призывал на новое поселение «гулящих и других вольных добрых людей, которые были бы не воры, не зернишники, и не бражники, и не беглые, и не тяглые иных городов и слобод люди и пашня б им была за обычай»(13). При анализе данного фрагмента наказной памяти на основании Шадринской слободы допустимо выделить два компонента. В одном из них сосредоточены правовые ограничения, которые слободчик, при определенных обстоятельствах, фактически мог и проигнорировать, невзирая на нарушение инструкции (юридическое положение новоприбывших). В другом же компоненте рассматривались реальные умения и навыки переселенцев. В условиях постоянной военной опасности, в малолюдном поселении, где каждая пара рук была на счету, содержать откровенно антисоциальные элементы тех, кто не умел крестьянствовать, кому пашня не «была за обычай», оказывалось непозволительной роскошью.

Вышеизложенное не опровергает фактов острых столкновений в переселенческой среде. «Грубость нравов», разумеется присутствовала, но эти конфликты уже не угрожали существованию самого микросоциума(14). Взаимоотношения в среде переселенцев отличались наличием ряда архаических черт, присущих догосударственной эпохе. Так, казачество ориентировалось на волю, бесшабашную удаль, им декларировалось пренебрежение к работе и скопидомству. Оно стремилось записаться на государеву службу и получать жалование, а не нести тягло. Следует, однако, заметить, что формирование казачества Зауралья и Сибири находилось под эгидой государства, в силу чего роль этого сословия была ограничена(15).

Основой существования переселенцев было пашенное земледелие, крестьянская жизнь в самом широком понимании. Тяга к оседлости, стабильности, комфорту сочеталась у крестьян с ярко выраженной ориентацией на сельскохозяйственный труд. По сравнению с казачеством, крестьянство Зауралья экономически было менее зависимо от государства, но нуждалось в его защите. Земледельцы мирились с отчуждением части сельскохозяйственной продукции в пользу государства из-за выполнения последним управленческих и военных функций. При этом во взаимоотношениях с властью земледельцы предпочитали обходиться без лишних посредников, быть сразу за «великим государем» (т.е. числиться в сословии черносошных, а позднее — государственных крестьян). Социокультурный отбор на самостоятельное существование и дистанцирование от вмешательства в государственные дела был оптимальным на начальных этапах колонизации Северного, а затем и Южного Зауралья.

В начальный период колонизации, сфера действия твердой государственной власти нередко ограничивалась стенами острогов. При-

---

менительно к просторам Зауралья «механизмы» управления концентрировались в немногих численно ограниченных центрах. Не была четко отлажена система иерархического соподчинения административных органов. Утверждение о том, что Зауралье является воротами в Сибирь, уже давно стало общим местом в исторической науке. При этом в неполной мере исследован вопрос «из каких ворот», с каких направлений и из каких управленческих центров осуществлялось заселение самого Зауралья. Сей непростой вопрос обычно подменяется изучением того, из каких местностей прибыли переселенцы, откуда они родом.

Регион, вытянутый в меридиональном направлении, лежал поперек колонизационной волны. Подобно вехам на столбовом пути в Сибири отстраивались новые города. Впоследствии многие из них стали центрами уездов. Такими городами были Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск. Для Зауралья из перечисленной четверки наибольшее значение имели Тобольск и Верхотурье. Первый город выступал в качестве столицы всей Сибири, второй, опять же для всей Сибири, исполнял функции таможни на границе с Европейской Россией. С ростом населения и присоединением новых территорий уездных городов, увеличивалась доля управленческих функций. Происходило пространственное расширение зоны административной ответственности у зауральских городов. Власть «двигалась» с севера на юг несколькими извилистыми потоками, чья «сумма векторов» была перпендикулярна основному направлению русской колонизации.

Воеводы в зауральских городах ревниво следили за успехами друг друга на дальней периферии своих владений. Вторжение в чужую сферу нередко вело к конфликту между воеводами. XVII век отмечен рядом столкновений между верхотурской и тобольской администрациями. Так, в 1662 г. возник вопрос, чьи приказные будут собирать налоги с поселений «по Исете реке». Претендентов оказалось двое: приказчик Исетского острога Давыд Андреев и приказчик Китайского острога Илья Бакшеев. Первый был из недавно отстроенного Исетского острога (1650 г.), входившего в состав Тобольского уезда, второй — из недавно отстроенного Китайского острога (1655 г.), в свою очередь, числившегося за Верхотурским уездом. Верхотурские власти пошли на попятный, а в 1668 г. Китайский острог и вовсе был передан в ведение тобольских воевод(16).

Хотя Верхотурье и уступило, это не стало последним территориальным спором между уездами. В 1666-1667 гг. на речку Камышевку, недалеко от Терсютской слободы в низовьях Исети, прибыла группа крестьян, посланных верхотурским воеводой Колтовским. Годом позднее сюда же прибыли крестьяне, посланные тобольским воеводой Годуновым. Верхотурцы встретили тобольских крестьян в колья, дело дошло до топоров. Это и другие происшествия довели ссору воевод до апогея. Годунов отправил под Верхотурье стрелецкого сотника

Владимира Клепикова с тобольскими стрельцами, который в течение двух месяцев стоял там, чтобы перехватить Колтовского, когда он поедет из города, сдав дела новому воеводе(17).

Вышеизложенные чрезвычайные происшествия были спровоцированы не только слабостью центральной власти в краях за Уральским хребтом и местническими дрязгами воевод-«игемонов». Этому также содействовали региональный геополитический расклад, общий рисунок местных силовых линий колонизационных процессов в Зауралье, особенно в южной его части. Первые шаги по заселению Южного Зауралья преследовали решение совершенно конкретной задачи – прикрыть, хотя бы отчасти, Тюмень и прилегающие к ней местности от набегов кочевников. С юго-запада захватчики прорывались в междуречье Пышмы и Исети, прорывая слабую оборону русских. Для предотвращения внезапных ударов тюменский воевода в 20-е гг. XVII в. учреждает несколько застав-постов, под прикрытием которых основывались и деревни. Заставы располагались на притоке Исети речке Кармаке (ныне Ирюме), затем сместились юго-западнее к следующим исетским левобережным притокам: речкам Мостовке, Терсюку и далее(18). В 70-80-е гг. от устьев к истокам шло заселение междуречья Исети, Миасса и Тобола, то есть по-прежнему в юго-западном направлении. Разумеется, что в те времена веер пространственных перемещений был значительно сложнее и обширнее предложенной здесь схемы.

Для понимания действий управленческих механизмов важно другое. Будучи «стыковым» районом, Зауралье заселялось с нескольких направлений. Соответственно, группировались и административные центры. На севере они располагались в направлении на юго-восток вдоль знаменитой Бабиновской дороги (Верхотурье, Туринск, Тюмень, позднее Ирбит). На юге рисунок колонизации был иным, его конфигурация отличалась особой сложностью. Навстречу русской переселенческой волне (направление с северо-востока на юго-запад), двигался башкирский колонизационный поток. Вопрос о владении землей стал одним из центральных в Южном Зауралье. Он также определял и мотивы башкирских восстаний. Кроме них обстановка осложнялась постоянными набегами кочевников с юга.

В итоге Южное Зауралье оказалось зоной острых межэтнических столкновений. В XVII в. существовала реальная опасность консолидации всех антирусских сил. Местное аборигенное население сохранило память о независимом Сибирском ханстве, а потомки чингизида Кучума изо всех сил подогревали реваншистские настроения. Угроза распространялась не только на южные территории, но и на все Зауралье в целом. Например, башкирские восстания 1662-1664 гг. подержали некоторые калмыцкие тайши (Дайчин и Аюка), сибирские царевичи кучумовичи (Кучук и Абугай, внуки хана Кучума), ясачные татары и манси(19).

Эта и подобные ей коалиции были непрочными, временными образованиями, что в конце концов, и предопределило их поражение. Но произошло это не автоматически, а в результате долговременных административных усилий российских государственных органов. Однако, разнонаправленность переселенческих потоков, отсутствие «постоянного» противника («воровство и шатания» сменялись периодами покорности), усложняли военно-политическую обстановку в Зауралье и особенно в южной его части. Нередко анализ непростой геополитической ситуации были способны осуществить только вышестоящие власти, вплоть до столичного уровня. Это предполагало управление Зауральем извне — из Москвы (позднее — из Санкт-Петербурга), Казани, Уфы, Тобольска, Оренбурга, Перми. С другой стороны, для эффективности работы на местах требовалась пространственная близость к объекту опеки. На низовом уровне власть тяготела к подчиненным территориям.

Данные обстоятельства содействовали перемещениям старых управленческих центров и образованию новых. Бюрократические перемены зауральских уездов продолжались с XVII по конец XVIII вв. Отсутствие стабильности и неизбежный произвол вновь учреждаемых и ликвидируемых административных органов также подрывали авторитет чиновничьей власти на местах, провоцировали регенерацию догосударственных начал. Однако, «запуск» этих процессов был возможен, как указывалось выше, не сразу. Прежде должна была сложиться традиция отчуждения от властей, стереотипы восприятия чиновничества как вредной и бесполезной социальной прослойки. Немалая заслуга в неосознанном насаждении подобных убеждений принадлежит Петру Великому(20).

В начальный же период колонизации, в конце XVI в. и большей части XVII вв. в Зауралье сфера управления находилась в стадии становления. Незрелость государственных институтов отчасти компенсировалась инициативой переселенцев (разведка новых земель, сбор ясака, военное дело, хозяйственное освоение, местное самоуправление и т.д.). непростая обстановка в колонизируемом крае вынуждала государственную администрацию смотреть сквозь пальцы на явные и скрытые нарушения существующего порядка. В целом, и власти, и население находили точки соприкосновения своих интересов. Пресечение тяжких правонарушений, оборонительные мероприятия, организация и упорядочение духовной и социальной жизни, сбор ясака, хозяйственное освоение новых территорий — эти и другие задачи объединяли управленцев и управляемых. Сочетание общероссийских и местных интересов содействовало упрочению Зауралья как неотъемлемой части территории России. Благодаря энергии переселенцев, их бесстрашию и трудолюбию, исторические закономерности пролагали себе путь в хаос случайных и второстепенных событий.

В последующие времена обстановка изменилась. С одной сторо-

ны, уменьшилась военная опасность и, соответственно, заинтересованность крестьянского населения в деятельности государственной администрации. С другой — в условиях усиления абсолютистских тенденций возросла мощь управленческих структур и их стремление к регламентации всего и вся. В исторической перспективе шло нарастание противоречий между государственными властями и нуждами населения, зрели зерна острых социальных конфликтов.

Все вышеизложенное наглядно свидетельствует о том, что политика государства на конкретной территории ограничивалась, в долгосрочной перспективе, множеством сдерживающих факторов. Те или иные усилия государственных властей сдерживались и чисто объективными причинами: экономико-географическим положением территории, характером расселения, исторически сложившейся сетью городов.

В урбанистике блестящим примером исторического исследования, раскрывшего многогранность изучаемых объектов — городов Урала, является книга Л.Е. Иофа, давно признанная в качестве классического образца. Его «стремление характеризовать каждый город в индивидуальных чертах и особенностях» гармонично сочетается с тем, что в экономико-географическом подходе «в жизни каждого населенного пункта, особенно города, можно и нужно видеть отражение жизни всего государства».

Проекция основных черт предшествующего периода на существующие в пространственно-временных рамках объекты исследования и окружающий их фон позволяет при этом увидеть внешне скрытые «несущие конструкции» и механизмы функционирования системы. Экономическая база Зауралья, разумеется, не могла сложиться за короткий период. Хронологически это был достаточно длительный процесс складывания хозяйственной инфраструктуры. Он осложнялся условиями пограничной области и внутривойсковой обстановкой. Одним из существенных факторов, повлиявших на размещение сети городов, была направленность основных миграционных потоков и их последующая стабилизация в определенных районах, причем наиболее значимые селения должны были нести функции размещения управленческих органов, обеспеченные движением транспорта и обороны окружающей местности.

Общее движение русских на восток дополнялось на местном уровне пестротой локальных векторов. Уральский хребет с запада и востока обтекали два колонизационных потока, стремящихся к югу. «Таким образом, — заметил Л.Е. Иофа, — в первой четверти XVII в. Урал оказался зажатым между двумя к северу колонизационными линиями, как бы, грубо упрощая, сторонами треугольника, вершиной которого, скажем, служила Чердынь, основаниями — на западе Мензелинск и на востоке Царево-Городище (Курган)...». Кроме этого ученый фиксирует и попятное движение по рекам — от устья к верховью, т.е. с востока на запад. Применительно к Зауралю в «геогра-

---

фическом рисунке» колонизации отправной точкой оказывалось Верхотурье, также играющее роль своеобразной вершины(21).

Концепция Л.Е. Иофа, истинная для Урала в целом, нуждается, по нашему мнению, в детализации и ряде уточнений при анализе его восточной части, которая, как было доказано историками, заселялась позднее западной. В XVII в. ещё не произошло выделение Урала в качестве отдельного экономического региона. Сибирь в хозяйственном отношении в это время граничила с европейской частью страны непосредственно. Ось Верхотурье – Туринск – Тюмень оказалась не только столбовой дорогой для дальнейшего движения на восток, но и плацдармом для формирования экономической структуры ближайших местностей. Верхотурско-Тобольский земледельческий район, сложившийся здесь, сосредоточил на грани XVII и XVIII вв. 75 % всех сибирских крестьян-дворохозяев. «Возникновение городов и их географическое размещение, - обращает внимание, описывая район, В.И. Шунков, - определились явлениями не связанными или мало связанными с земледельческим освоением района. Поэтому часть их разместилась вне полосы, доступной для земледелия»(22). В.И. Шунков, таким образом, зафиксировал выпадение отдельных городов из общей структуры. К ним можно отнести Верхотурье и, отчасти, Туринск.

С увеличением населения и расширением ареала колонизации Верхотурско-Тобольский район стал одной из баз обширного аморфного образования: Уральско-западносибирского региона(23), части которого в условиях слабых рыночных связей оказались во многом разобщены. На юго-западе ранее освоенных земель, начиная с середины XVII в., в долинах Пышмы и Исети, а затем Миасса и Тобола, шло формирование нового района – Исетско-Притобольного(24). Бассейн реки Исети в районе Далматовского монастыря – Шадринской слободы, видимо, заселялся в первую очередь(25). Здесь совпадали интересы как крестьян (наличие плодородных земель, более теплый климат), так и государственных властей (устья многочисленных рек, впадающих в Исеть с левой стороны, как пути возможного движения конницы кочевников оказывались перекрыты крестьянскими поселениями, острогами и слободами, поставленными на южном участке реки). Побочным эффектом здесь оказалось то, что активная, предприимчивая часть населения «проскочила» бассейн Пышмы в пользу Исети. Начавшиеся процессы выделения ремесел и торговли и концентрация денежных средств привели к быстрому исчезновению потребительского дефицита на узком местном рынке, что явилось одной из причин медленного развития Камышлова.

Сельскохозяйственное производство стремилось максимально использовать природные ресурсы и его центр постепенно смещался на юг и юго-восток. Граница между районами первоначального освоения и районом следующего заселения (условно: «метрополия – коло-

---

ния») оказалась изменчивой, подвижной. Она постепенно перемещалась в географическом пространстве в период формирования региона. Население Исетско-Притобольного района, будучи в основном сельскохозяйственным, но живущее на более южных плодородных землях, с начала XVIII в. и в последующее время становится рыночным конкурентом для жителей первоначальных мест заселения, производя одинаковую с ними продукцию – хлеб, что, при определенных условиях, давало возможность его сплава по рекам в юго-восточном и северо-восточном направлениях(26).

Мы полагаем, что вначале эти поставки способствовали не столько установлению рыночных связей, сколько появлению различий, несущих в себе элементы отчуждения одной местности от другой, которые предшествовали рыночной специализации. В основном хлеб продавался чиновничеству, армии, на винокурные заводы, т.е. элементам, не связанным с производством нужных крестьянам товаров, а вырученные деньги использовались для уплаты налогов. Кроме того, ремесла Западной Сибири, в отличие от промышленности Урала, вряд ли могли представлять интерес для полунатуральных хозяйств крестьян Зауралья. В то же время близость к беспокойным степям Казахстана, при росте русского населения и укрепления пограничных рубежей, создавала экономическую ориентацию в южном направлении.

Признаком начавшейся стабилизации, по отношению к внешнему окружению, было то, что со второй половины XVII в. усиливаются основные перемещения населения в пределах собственно уральско-западносибирского региона, причем преобладали восточное и южное направления колонизации, что привело к повышению концентрации населения в Южном Зауралье уже с начала XVIII в.(27). Медленное вызревание хозяйственных различий внутри уральско-западносибирского региона было прервано созданием, под эгидой феодального государства, т.е. «сверху» горнозаводской промышленности. Структура горнозаводского Урала, отличная от чисто сельскохозяйственных территорий, означала его отделение от Западной Сибири. Единый прежде регион оказался «разломан», причем Зауралье, будучи в целом сельскохозяйственным, но постепенно обособлявшееся от восточных территорий, оказалось на границе этого «Разлома». Вопрос о его причислении к тому или иному региону оказался осложнен произвольно проведенными административными границами.

И здесь, вновь обратившись к городам, можно заметить, что в составе их функций на Урале особое место занимали проблемы управления. «Города..., - пишет Л.Е. Иофа, - плотным полукольцом охватывали Уральский хребет с востока, с юга и запада, не заходя, однако на него». По его мнению, «все они, в большей или меньшей мере, держали в своем подчинении (в административном смысле) внутренние части Урала, т.е. горнозаводской Урал»(28). Условность этой схемы осознавалась и самим автором, определившим восточную

границу системы уральских городов по линии ярмарочных центров Ирбита, Троицка, Орска и, в то же время, подчеркнувшим, что некоторые стороны, характерные для уральских городов, мы найдем и восточнее указанной границы, так, например, Тюмень была важным завершающим звеном в транспортно-перевалочной системе Урала, и её справедливо относят к Сибири»(29). Отметим, что Ирбит и Камышлов при этом становятся пограничными форпостами и, подобно исключенному из рассмотрения Кургану, за пределами разделительной линии оказываются Туринск и Шадринск.

Ошибочность границы, проведенной Л.Е. Иофа, очевидна. Ярмарочные центры, в качестве концентрации результатов хозяйственной деятельности как отдаленных мест, так и окружающих их территорий, в экономическом плане не могут быть сведены до положения пограничных окраин. Разумеется, при определенных обстоятельствах (морское побережье, значительная разница в уровне социально-экономического развития близлежащих местностей, границы государства), единая ткань хозяйственных связей может быть пространственно или исторически разъединена, также и функции городов как мест притяжения товарной массы не всегда являются достаточно значимыми, и, в силу этого, они оказываются крайними точками территориальных экономических структур, но все это не относится к изучаемому региону. Разделительная линия, установленная Л.Е. Иофа, таким образом, режет «по живому».

Но самое главное, зауральским городам в целом не были свойственны административные функции по отношению к горным заводам. Их концентрация наблюдалась только в обширном Верхотурском уезде, причем само Верхотурье лежало в стороне, развивалось на иной экономической основе(30). Юго-восточнее, в Ирбитском уезде, находился всего один завод, выдвинувшийся восточнее основного горнозаводского массива - Ирбитский(31). К Камышловскому уезду относился Каменский завод. Но и он лежал в стороне от основных центров уезда. Шадринский уезд, лежащий южнее, к горнозаводской промышленности уже не имел никакого административного отношения. Что касается Туринска и Кургана, с их уездами, то они относились не к Пермской, а к Тобольской губернии. Местности, где располагалось горное производство, находились в административном подчинении у близлежащих Верхотурья, Екатеринбурга, Челябинска, но города, которые, по выражению Иофа, «работали» на резком различии в экономическом развитии смыкавшихся территорий(32), находились в большем отдалении от заводов.

Поэтому возможно, во всяком случае, по отношению к Восточному Уралу, говорить не об одной, а о двух цепях городов, охвативших уральский горнозаводской район: близкой — административной и удаленной — торговой. (Вторая цепь, как мы полагаем, в полном объеме состояла из трех секторов, охватывающих Запад, Юг и Восток Ура-

---

ла, но первые две не входят в объект исследования данной работы). Условно, поскольку конфигурация путей сообщения была несколько иной, на востоке торговая цепь начиналась у Троицка, стоявшего на границе Сибирского Зауралья, шла через Курган, Шадринск, Камышлов, Ирбит и Туринск на Верхотурье, где соединялась с первой, административной. Географически северное Верхотурье, также стоящее на границе Сибирского Зауралья, совмещая разные признаки, оказывалось логическим завершением «ожерелья» из двух concentрических дуг разной протяженности.

Ни административно, ни по своей социально-экономической структуре зауральские города, с прилегающими к ним местностями, не могли входить в систему собственно уральских городов того времени. Что касается торгово-хозяйственных связей, то они не замыкались на близких городах, а были, у большинства из них, по меньшей мере двусторонние, дальние. В той же мере зауральские города нельзя отнести и к западносибирскому региону, все более ориентирующемуся на восточное и юго-восточное направления, где в малоосвоенных местностях испытывалась большая потребность как в хлебе, так и в продукции кустарных ремесел, развитых в южных округах Сибири. Между Зауральем и Западной Сибирью с одной стороны происходили процессы взаимного отталкивания, поскольку они, в силу своего происхождения оказались «одинаково заряжены», а с другой — процессы сближения, но уже в рамках формирующегося всероссийского рынка, где регионы приобретали индивидуальные черты.

Разумеется такая разъединенность не была абсолютной — по целому ряду товаров, особенно тех, на которые существовал устойчивый спрос (например: топленое сало, чай, ремесленные изделия в степи Казахстана и скот из них), регионы, не испытывая значительной конкуренции, были едины в качестве поставщиков, потребителей и посредников, но это не меняло растущей тенденции к усилению территориальной специализации. Так, если Шадринский уезд, особенно после 30-х гг. XIX в., когда началась золотодобыча в Сибири, господствовал в производстве кожевенных изделий, отправляющихся на юг и восток(33).

Следует также учесть, что конкретные города имели разную степень притяжения к определенным местностям соседнего региона — сказывались климатические, хозяйственные и административные факторы. Поэтому знаменитая Бабинова дорога, утратив с переносом торговых путей на юг ведущую роль, все же, несмотря на плохой уход, сумела сохранить свое значение для связи Поморья и Северного Приуралья с бассейном Туры. «8 июня, - писал И. Лепехин, - оставили мы город Верхотурье, где ямщики прибавили нам довольно грузу, наложив на каждую повозку столько овса, чтобы до Соли Камской стало довольно». Дорога длиной в 373 версты до Соликамска, пустынная летом из-за болотистой местности, оживлялась зимою.

К Ирбитской ярмарке и от нее двигались возы с товарами. Водные пути по Туре и её притокам Тагилу и Нице, напротив, использовались летом для доставки грузов к притокам Чусовой и Камы и отправления их на восток по течению(34). Города Верхотурье, Туринск и Ирбит в итоге оказались перевалочными пунктами «из зимы в лето» и близкими по номенклатуре продаваемых товаров Соликамску, Чердыни, Тобольску, Сургуту и Березову – повсюду значительную часть сделок представляли промысловые товары: пушнина, ягоды, рыба, добываемые населением, в том числе и горожанами. Так, верхотурцы занимались охотой и сбором кедровых орехов, а население Туринска участвовало в экспедициях по ловле и закупке рыбы в низовьях Оби (районы Сургута – Березова), сплавливались вниз по Туре и Тоболу(35).

Схожесть климата, обуславливающая схожие занятия населения удаленных друг от друга мест и этим их относительные связи через торговые пути вывоза продукции к районам потребления, проявлялась и на юге. В отчете пермского гражданского губернатора за 1852 г. сообщалось, что Шадринск специализируется на перепродаже продукции хлебопашества и животноводства не только своего уезда, но и «из окружающих его также плодороднейших Тобольской и Оренбургской губернии. Сало и щетина сбываются за границу и на С. Петербургской бирже, куда приплывается на судах по рекам Чусовой, Каме, Волге и проч. Поэтому все важнейшие капиталисты, торгующие на С. Петербургской бирже этими товарами, все поставщики хлеба на винокуренные и горные заводы Уральского хребта имеют в Шадринске для покупки там означенных товаров своих агентов»(36).

Исходя из вышеприведенного, следует заметить, что связи в широтном направлении, во-первых, выходят за собственно региональные рамки Урала, Зауралья и Западной Сибири, а во-вторых, не позволяют вычленивать индивидуальную специфику – местности, лежащие в одной климатической зоне, оказываются обезличенными. Между ними также нет системного единства, когда каждый элемент структуры связан с другими.

Рассмотрение же Зауралья изучаемого периода как целостного района с еще не устоявшимися формулирующимися внутренними связями, позволяют по нашему мнению, лучше решить вопросы исследования находящихся здесь городов. Их взаиморасположенность как узловых точек регионального пространства выглядит поэтому не случайной, а имеет определенную логику.

Зауралье, выступая как зона соприкосновения более крупных экономических территорий Урала, Сибири, Казахстана, оказалось «сжато» с запада и востока, однако, одновременным оно не было. Территория региона, образовавшаяся в ходе колонизации, «накладывалась» на природный ландшафт, в первую очередь на симметричную реч-

---

ную сеть, способствовала определенной соразмерности в размещении городов. Графически конфигурация Зауралья условно представляла вытянутый с севера на юг параллелограмм, при этом его северное, «верхнее», основание оказывалось смещено на запад, т.е. фигура была наклонной, «падала». Крайними, удаленными по большей диагонали, вершинами являлись на северо-западе – Верхотурье с окружающими его местностями и Курганский уезд на юго-востоке. Туринский, Камышловский и Шадринский уезды выступали по отношению к ним в виде малой поперечной диагонали, причем территория Зауралья, также, как и сфера влияния местных купцов, распространялась значительно дальше Туринска и Шадринска: на юге и юго-западе – в Оренбургской губернии до Челябинска и Троицка, а на северо-востоке – до района нижнего течения Оби. При этом города Березов, Сургут, Ишим, Петропавловск, Челябинск и Троицк играли роль дальних торговых аванпостов, лежащих за границами складывающегося региона, но частично тяготеющих к нему в силу зависимости от растущих предпринимательских слоев Зауралья.

Интересно, что из-за особенностей речной сети города Туринск – Ирбит – Камышлов – Шадринск – Курган условно располагаются на линии дуги, окружающей Тюмень с востока, – расстояние между ними отражают особенности колонизации: большой размах при заселении южных территорий. Подобная конфигурация вовсе не говорит о зависимости зауральских городов от Тюмени. Ожесточенная конкурентная борьба между Ирбитом, Шадринском, Крестовской ярмаркой и Тюменью наиболее остро проявлялась в противостоянии ярмарочных центров Зауралья именно Тюмени, поскольку между северной Ирбитской и южными Шадринской и Крестовской ярмарками постепенно шло размежевание как по времени, так и по перечню привозимых товаров(37).

С развитием сельскохозяйственного производства на юге торговая конкуренция распространилась на Ишимский и Ялуторовский уезды, являвшиеся сферой интересов купцов Западной Сибири и Зауралья. Не считая формирующихся в этом районе местных торговых капиталов, особенно в Ялуторовском уезде(38), само зауральское купечество относительно поздно обрело коммерческую самостоятельность, долгое время занимаясь или сферой обслуживания или выполняющая роль торговых агентов(39). Все это свидетельствует о незавершенности процессов структурирования зауральского региона, где окончательно сложились только основные элементы, образующие костяк формирующейся системы.

Линия ярмарочных центров Ирбит – Шадринск (позднее Ирбит – Крестовская ярмарка) играла здесь роль центральной оси, соединяющей два хозяйственных полюса системы – северный и южный. Относительно широтного направления трудно говорить о большом значении для собственно Зауралья (но не для Урала и Западной Сиби-

---

ри) части Сибирского тракта (Екатеринбург — Камышлов — Тюмень). С продвижением населения на юг пути сообщения смещались вслед за населением, не успевая оказать значимое воздействие на прилегающие к ним земли. Поэтому, находясь на перекрестке двух торговых путей, Камышлов, как уже упоминалось, не имел большого экономического веса. Окружающие его мощные экономические центры Екатеринбург, Ирбит, Тюмень, Шадринск перехватывали львиную долю возможных выгод, а торговые пути появились и южнее, оставляя Сибирскому тракту функции дороги для казенных надобностей.

В целом, складывание пространственной структуры Зауралья происходило в соответствии с общим ходом исторической эволюции России, но регион и его отдельные части, обогащенные процессами взаимопроникновения с внешним окружением, развивались не по шаблонным схемам. Местности и города были вынуждены искать индивидуальную специфику, обретать свое «лицо» и приспособляться к ходу времени.

Оценка города в общественном сознании претерпевает неоднократно изменения в ходе исторического процесса. Они зависят от условий, в которых осуществляется его генезис и проходит последующая эволюция. Город помимо достижения определенного уровня социально-экономического развития должен обрести и освященную временем традицию называться так в устах населения. «В 1712 г. по определению там коменданта князя Василия Мещерского по указу из Тобольска велено Шадринскую слободу именовать Архангельским Шадринским городом, но имя Архангельской давно пришло в забвение и едва городом назвать прилично было такое место, в коем одни крестьяне жительствовавали; ныне обстоятельство другое, с того времени как в 1738 году три слободских дистрикта Шадринский, Исетский и Окуневской от Тобольска приписаны к Оренбургу и учинена Исецкая провинция (...), чего ради Шадринск прозван городом вновь, - говорится в Топографическом описании 1789 г.(40).

Д.Я. Резун в отношении данного высказывания замечает: «В этом объяснении появляется новый момент — провинции как хозяйственно освоенной территории необходим стягивающий демографо-хозяйственный городской центр.»(41). Однако, видимо, все же следует занизить уровень оценки анонимного автора данного описания — вряд ли его сообщения поднимались выше не критических обоснований действий вышестоящих властей. Интерес вызывает иное: здесь, наряду с выделением положения о степени соответствия конкретного города к неким уже существующим нормам («и едва городом назвать прилично было»), появляется же и то, что Шадринск, юридически закрепив свое положение, изменяет обыденное отношение окружающих к себе, у которых несомненно преобладал традиционный тип сознания(42).

Любой город, став городом, обретя относительную самостоятельность, постепенно вынуждал признавать себя как объективно суще-

---

ствующее явление. Из двух сторон, закреплявших у поселения новое качество (право и общественное мнение), первая являлась, несомненно, авторитетной. «Здесь важно отметить факт институционально-правового оформления статуса города, его официального признания таковым (хотя бы и вместе с непосредственно и прилегающей к нему территорией), его вхождение тем самым в систему (иерархию) сообществ между собой «политических» городов, образующих урбанистический каркас провинции, государства, империи,» - заявляет Л.И. Рейснер(43).

Итак город, узнавая себя в процессе роста как целостную систему, пытался подняться до предельных обобщений и, в то же время, не имел для этого достаточных предпосылок, потому что, будучи ориентирован во внешний мир, оказывался с ним несопоставим. Один из уровней его самосознания в силу этого оказывался мифологическим. Миф вне зависимости от его действительной или мнимой связи с прошлым оказывался семантическим символом, отличающим конкретный город. В свою очередь, знание мифического массива выступало в качестве успешного условия включения отдельного индивида в неформальные связи городского общества. Данное положение особенно важно, так как город на ранних стадиях своего развития оказывался динамической системой с ускоренной сменой состояний, в которой межличностные связи усложнялись и начали частично утрачиваться. В результате генерирование мифов (видимо, большинство из них было короткоживущими) здесь должно было приобрести большой масштаб.

Необходимость упорядочения мифического массива, его «сортировки», вызвала появление традиций. Последние, взаимодействуя с мифами, выступали как средство их сохранения. «На феноменологическом уровне общая системообразующая функция традиции может быть представлена как функция конструирования социума. И тогда традиция должна быть рассмотрена в качестве закона, основания и средства формирования социальных общностей,» - замечает В.Д. Плахов(44).

Взаимодействие мифа и традиции создает устойчивое отображение урбанизированной действительности, информационное поле города, его ментальный план. И при наличии этой субстанции город становится подлинным городом. Являясь оригинальным слепком с человеческого общества, он осознает себя в мифах и обнаруживает там необходимые творческие потенции для сохранения прежних структурных связей и создания новых.

Естественно, что самосознание города непосредственно связано с культурой окружающего населения. Культура, в свою очередь, обычно либо развивается «снизу», либо привносится извне. Что касается русской колонизации Зауралья, то, применительно к ней, вопрос можно поставить следующим образом: «каково было соотношение между

различными элементами культуры и переселенцев»? Или: какие элементы культуры занимали у колонистов господствующее положение? Нет сомнения, что на осваиваемые территории переселенцами первоначально переносились только базовые составляющие культуры, без её элитных компонентов.

В силу этого значимыми оказались реставрация духовности и создание образцов для подражания. Данные потребности тесно переплетались с необходимостью самосознания населения, закрепившегося на осваиваемых землях. Важными составляющими духовной культуры были государственная, конфессиональная и этническая принадлежность. И если принадлежность к государству определялась выполнением военных и тяглых обязанностей, то с двумя другими составляющими вопрос оказался много сложнее.

Российская колонизация не одухотворялась религиозными мотивами. В народной памяти не укоренялось восприятие первопроходцев как христианских подвижников или организаторов борьбы с язычеством. «Более того, о казаках Ермака сохранились сведения, что они заставляли присягать местных жителей на казацкой сабле (явный рудимент язычества!), а их предводитель не чурался общения с шаманами и даже советовался с ними(45). Православная церковь при продвижении русских на Восток была достаточно пассивной и не получила ощутимых выгод от освоения её паствой обширных пространств. С чем это было связано? Выделим некоторые причины: гипертрофированная роль государства, подчинившего церковь; относительно мирный характер заселения, содействовавший веротерпимости, кризис православия — объективно борьба со старообрядцами связывала руки духовной и светской администрации и препятствовала широким репрессивным акциям против не христиан.

Религиозное чувство у переселенцев оказалось подвержено мощному воздействию со стороны новых реалий. Рассмотрим некоторые факторы данного воздействия и степень их влияния на культуру переселенцев. При взаимоотношениях с местным нерусским и нехристианским населением русские колонисты были лишены возможности в полной мере реализовать чувства народа-победителя. В переселении участвовали, помимо русских, народы Поволжья и Западного Зауралья, пленные — немцы, «литва», а позднее и шведы. И новоприбывшие, и местные жители в социальной иерархии занимали места вне зависимости от их этнической принадлежности. Простор для полиэтнических контактов размывал основы национального самосознания.

Соответственно и сопротивление культурной экспансии также оказалось неявным, завуалированным. Инородцы, успешно используя социально-этническую мимикрию, демонстрировали якобы присущие им ограниченность, «детскость» поведения, его необязательность, условность, что импонировало добродушному эгоизму «большого брата».

Превосходство, проявлявшееся через иронию, смех, привело к тому,

---

что переселенцы перестали воспринимать себя полностью включенными в сакральный мир Святой Руси. Новые места жительства, не обладая всеобъемлющей святостью, оказались лишены религиозного ореола. Они были полны греховности, «обасурманены», более того, их сакральность имела отрицательное значение. По средневековым представлениям за Уральскими горами были заключены библейские «нечистые» народы Гог и Магог. Урал как маргинальная зона, находящаяся на грани цивилизованного мира, воспринимался людьми как край чудес, как вход в преисподнюю — ни больше, ни меньше(46). Итогом такого восприятия осваиваемых пространств было сужение сферы действия христианских норм, необязательность их строгого исполнения.

Нечто подобное происходило и во внутрицерковной жизни. Степень соблюдения религиозных норм здесь была ниже, чем в метрополии. Следствием слабости официальной церкви были грубость нравов и жесткие методы разрешения возникавших конфликтов. Расходы на строительство храмов, предназначенные улучшить положение, несли в основном прихожане. Кругозор большинства из них достаточно узок, ограничивался местными запросами. Ориентация на удовлетворение первоочередных потребностей вела к уменьшению авторитета клира. Зависимость от вышестоящих церковных и светских властей и от собственных прихожан оборачивались для священников утратой сакрального ореола, формальным исполнением заказанных обрядов, двусмысленностью положения.

«Процесс первоначального этапа колонизации Сибири, - замечает петербургский исследователь М.Р. Маняхина, сопровождался духовно-нравственным падением первопроходцев. Институт государственной власти на первоначальном этапе не обеспечивал регуляцию важнейших систем функционирования сибирского общества, что предоставило первым поселенцам полную свободу во всех сферах их жизнедеятельности — от интимной до общественной. Это объяснялось также рядом обстоятельств субъективного характера. Многие первопроходцы были носителями сомнительных морально-нравственных ценностей. Они по-своему трактовали такие понятия как долг, стыд, честь, совесть»(47).

На колонизируемых территориях торговля имела приоритет перед материальным производством. Ярмарочное действо, разворачивающееся вблизи храмов, оказывалось для них контрастным фоном. Споря между собой, рудиментарная языческая сакральность, не осознаваемая участниками торговли, и церковная святость равно уступали место голому прагматизму. Ярмарки постепенно переводились в режим простых товарообменных операций. Их функциями, помимо торговли, становились рационализация жизни населения и распространение аморализма. Материальные выгоды от торговых операций и исполнения религиозных служб для торгующих мешали близлежащим церквям

эффективно противостоять разгулу ярмарочных страстей.

При этом переселенцы и их потомки были ориентированы на предпринимательство и обогащение, аборигены же предпочитали те способы жизнедеятельности, которые не подрывали природных ресурсов и, соответственно, дарообмен. В конечном итоге большая социальная активность новоприбывших угрожала и окружающей среде, и аборигенам, и нормам морали в среде самих первопроходцев. Таким образом, в культурном плане колонизационные процессы оказались подвержены негативным воздействиям. Все это не могло не вызвать у переселенцев встречных веяний, естественно, под религиозной оболочкой усиления тяги к духовности. Она была присуща лицам образованным, много испытавшим и пережившим.

Ярким свидетельством роста духовности явились жизни Дмитрия Мокринского (старца Далмата) и Симеона Верхотурского. Кем являлись люди, обратившиеся к духовной жизни? Первые пришельцы, либо их потомки. Служилые люди. Современники Смуты и восстания российской государственности. Личности, отрешившиеся от мирских страстей и земных благ. И, наконец, культурные маргиналы. Таковы те, чьими именами оказалось осенено создание духовной культуры на территориях, лежащих за Уралом.

Далматовский монастырь стал известен именем его основателя и чудотворной иконы Успения Богоматери, а существующий с 1604 г. Верхотурский монастырь ровно через сто лет добился перемещения к себе мощей Праведного Симеона. Вслед за крупными региональными центрами поклонения появились местные святые — чудотворные иконы, храмы, известные местному населению. Например, в Южном Зауралье, согласно преданиям, чудотворные иконы имелись с XVIII в. в церквях Утятской слободы, села Салтосарайского и села Введенского.

Благодаря самоотверженности подвижников, в крае создаются собственные центры культуры. В Зауралье первой половины XVII в. к таким центрам следует отнести Верхотурский Николаевский мужской монастырь (1604 г.), Верхотурский Покровский девичий монастырь, Туринский Николаевский мужской монастырь (1621 г.) и Далматовский монастырь, основанный в 1644 г. Немногим «точечным» религиозно-культурным центрам предстояло распространить духовность на окружающие их местности. Данная задача была как никогда актуальной — в среде русского населения нравы царили достаточно грубые, с нередкими дикими выходками.

«Смягчению нравов» препятствовали многие трудности. В крае остро не хватало образованных, по-настоящему культурных людей. Даже в мировоззрении священнослужителей нередко доминировали дохристианские начала. Сохранились сведения, что и в XVIII в. среди зауральских служителей церкви ходили по рукам «волшебные» книги.

Между миром рудиментарно-языческой полухристианской культуры и миром религиозных подвижников не могло не образоваться

частичного разрыва. Приземленный народный вариант православия предполагал политеистическое восприятие. Человек, живущий в этом мире, при необходимости сотрудничал с множеством потусторонних сил. Монастырское служение, напротив, требовало от человека общения с одним Богом. Не случайно, что святой, монах-отшельник по представлениям того времени — человек «не от мира сего». Он живет на грани и даже за гранью обыденности.

Разность культурных потенциалов между миром святости и миром обыденности отчасти снимались посредством коммуникативных связей. Паломничество, вклады на помин души и для последующего проживания в монастыре являются поверхностным слоем пересечения двух культурных сфер. Они дискретны, разовы. Куда важнее для людей было осознание близкого существования центров духовности с соответствующей атрибутикой: монахами, чудотворными иконами, редкими и ценными книгами. Монастырские сокровища постоянно пополнялись.

Однако начиная с реформ Петра I, культурная роль церкви была минимизирована. Колонизируемое Зауралье оказалось ареной ожесточенной борьбы между силами народного «низового» традиционализма и столичным военно-полицейским рационализмом, деформированным обыденностью провинциальной жизни(48). Увеличение населения, сословная регламентация и создание в первой половине XVIII в. поблизости от Зауралья мощного горнозаводского комплекса качественно изменили местную социокультурную ситуацию. Региональные новации иницировались и усиливались общероссийскими. Государство и его институты «европеизировались», заимствовали иноземный культурный путь и навязывали его населению.

Грубое административное давление вело к «открытию» деревенского мира для внешних воздействий, в первую очередь негативных. Высокие образцы культуры практически не проникали в патриархальную среду. А с их вульгаризированными подобиями деревня знакомилась через посредников — провинциальные уездные города(49). Городской социум и особенно те слои населения, которые ориентировались на государственные, «столичные» нормы (дворянство, чиновничество, военнслужащие и отчасти верхушка купечества и мещанства), выступали по отношению к деревне в роли культуртрегера и — одновременно! — перекадывали на неё все издержки от нововведений.

Все вышеизложенное содействовало укреплению консерватизма в патриархальной культуре и отчуждению последней от официальной культуры. На практике это реализовывалось в самых различных формах: социальная мимикрия с высмеиванием господствующей культурной атрибутики, пассивное неприятие, бунт с уничтожением враждебного культурного слоя и многое другое. При всей хаотичности сопротивления культурному натиску извне, по нашему мнению, все же допустимо вычлнить основные тенденции данного сопротивления и их историческую эволюцию.

Пока в патриархальной культуре достаточно эффективно действовали демпферные и адаптационные механизмы, качественных трансформаций почти не было. Но по мере нарастания враждебного внешнего давления старые способы самосохранения утрачивали прежнюю эффективность. Требовалось нечто новое, чтобы защитить устои. Обращенность культуры в прошлое предопределила складывание феномена старообрядчества.

Являясь одним из способов сохранения патриархальных традиций, старообрядчество несло в себе и элементы новизны. Личная ответственность за сохранение чистоты веры, ориентация на деятельность, но сравнительно узкий круг подвижников, отказ от излишеств надежно цементировали уцелевшие части патриархального мира, но не могли ликвидировать непрерывное давление столичной культуры. В Зауралье распространение старообрядчества совпадало с экономическими успехами и расширением ареала официальной культуры.

Параллельный экстенсивный рост официальной и старообрядческой культур продолжался до середины XVIII в. Затем наступил качественный перелом. В период правления Екатерины II процессы складывания официальной культуры приняли необратимый характер. Выявилась тщетность традиционалистических иллюзий и попыток культурного реванша. Старообрядчество как социокультурное образование оказалось бессильно противостоять вторжению рационализированных столичных норм.

Начавшаяся эрозия старообрядчества вела к образованию культурных лакун, к деградации нравственных устоев и распространению аморализма. Прежние коммуникативные связи отмирали, а новые были локально ограничены, концентрируясь преимущественно в городах. Особенно бурно данные процессы протекали на недавно освоенных землях и на окраинах государства. Крестьянская война 1773-1775 гг., затронувшая территорию Зауралья, была ярким отображением кризиса русской культуры. Используя в пропагандистских целях старообрядческую атрибутику, пугачевцы и их предводитель на практике отринули все христианские нормы(50). В сущности одной из причин размаха восстания была слабость официальной культуры на местах. Характерный пример: в Зауралье отряды Пугачева заняли Курганскую и Камышловскую слободу, но не зафиксировано поддержки восстания в Туринске, Верхотурье, Шадринске и Ирбитской слободе. Вряд ли это случайно. Общий уровень культуры, находившийся на порядок выше по степени вовлеченности в жизнь российского социума в сравнении с крестьянскими поселениями, легко позволяя горожанам и жителям ярмарочной Ирбитской слободы, вне их классовой и социальной ориентации, понять самозванчество Пугачева.

Апокалиптика старообрядцев, их ожидания скорого конца света не выдержали испытания временем. С упрочением экономических и

социокультурных связей Зауралья с остальной Россией ускорили процессы дифференциации старообрядческих направлений, толков и сект. С конца XVIII в. торгово-промышленная верхушка старообрядцев постепенно утрачивала свою оппозиционность, а вместе с нею и моральный авторитет. Нечто подобное происходило и с официальной церковью, чье влияние на верующих также падало. Итак, патриархальная культура, при количественном преобладании, но в условиях внешнего давления оказалась лишена идеологического обеспечения и институтов его представлявших. При этом её обращенность в прошлое и к прошлому не могла не спровоцировать регенерации структурно неформленных стихийных элементов дохристианского менталитета. Усиление культурного дисбаланса с обязательностью вело к деятельному раскрытию языческих первоначал до этого пребывавших в латентном состоянии(51). Таким толчком, по нашему мнению стали реформы, проводившиеся в начале 40-х гг. XIX в. министром П.Д. Киселевым.

Как известно, ответом на реформы стали знаменитые «картофельные бунты», прокатившиеся по Зауралью. Бунтующие крестьяне не имели сколько-либо внятного позитивного обоснования своих поступков. Их действия обуславливались не рассудочной мотивацией, а рядом иррациональных моментов. Объявление картофеля «чертовым яблоком», поиски указа к священникам и церковной службе, общее разграбление имущества подозреваемых, применение пыток, в том числе и холодной водой, выравнивание волос и бород и многие другие признаки позволяют предположить, что рудиментарные языческие представления играли определяющую роль в менталитете участников волнений(52).

Легко определима и та культурная среда, против которой выступали крестьяне. Священники, писаря, чиновники не только злоупотребляли служебным положением(53), они также и персонифицировали городскую провинциальную культуру. Не случайно, что в глазах сельских жителей город предстал сосредоточением пороков и зла. Сохранились документальные свидетельства о намерении крестьян сжечь ряд городов Урала и Зауралья(54). Фактически крайняя архаика и концентрированный примитивизм в середине XIX в. оставались едва-ли не единственными «работоспособными» компонентами сакральных ценностей патриархальной культуры.

Стремительная модернизация России после 1861 г., при распространении светской грамотности в её упрощенных вариантах, окончательно уничтожила патриархальную культуру, практически ничего не дав взамен. Революционные, либеральные и даже столыпинские «хождения в народ» отличались энтузиазмом, скоропалительностью и отсутствием материального обеспечения. Закономерно наступивший затем социальный и цивилизационный кризис был отображением крайней точки падения российской культуры в целом. Закономерно на-

---

ступивший затем социальный и культурный кризис был отображением крайней точки падения российской культуры в целом.

Итак, растущие трения между официальной и народной культурами оказались предпосылками острых социальных конфликтов, служили идеологическим обоснованием радикальных способов их разрешения. Какие социальные институты хотя бы отчасти тормозили развитие негативных тенденций? По нашему мнению, ими были провинциальные города. При подчиненности официальной церкви государству функции медиатора между бюрократическим аппаратом и крестьянским миром выполняли города, точнее говоря живущее в них торгово-промышленное население. Оно было генетически связано с крестьянством и не чуждалось религиозной духовности — ведь предпринимательская деятельность означала нестабильное существование и, соответственно, поиск высших смыслов. При этом прагматические интересы вынуждали купечество тесно сотрудничать и со сферами государственно-административными.

Необходимость создания жизни на осваиваемых пространствах — подвижничество — создание очагов высокой духовности и религиозности — распространение культуры «вширь» — столкновение культурных компонентов — возрастание значения городов. Такова приблизительная схема процесса структуризации региональной культуры. Духовные искания за пределами обыденности вели к мифологизации их носителей и культурного наследия, ими оставленного. В результате возникли центры кристаллизации культуры, переходящей в новое качество. За короткий исторический промежуток Зауралье перестало быть только реципиентом культуры. В крае сформировались те социокультурные элементы, которые обрели способность к самопроизводству и дальнейшему приращению.

В этой связи необходимо рассмотреть, как накладывались определенные культурные стереотипы на развитие функций городов. В первой половине XIX в. основной вектор русской колонизации в Сибирь через Зауралье проходил по линии Екатеринбург — Тюмень (Сибирский тракт). Лежащий между этими городами Камышлов оказался мало связан с Зауральем. В самом регионе функции Камышлова также ограничивались ролью перевалочного пункта, но уже по линии Ирбит — Шадринск. На иной основе проходила эволюция севера и юга Зауралья. Базисные структуры, необходимые для существования населения, здесь складывались и работали в автономном режиме. Значительное влияние на них оказывали особенности Зауралья и традиционный менталитет русского населения.

Триединство, присущее народной миромодели, здесь совмещалось с местной спецификой, поскольку для Зауралья того времени наиболее существенными также являлись три сферы, в которых проходила реализация социальной активности: церковная духовность, ярмарочная торговля и экономическая экспансия на соседние малоосвоенные

земли. Соответственно, в регионе сложились две триады городов — на Севере и Юге. Внутри каждой между городами произошло разделение ведущих функций. Так, Ирбит и Шадринск были известны своими ярмарками, Верхотурье и Далматов — монастырями, а Туринск и Курган служили форпостами для торгово-промышленных экспедиций. Разграничение не было абсолютным, оно касалось лишь основной специализации. Совмещение целостного восприятия мира с конкретным колонизируемым географическим пространством задавало особенности развития региона, формировало индивидуальный облик городов, что позволяло им избежать ожесточенной конкуренции.

Север и юг являлись зеркальными отображениями, но их роли относительно региона были различны. Города севера, постепенно терявшие с освоением юга выгоды своего экономико-географического положения, тем не менее сохраняли свой культурный потенциал. Консервация социального опыта в этих поселениях позволила им сберечь городской статус и дала возможность для выхода на внеобыденный уровень. Наследники мифологизированного прошлого, северные города аккумулировали в себе церковные и внецерковные сакральные свойства.

Благолепию Туринского и Верхнетурского монастырей противостояла раскованность Ирбитской ярмарки. Высокий накал святости, хорошо гармонизировавшей с северной природой, отрицал себя в грубых утехах «веселого времени». Внешне противоположные качества Ирбита и Верхотурья синтетически соединялись в Туринске. Данный город не был ярмарочным центром, однако его жители занимались предпринимательством в других поселениях и, следовательно, постоянно соприкасались с ярмарочной культурой, но в меньших масштабах, чем ирбитчане. Уровень церковности также был «занижен». Туринск отстал от Верхотурья — в городе не было чудотворных мощей. В 20-е гг. XIX в. местный мужской монастырь был преобразован в женский. Теперь значительную часть жителей составляли ссыльнопоселенцы и монашествующие. Не обладая крайностями Ирбита и Верхотурья, город все же не стремился к обыденности и обмирщению. Он славился изготовлением икон и предметов религиозного культа, строительством и росписью храмов.

Южные города Зауралья были более «приземленными», их рост определялся экономическими успехами, а религиозные праздники постепенно сводились к простой обрядности. Чудотворные, чтимые народом, иконы в Южном Зауралье располагались в сельских приходах. Исключением был лишь Далматовский монастырь, однако и его сакральность «размывалась» конфликтами с соседними крестьянами, присутствием ярмарки в городе. Среди местного населения немалую долю составляли раскольники, подвергавшиеся нападкам со стороны светских и церковных властей. Наступление на них шло из «города» в «деревню». В пределах небольшого города отношения между жите-

---

лями регулировались нормами соседской морали, что смягчало социальные противоречия. И напротив, между горожанами и крестьянами шло нарастание отчуждения.

Размывание церковной сакральности негативно сказалось и на сакральности ярмарочной, полуязыческой. Для торгово-промышленной верхушки ярмарки не были чем-то необычным. Если в Ирбите и на Крестовской ярмарке местные жители занимались только обслуживанием торгующих, то шадринцы и курганцы были полноправными участниками ярмарочных сделок. Профессионализм в понимании действия торговых механизмов, охватывающих большие территории, означал снятие покрыва таинственности, переход к прагматическому отношению.

В этом заключалось главное различие между городами Южного Зауралья и их северными собратьями. Медленно угасающая ментальная утонченность мифических свойств севера дополнялась быстро возвышающимся десакрализованным рационализмом юга. Нередкие и не случайные взаимопереходы одних качеств в другие свидетельствовали о внутрисистемном единстве. Эволюционный процесс здесь шел в основном за счет использования благоприятных факторов, нередко субъективных, и почти не опирался на городское материальное производство, т.е. сфера культуры была преобладающей. Если по пространственным и внутренним сущностным свойствам регион делился на две половины, то функциональные внешние признаки требовали для городов Зауралья трехчастного распределения.

С развитием производительных сил и ростом населения на осваиваемых территориях исчезал монополизм опорных пунктов колонизации. Рассеяние очаговой, «точечной» провинциальной культуры на ближние и дальние местности совпало в конце XIX в. с мощным наплывом индустриальной культуры Большой России. Строительное транспортных магистралей, социальные потрясения, модернизационные усилия общества и государства отодвинули провинциальную культуру на второй план. Её пребывание в полудатентном состоянии продолжалось большую часть XX в. И только сегодня, в первой трети XXI в. ценности провинциальной культуры вновь оказались востребованы россиянами.

Примечания:

1. Данная проблема частично освещалась автором: Ершов М.Ф. Административная сфера Зауралья в начальный период русской колонизации Зауралья: историко-правовые аспекты // Зауралье в панораме веков. Межвуз. сб. науч. тр. — Курган, 2000. — С. 37-49; Он же. Социокультурная эволюция и историческая интеграция российского пространства // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии. Мат. Росс. межвуз. научн. конф. — М., 2000. — С. 19-28. Он же. О социокультурных взаимодействиях в дореволюционном Зауралье // История сел и деревень Зауралья. Сб. научн. тр. — Курган, 2002. — С. 16-21.

2. Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л., 1982. — С. 26.

3. Шашков А.Т. На службе государевой // Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998. С. 40-45.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1995. Кн.2. С. 170.
5. Резун Д.Я. Может ли Россия построить открытое общество? (историко-культурный аспект). М., 1997. С. 8.
6. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 179-180.
7. Там же. С. 20.
8. Там же. С. 196.
9. Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии). Екатеринбург (репринтное издание без выходных данных). С. 63; Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII – XVIII вв. Ч.1. Заселение территории русскими. Челябинск, 1996. С. 93.
10. Алексеев В.В. Природные богатства востока России в геополитическом аспекте // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. доклад. Ч.1. Челябинск, 1995. С.5.
11. На стыке континентов и судеб (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и в исторических документах). Ч.1. Екатеринбург, 1996. С. 78-79.
12. Более подробно об этом: История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.) Т.1. Курган, 1995. С. 172-173.
13. Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган, 1995. С.8-9.
14. См., например: Допросные и ответные речи в Шадринской судной избе по разным делам 1677 – 1678 (Отрывок из: Дмитриев А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VIII) // Шадринская старина. 1996. Краеведческая хрестоматия (вторая половина XVII – первая половина XX вв.). Шадринск, 1996. С. 31-32.
15. См.: Петров В.И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII – первая половина XIX вв.) // Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв. Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып.2. Новосибирск, 1965. С. 201-217.
16. Хрестоматия по истории Курганской области...С. 6-8; История Курганской области. Т.1. С. 117-118; 166-168.
17. Чернышев С.Ф. Наш край. – Шатрово (Курганская обл.), 1993. – С. 17; Шашков А. На службе государевой... С.45.
18. Чернышев С.Ф. Указ. соч. С. 3-4.
19. На стыке континентов и судеб... С. 88, 104-108.
20. См. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
21. Иофа Л.Е. Города Урала. – М. Л. Ч.1. – 1951. – С. 4-6, 73-75.
22. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. – М., 1956. – С. 36-37.
23. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII – начале XVIII вв. – М., 1972. – С. 76-81.
24. Шунков В.И. Указ. соч. – С. 45; Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII – XVIII вв. В 2-х ч. – Челябинск. Ч.1. 1966. Ч.2. 1969. – С. 29-31; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск, 1973. – С. 16-17.
25. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья...Ч.1. – С.29; Колесников А.Д. Русское население... – С.64.
26. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья...Ч.2. – С.174; Пундани В.В. Го-

- сударственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Учеб. пособ. по спецкурсу. Челябинск, 1984. – С. 48-50; Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск, 1965. – С. 182.
27. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь. – С. 76; Колесников А.Д. Русское население... – С.22-23.
28. Иофа Л.Е. Города Урала... – С. 14.
29. Там же. – С.15.
30. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния. В 2-х ч. СПб., 1864. Ч.2. – С. 121, 698.
31. Иофа Л.Е. Города Урала... – С. 168 карта №7.
32. Там же. С. 15.
33. Кондрашенков А.А. Развитие сельского хозяйства в южных округах Тобольской губернии и исетской провинции во второй половине XVIII в. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1966. – С. 94; Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Учеб. пособ... - Свердловск, 1973. – С. 102-103; Зырянов А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии // Труды ВЭО 1868. Т.3. Вып.1, 3. 1869. Т.1. Вып.5 – С. 46.
34. Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч.3. СПб., 1814. – С. 78-79.
35. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч.1. Пермь, 1804. – С.29.
36. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп.1. Д.23-39. Л. 515, об. – 516,об.
37. Ершов М.Ф. Эволюция ярмарочной торговли Сибирского Зауралья в первой половине XIX в. // Предпринимательство в Сибири. Мат. науч. конф. – Барнаул, 1994. – С. 35-39; Шпалтаков В.П. Городская ярмарочная торговля в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Сб. науч. ст. – Новосибирск, 1990. – С. 38. – Здесь говорится о размежевании между Ирбитской и Ишимской ярмарками.
38. Завалишин И. Описание Западной Сибири. – М., Т.1. 1862. – С. 171-174, 198-202.
39. Попов Н.С. Указ. соч. Ч.3. СПб., 1813. – С. 278.
40. Топографическое описание Пермского наместничества о городе Шадринске и его уезде (1789 г.) // Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья...Ч.1. – С.143.
41. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города (XVIII в) – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 146.
42. О традиционном типе сознания: Миронов Б.Н. Историк и социология. – Л.: Наука, 1984. – С. 127-130.
43. Рейснер Л.И. Введение в историко-теоретические исследования городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен. – М., 1990. – С. 9.
44. Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. – М., 1982. – С. 101.
45. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982. – С. 187-189.
46. Липатов В. Конец света: Уральский край в фольклоре и литературе // Родина. – 2003. №9. – С.89-92.
47. Маняхина М.Р. Девиантные проявления в нормативной сфере культуры Сибири в начале XVII в. как предпосылки учреждения Тобольской епархии / Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII – XX вв.: Сб. мат. межрегион. научн. конф.

Курган, 2004. — С. 33.

48. Данная проблема исследована достаточно основательно: Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Раздел: Кризис традиционных представлений крестьянства Урала о взаимоотношениях с властями Российского государства в конце XVII в. Свердловск, 1987. С. 30-61.

49. О посреднической функции провинциальной культуры: Прокофьев В.А. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. — М., 1983. — С. 6-28.

50. Ершов М.Ф. Архетип Ивана-царевича в период социальных потрясений (на примере Е.И. Пугачева) // Архетип. Культурологический альманах. 1996. — Шадринск, 1996. — С. 63-68.

51. Пилипенко А. Культурная динамика в зеркале художественного сознания / / Человек. — 1994. — №4. — С.58-59.

52. Мы выражаем искреннюю благодарность Н.А. Подгорбунских, высказавшему эту мысль: Мифологическая семантика картофельного бунта: // Итоги и задачи регионального краеведения. (Мат. Всеросс. конф. по ист. краевед.) — Ч.П.-Курган, 1997. — С. 10-14. Попытку исследовать социальную психологию восставших также предпринял: Шкерин В.А. Применение теории психической установки при изучении волнений государственных крестьян Зауралья 1842-1843 гг. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма: Сб. научн. трудов. — Екатеринбург, 1992. — С. 85-100.

53. См.: Миненко Н.А. Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник - №1. — Екаринбург, 1994. — С. 43-53.

54. Государственный архив г. Шадринска Ф.199. Оп.1. Д.8. Л. 464-465; см. также: Хрестоматия по истории курганской области (досоветский период). — Курган, 1995. — С. 165; Валевский М.С. Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края в 1842-1843 гг. // Русская старина. — 1879. - №12. — С. 643. Угрозы осуществились в отношении Перми: Дмитриев А. Очерки истории губернского города Перми. — Пермь, 1889. — С. 211-216.

Г.Г. Павлуцких

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ЗВЕРИНОГОЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

По вопросу возникновения казачества энциклопедический словарь говорит следующее: «Казачество (или казаки) первоначально вольные люди из бежавших от феодального гнета; крепостных крестьян, холопов, горожан, селившихся на окраинах Русского государства. Казачество окончательно сложилось к XVI-XVII векам. За оборону границ казаки, начиная с XVI века, получали из казны жалование, землю в пожизненное владение, освобождались от тягла, имели самоуправление» (1). Существует несколько другой взгляд на возникновение казачества. Эта версия отражена в четырехтомном издании «История казачества», выпущенном в Париже. Когда татары завоевывали Русь, кроме обычной дани брали дань кровью, увозя одну десятую часть населения мастеровых, ловких людей, эти люди станови-

---

лись у них оружейниками, кожевниками, разведчиками, входили в состав легкой кавалерии, завязывающей бой. Жили обособленно со своей верой, культурой, языком. А после Куликовской битвы, в которой они не участвовали, уходят на Русь, служат на рубежах Руси (2).

Уже в XV - XVI веках на реках Дон, Яик, Волга, Терек, Днепр возникают общины казаков. По «Уставу сторожевой станичной службы», составленному в феврале 1571 года боярином князем Воротынским, казаки делились на городовых /полковых/, живших в укрепленных городах на границе засечной черты, и сторожевых /станичных/. Правительство Русского государства и Речи Посполитой поддерживали казачьи общины оружием, боеприпасами, деньгами, хлебом, возлагая на них охрану своих и восточных границ. Казаки первыми, по мере сил, отражали здесь набеги кочевников, давая возможность городам подготовиться к встрече с неприятелем. Основу хозяйственной жизни составляли промыслы — охота, рыболовство, бортичество. Сравнительно рано появляются скотоводство и земледелие. Важным источником существования была военная добыча и жалование государства. Казачество было привилегированным сословием. За службу каждое войско наделялось землей, которая передавалась в пользование казачьим станицам. Жизнь общины строилась на основе демократии, выборности атаманов, старшин, сотников, есаулов. Пользовались автономией в области суда, управления и внешних сношений. Все важнейшие дела обсуждал общинный сход казаков /рада, круг/, на решения которого оказывали влияние рядовые массы. Хорошо организованные, мобильные казачьи войска, умело применявшие своеобразные тактические приемы — внезапные набеги, засады, гуляй- города, составленные из повозок, - руководимые опытными и авторитетными атаманами, представляли собой грозную силу. Со второй половины XVII века начался процесс превращения казачьих общин в иррегулярные войска. Правительство посягало на права казачьей автономии. «Недовольство казаков вылилось в восстание под руководством Разина, Булавина, Пугачева». В течение XVIII века казачество превращается в военное сословие. С 1721 года они перешли в ведение Военной коллегии. Затем была ликвидирована выборность атаманов, которые постепенно превращаются в военных чиновников, старшина теперь получает права российского дворянства, а атаман, назначенный на должность, стал называться «наказным» (3). В 70-е годы XVIII века окончательно подчинены Донское войско, Яицкое войско, расформировано Волжское. Со второй половины XVIII века создаются на основе полного подчинения правительству новые войска. Так, для защиты от нагайцев, калмыков, казаков, башкир были созданы в 1750 году Астраханское, а в 1755 году — Оренбургское войско (4). Вновь образованные казачьи войска сыграли очень важную роль в освоении Сибири, Дальнего Востока, отчасти, Северного Кавказа.

К середине XVII века изменились отношения со степными народами. Калмыки к этому времени окончательно закрепились в Поволжье и прекратили нападения на зауральские слободы. В 30-е годы XVIII века хан малого Казахского жуза Абдул-хаир принял подданство, тем самым положил начало присоединения Казахстана к России. Для сплочения с малым казахским жузом намечено было основать город Оренбург. В 30-е годы в эти места для военного укрепления была послана экспедиция под руководством И. К. Кирилова. Назначая Кирилова руководителем, царское правительство ставило перед ним задачу изучения обширного Оренбургского края, «содействовать хозяйственному освоению края, его заселению, а затем развитию в нем земледелия, горной промышленности и торговли». Работа экспедиции шла при неблагоприятных условиях, в Башкирии началось восстание, которое длилось с небольшими перерывами с 1735 по 1740 годы. После подавления восстания Зауральская Башкирия выделяется в самостоятельный район, затем была передана в управление Исетской провинции, которая подчинялась Оренбургской экспедиции, а в 1744 году перешла в ведение Уральского войска. Строительство Оренбурга вызвало в 1734 – 40 гг. выступление башкир, в 1736 году пострадали пять зауральских слобод, два села и 32 деревни, из них одно село и 14 деревень основательно, убито 152 крестьянина, 67 ранено, 12 попали в плен, отогнано разного скота более 1140 голов. В 1737 году тоже повторилось, произошло 32 столкновения. Восемь раз русские военные отряды пытались догнать башкир в степи, но безуспешно. И так каждый год, только новые крепости к 1740 году помогли усмирить агрессивных соседей (5).

Вплоть до середины XVIII века сохранялась в Южном Зауралье военная опасность. Сооружение крепостей было крайне необходимо, поскольку в конце XVIII века началось приближение кочевий казаков к русским землям, начала определяться южная граница, набеги южных соседей теперь носили хронический характер. Только в 1701 году отмечено семь столкновений с казахами, к 1708 году казахи совершили восемь набегов, в 1724 году они убили 142 человека. Оренбургский и сибирский губернаторы в 30-х годах поняли, что нужны ответные меры. Ишимская крепостная линия (оборонительная) не смогла решить этот сложный вопрос, поскольку ее постоянно стремились прорвать или обойти. Сибирские крепости и остроги не всегда могли оказать помощь соседям. Поэтому с 1738 года вводился линейный принцип размещения укреплений, формировалась служба разъездов на Ишимской линии, что связало воедино все крепости и остроги, позволило заранее обнаруживать противника. Но аморфность конфигурации линии, огромные расстояния между укрепленными пунктами, невыгодное положение последних определили слабость разъездной службы. Власти искали способы новой обороны, более надежной и длительной. 17 марта 1743 года оренбургский гу-

---

бернатор И.И. Неплюев и сибирский губернатор А.И. Сухарев на встрече в Шадринске договорились об улучшении военно-инженерных сооружений южных границ, поскольку Ишимская линия уже была не способна выполнить роль защитницы растущего русского населения. Капитан Новоселов, инженер-полковник Кутузов и премьер-майор Сташков исследовали Тоболо-Ишимско-Иртышское междуречье и дали свои предложения о новой военной линии. Командующий сибирскими войсками генерал-майор Х.Х. Киндерман определил проект новой оборонительной линии сооружений. Длина ее определялась в 556 верст, включала две шестиугольные крепости (Звериноголовскую и Святого Петра) и две четырехугольные, 33 редута, 42 маяка, среднее расстояние между опорными пунктами должно было составить 12,6 версты. 27 апреля 1752 года Сенат издал указ о начале строительства Новой линии. Ее строили 4 тыс. солдат, сибирские выписные и тарские городские казаки. В 1756 году строительство ее было завершено. В 1753 году Звериноголовскую крепость и Алабужский редут передали Оренбургской линии, в 1765 году генерал-поручик И.И. Шпрингер безуспешно просил вернуть их обратно. В 1758 году на Новой линии имелось 16 крепостей, расстояние между ними составляло в среднем 13 верст. Звериноголовская крепость считалась началом Новой линии и концом Оренбургской (6).

Правительство считало строительство и заселение крепостей первоочередной задачей, поэтому к строительству привлекались представители различных групп и сословий феодальной России. Первоначально в местах, близко расположенных к границам Южного Урала, правительство планировало создать боевые силы из потомков бывших вольных казаков с Волги, городских казаков. В течение 1735 - 1736 годов были сформированы Оренбургский и Уфимский драгунские полки, состоящие из «служилых людей прежних служб», городских казаков и их детей, дворян, детей боярских, рейтаров с их семействами». Всех их предполагали послать на Закамскую линию, но в 1739 году вышел указ, который предписывал перевести их на Самарскую и Яицкую линии (7). Таким образом, здесь были стянуты значительные силы, среди которых преобладали регулярные войска. И все они участвовали в строительстве крепостей. В указе от 15 февраля 1738 года говорилось, что «для поселения в городках легких войск принять охранников из яицких казаков до 500, из сибирских ближних казачьих и дворянских детей, неверстаных и неположных в подушный оклад до 1000». К строительству привлекались малороссийские казаки. Малороссияне хотели переселиться на плодородные здешние земли, но их атаман при этом терял служебных казаков и рабочие руки. Он обратился к правительству с просьбой не разрешать переселяться. В конце концов, вышла резолюция: «малороссиян не брать». Одним из важных источников пополнения нерегулярных войск строителей и первых жителей крепостей явились ссыльные

колодники. На протяжении XVIII века сюда ссылали всех, кто был неугоден правительству. К строительству привлекалось и крестьянство, и беглые крепостные. Сюда переселяются башкиры, киргиз-кайсаки, каракалпаки, казанские татары, калмыки, грузины, волохи. Русские появились на Южном Урале после падения Казанского и Астраханского ханства (8).

Гарнизонную службу в крепостях несли регулярные войска, которых было больше, чем нерегулярных. Начальник экспедиции И. К. Кирилов настаивал на необходимости организации нового казачьего войска, в котором бы преобладали нерегулярные части, и расселении его по Оренбургской линии крепостей. Порядок предлагал сделать на основе Устава городских казаков. Проект одобрили. Уже в 1735-1736 годах гарнизоны вновь построенных крепостей состояли только из казаков. В 1744 году указом Елизаветы учреждается Оренбургская губерния. Вновь поднимается вопрос о создании казачьих нерегулярных войск. В 1748 году Коллегия военных дел приняла специальный указ об организации Оренбургского нерегулярного войска и о введении института войскового атамана. Оренбургское казачье войско возникло в то время, когда царизм начинал вмешиваться не только в военную, но и в экономическую жизнь казаков. Оренбургское войско своим образованием обязано государственной власти. И это отличает его от традиционных войск, образованных на основе казачьих общин. Возникнув по инициативе «снизу», при активном участии беглого крестьянства, Донское и Яицкое войска действительно представляли собой самобытные народные войска. Для Оренбургского войска, сформированного из несвязанных между собой ранее уфимских, самарских, алексеевских городских казаков, других рядовых служилых людей, включая дворян, боярских детей, драгун, отставных солдат, была характерна хорошо продуманная система административных мер. Вольности вводились в ограниченных дозах. В основу службы были положены принципы «Устава о сторожевой службе городских казаков» 1571 года(9).

Осложнения политической обстановки в казахских степях, вызванное нападением джунгарских феодалов на земли Среднего Жуза, имело своим следствием приближение кочевой киргиз-кайсаков к русским селениям. Кочевые соседи превратили набеги на поселки русских земледельцев в постоянный промысел. Ишимская крепостная линия не могла защитить слободы и деревни, расположенные южнее ее, кроме того большие расстояния между укреплениями и малая численность войск не обеспечивали безопасности населения. В 1736 году подверглась нападению Утятская слобода, через четыре года ее вновь разорили, так же как и Верхне-Суерскую. В это же время, пленные, убогавшие от степняков, упорно доказывали, о подготовке джунгарского войска для большого похода на север.

В целях обеспечения безопасности и для улучшения связи и взаимодействия между крепостями, острогами и форпостами в 1738 году

был введен линейный принцип размещения укреплений на Ишимской линии, оформилась служба разъездов, которая была затруднена большими расстояниями и ломаностью линии укреплений .

В 1745-1749 гг. на реке Уй, притоке Тобола строится Уйская линия. Закономерно встает вопрос о строительстве степной линии южнее Кургана, способной защитить поселки земледельцев. В 1746 году командующий Сибирскими войсками генерал-майор Х.Х. Киндерман выслал проект укреплений линейного типа. Сенат издал указ о строительстве этой линии 27 апреля, а уже через три дня был объявлен набор выписных казаков на ее возведение.

Судьба Звериноголовского начинается, как уже говорилось в 1743 г. В этом году в Шадринске состоялась встреча Оренбургского губернатора Неплюева и Сибирского губернатора Сухарева. Решено было обследовать район между Тоболом и Иртышом, составить проект новой линии. В проекте предусматривалось вести линию от Звериноголовской крепости до Омской (10). В южных уездах Оренбургского края заселения укрепленной линии происходило за счет привлечения уфимских, яицких казаков и «из разных людей охотников», людей «бродящих», которых, по словам Рычкова, было набрано значительное количество (11). Всем им представлялись льготы «деньгами и провиантом» (12). Происходил приток крестьян в новые крепости, а именно, строилась Нижне-Уйская дистанция Оренбургской линии укреплений: Троицкая, Каракульская, Усть-Уйская (по левому притоку реки) и Звериноголовская (на правом берегу Тобола), крепости, что способствовало переселению крестьян к югу. В документах музея города Петропавловска значится, что до постройки русских крепостей по южной границе Западной Сибири существовала укрепленная линия, построенная еще во время второй половины XVII в. и носившая название Ишимской. Она шла от реки Миасс через нынешний Курган, Коркину слободу до Чернолуцкого острога. Ишимская линия крепостей была сильно извилиста и глубоко вдавалась в Сибирь. Она простиралась до 1000 км, на ней находились 54 укрепленных пункта. Вставал вопрос о переносе ее на юг, о выпрямлении линии. Проект переноса несколько раз пересматривался, и только в марте 1752 года последовал указ Сената о строительстве новой линии крепостей, как уже упоминалось выше. В 15 верстах восточнее Звериноголовской крепости находился конечный пункт оренбургской пограничной линии – редут Алабужский, далее следовал редут Песчаный, с которого начиналась Сибирская пограничная линия (13).

Строительство укреплений на новой линии началось 22 июня 1752 года. Строительством руководил М.В. Крафт. Сооружением форта на заграничной стороне руководил отец М.И. Кутузова. Крепость строилась по последнему слову военного искусства, но в деревянном варианте, так как это был самый подходящий и дешевый материал. Строилась Звериноголовская крепость с помощью уральских заво-

---

дов, с которых доставлялись необходимые инструменты и оборудование. В строительстве принимали участие мастеровые люди Екатеринбургa, крестьяне и выписанные казаки из Курганской, Утятской слобод и города Шадринска. Встречаются описания самой крепости, которые не совпадают друг с другом. Видимо, потому что записаны со слов очевидцев и, возможно, даются описания не одного и того же года. В «Памятной книжке Оренбургской губернии» за 1870 год на странице 83 мы встречаем такие сведения: «В 1752 году, по описанию современников, это была шестиугольная крепость, обнесенная заплотом, надолбами и рогатиками». В другом же документе говорится, что крепость представляла пятиугольную цитадель, обнесенную рубленой стеной, надолбами, рогатками, тыном и валом. Между рогатками и тыном ездил казак с заряженным ружьем. Крепость была вооружена двумя медными орудиями. Вот что писал о крепости Паллас: «Звериноголовская крепость построена на правом или восточном берегу Тобола, в ней находится старая и новая деревянная церкви и около ста дворов (1770 г) (14). Одним из первых сооружений за крепостными стенами была церковь. Это была церковь святого Николы, построенная без единого гвоздя, позже обшитая тончайшей жостью. Первоначально крепость находилась в Сибирском ведомстве, но в 1753 году по решению Сената «была переведена в Оренбургское». Под защитой крепости стали создаваться новые поселения крестьян, отставных казаков, драгун. На крепость возлагалась обязанность «прикрытия населяющих деревень и прочих внутренних мест» от налетов кочевников.

Заселение крепости проходило довольно быстро. Посетивший Зауралье академик Фальк отметил: «стоит Звериноголовская крепость на правом берегу Тобола и на западной стороне Ишимской линии. В 1771 году в ней было 115 домов и кроме этого регулярной милиции 586 душ обоего пола крестьян, которые занимались в основном сельским хозяйством и промыслами». В крепости располагался значительный гарнизон. Её комендант полковник Эстко в феврале 1774 года доносил, что в крепости 421 человек из состава регулярных войск, 24 нерегулярных казака, один башкир (15). Это численность только гарнизона. В это время в Звериноголовской крепости не было ни одного казачьего двора, и только в 1815 году сюда переселены первые казачьи семьи, через 4 года (т.е. 1819 в полуверсте от крепости появляется поселок, так называемый форштат). В нем казаки и разночинцы построили 26 домов, где жили 53 человека взрослых и 40 детей (16).

Редуты, форпосты, дома строили солдаты и выписные казаки, являвшиеся по сути дела теми же крестьянами (в их число записывали примерно каждый десятый двор и положение их можно было сравнить с приписными крестьянами, которые вместо денежных платежей рассчитывались с государством своим трудом на установленную налог сумму). В Ялуторовском и Ишимском округе их число достигало

6% от мужского населения. На строительство линии казаки являлись с двумя лошадьми и со своим провиантом, оплата за работу им не полагалась. В результате изнурительного труда на строительстве хозяйства казаков приходили в упадок, сами они доходили до нищенского состояния, участились побег. Власти были вынуждены распустить выписных казаков по домам, достраивать линию пришлось солдатам. Еще в ходе строительства в 1753 году крепость Звериноголовская и Алабужский редут были переданы Оренбургской линии, 12 лет сибирское руководство пыталось безуспешно вернуть ее обратно.

Все казаки, которые несли гарнизонную и сторожевую службы, не получали жалования и назывались безжалованными. Они наделялись землей и сенокосами, выставляли из своей среды на пожизненную службу не более ÷ безжалованных казаков (17). Формировался Оренбургский нерегулярный корпус, появление которого связано с быстрым ростом торговли с Казахским и Среднеазиатским ханствами. Особенно активно торговля велась летом. В это время кочевники перемещались в междуречье Тобола и Яика. А большинство из них считало набеги и войны важным источником обогащения. Для защиты от набегов и был сформирован корпус. В 1753 году штат его составлял из 650 казаков, 550 находились в Оренбурге, остальные в крепости Берде (18).

На новой линии начали нести службу 1428 рядовых и 202 казака, переведенных из городов и крепостей. Первоначально казаки не особенно рвались на линию с ее тяжелой службой военного интенданта и крестьянина в одном лице, не хотелось и бросать налаженный быт, тем более, что оплата в 5руб 32 коп. плюс хлебное довольствие никак не компенсировали затрат на прожитье, обмундирование, оружие, лошадь. Постепенно правительственные меры по улучшению положения казаков начали действовать. В 1763 году им разрешили заниматься меновой торговлей на линиях, затем были освоены подсобные промыслы: солекормчество, рыболовство, торговля скотом на отгон. К концу 60-х годов численность казаков на линии достигала уже 2000, выписные казаки переводились в регулярные, для них отменялись подати. В Звериноголовской крепости все выпускники военно-сиротского отделения в 1798 году, ставшего военно-кантонистским училищем были поверстаны в казаки. В 1785 году на должность Сибирского и Уфимского генерал-губернатора и командующим войсками вступил барон О. А. Игельстром. Он считал, что состояние корпуса неудовлетворительно, приступил к реорганизации. Из корпуса был создан отдельный конный казачий полк. Одна треть корпуса несла службу, остальные находились дома и занимались хозяйством. Характер службы, ее место и время оставались прежними. В 1798 г. все войско делилось на 5 кантонов. В это же время звание исетского атамана, где было самоуправление, упразднено. Царизм, вводя систему управления, не допускал выборных начал, стремился подчинить себе атаманов и старейшин. Так, наказной атаман Могу-

---

тов всецело зависел от губернатора Оренбурга И. Н. Неплюева. Все казаки, определявшиеся в корпусе, должны были осматриваться лично Неплюевым. Он же назначал старшин. Традиционный высший орган власти вольных казаков — круг при создании войска был отвергнут. Войсковая изба при атамане не имела функций верховного казачьего органа, а была лишь исполнительным органом. В процессе формирования войска складывались и материальные принципы службы казаков. Как начальнику экспедиции Кирилову представилось право на месте определять размер жалования и источники его получения. Согласно штату, все казаки делились на три разряда: а) жалованные, находившиеся на службе постоянно и полностью; б) маложалованные, получавшие жалование только на свою воинскую «справу», а остальной доход получали от представленных им сенокосов, пашен, рыбных и других промыслов; в) безжалованные, их содержание обеспечивалось путем предоставления им земельных угодий. Штат 1755 года определял 1099 жалованных, 703 маложалованных, 3080 безжалованных, составляющих нерегулярное войско. Размер жалования был неодинаков. Атаман получал 100 рублей, есаул — 50, сотник — 30, писари, сотенные и рядовые — 15 рублей в год. Жалование не являлось источником существования, а было источником военной службы. Казак обязан был иметь лошадь, обмундирование, снаряжение, амуницию, получая от казны лишь огнестрельное оружие (19).

Основу существования составляла земля. Правительство, наделяя землей, считало, что будет способствовать военной и экономической колонизации края. Земли в казачьих отрядах не распределялись государством, это дело самого казачества. Но если казаки набирались из других районов, то размер земли определялся заранее. Например, для отставных солдат, драгун, матросов земля по императорскому указу «от 20 до 30 четвертей на семью и на проезд, и на обслещение ссуду деньгами и хлебом дать от экспедиции по усмотрению пути и времени, покаместь от собственной своей пашни пропитания не начнут получать». Правил землепользования не существовало. Казакам, переселенным с Донского и других войск, отводилась земля на весь отряд вокруг крепости на расстоянии 10-15 верст. Хлебопашеством нерегулярные войска не занимались, разводили скот. Но все маложалованное, безжалованное казачество занималось хлебопашеством, при условии, что это не мешало службе. Заниматься хлебопашеством правительство заставляло ссыльных и не пригодных для службы. С XVIII века введено кантонное управление. Начальник кантона должен был следить за тем, чтобы «хозяйство наряженных, на службу не приходило в расстройство, для чего оказывалась бы по состоянию каждого помощь, в особенности во время жатвы и сенокоса».

В рамках территории казаки поселялись на внутренней стороне, обрабатывали столько земли, сколько могли, сена косили столько, сколько надо скоту, пасли скот, где безопасно от кочевников. В целом Орен-

---

бургскому войску отводились тысячи десятин земли. Господствующей системой земледелия была переложная. Земля находилась под пашней 10-12 лет. Сеяли рожь, ячмень, пшеницу, овес. Задачу поддержки и укрепления казачьих общин должен был решать и закон 21 апреля 1869 г. «О поземельном устройстве в казачьих войсках». Закон 1869 г. декларировал право на владение земельными угодьями, как в целом, так и отдельно по войскам и сословным группам.

В целях укрепления основ казачьего землепользования землеустроительным законом предусматривалось создание станичного фонда земель. В связи с этим в паевые наделы должно было отводиться не 30, а 40 дес. на душу, из которых 10 дес. отходили в станичный фонд. Доходы, получаемые от сдачи в аренду этих земель, должны были составлять основу фонда станичных капиталов.

Уравнение наделов предполагалось достичь путем введения в них удобных, малоудобных земель, а также определенного условного количества десятины лугов и других угодий. В 1873 г. войсковое правление Оренбургского войска обратилось в военное министерство с представлением о разделе земель на разряды по доходности по примеру Донского, где учитывались отдаленность от городов, торговых пунктов, трактов и т.п. Это предложение было утверждено Военным министром 7 ноября 1873 г. В 1876 г. было признано нормальным, чтобы 30-десятинный надел состоял из 24 дес. пашни и 6 дес. лугов. Каждая десятина луговой земли могла быть заменена 2 дес. пашни. Введение в действие Положения о землеустройстве возлагалось на войсковое и хозяйственное правление, а разрешение судебных споров — на Оренбургского генерал-губернатора. Правительство и военное министерство испытывали определенные трудности в реализации общего земельного законодательства применительно к Уральскому войску. Предложение о предоставлении земель офицерам в собственность было отвергнуто в «силу общинных начал» войскового хозяйства. Вместе с тем отсутствием законодательства по земельному вопросу пользовалась определенная часть казачества, захватывая общинные земли. Это послужило поводом для специального съезда «выборных» станичных обществ 24 октября 1874 г.

Параллельно с усилением надзора войсковая администрация пыталась провести ряд мер, направленных на задержку процесса расслоения казачества. Это были частные меры, предписывавшие чиновникам проводить замену жеребьевой системы назначением при нарядах на службу на дальние расстояния с учетом имущественного состояния казака. Была предпринята попытка, ликвидировать огромный штат казаков, занятых в качестве прислуги у офицеров, чиновников, в лазаретах, на конюшнях. На повестке дня стоял также вопрос об уменьшении сброса с «неслужилых» с 10 — 15 руб. до 3 — 7 руб. в зависимости от приговора станичных обществ. К этому времени уравниваются правила пользования и наделения землей Оренбур-

---

гского войска с казачьими войсками Европейской России. Усадьбы, сады, рощи при станциях и хуторах, находившиеся в пользовании у войсковых чинов, отдавались в собственность, но в размере не более 5 дес. Были приняты меры по переселению жителей части станиц на свободные земли. Только из первого отдела Оренбургского казачьего войска во второй в 1904 г. было переселено 4766 чел. из 9470. В 1901 г. в войсках утверждаются штабные агрономы, а в 1905 г., таких специалистов имел уже каждый отдел. В 1901 г., согласно указу Николая II, за казачьими войсками закрепляются «навечно» земли, которыми они владели. Не смотря на тяготы сторожевой кордонной службы, натуральные повинности и отработки станица крепла и развивалась как за счет правительственной заботы, так и за счет личной инициативы и трудолюбия станичников(20).

Примечания:

1. Советская военная энциклопедия /М. В. Огарков/ М., 1977. С. 52.
2. Немченко. Казачий круг. //Сельская жизнь – 1990 - № 3. С. 3.
3. Рыбин. Казачьи войска //Военно- исторический журнал. – 1990 - № 7. С. 58.
4. Энциклопедический словарь /Ф. А. Брокгауз, И. И. Ефрон/ Т. Х111, СПб. 1891. С. 960.
5. Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 174.
6. Машин М. Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 25.;Емельянов Н.Ф. Зауральские казаки //Курган и курганцы.-1992.29.12.
7. История казачества Урала. Учебное пособие для вечерних казачьих школ. Оренбург – Челябинск, 1976. С. 38.
8. Машин М. Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 26.
9. Рыбин. Казачьи войска //Военно- исторический журнал. – 1990 - № 7. С. 59.
10. Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч. 1. Заселение территории русскими. Курган, 1969. С. 115.
11. Рычков П. И. История Оренбургская /1730-1750/ - Оренбург, 1887. С. 231.
12. Потанин. Материалы для истории Сибири. Т. 1. М., 1867. С. 22.
13. Памятная книжка Оренбургской губернии за 1870 год. Отдел IV. С. 83; Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Кн. 2. СПб. 1770. С.54.
14. Полное собрание ученых путешествий по России. Записки путешествий академика Фалька. Т. 6. СПб. 1825. С. 350.
15. Шеметова А. Н. Умов. Крепость Звериная голова //Ленинское знамя. 1967, июнь.
16. Шеметова А.Н. Из истории села Звериноголовское//Ленинское знамя.1961.24 июня.
17. Авдеев П. И. Исторические записки об Оренбургском казачьем войске. – Оренбург, 1904. С. 24.
18. Машин М. Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 60.
19. Авдеев П. И. Исторические записки об Оренбургском казачьем войске. – Оренбург, 1904. С. 28.
20. История казачества Азиатской России.Екатеринбург.,1995.С.38,48.

САМОСОЗНАНИЕ СЛУЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ: ЭКСПАНСИВНЫЙ И САМООГРАНИЧЕННЫЙ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ

Современное общество в целом и историческая наука, в частности, справедливо выдвигает на первый план человека и его потребности в осознании самого себя в прошлом, настоящем и будущем. Однако соответствующий инструмент исследования самосознания индивида, особенно применительно к прошедшему времени, находится в стадии разработки. Данная работа представляет собой попытку вскрытия самосознания человека иной, нежели наша современная, эпохи. Речь идет о служилых людях (1) Западной Сибири в XVII - начале XVIII веков. Выбор объясняется тем, что по разнообразию своих функций (начиная военными, оборонительными и заканчивая хозяйственно – устроительными) служилые люди в указанное время в данном регионе были ключевыми фигурами, оказавшими значительное влияние на современников и потомков.

Путь выявления самосознания служилого человека, на наш взгляд, сосредоточен в комплексном изучении двух плоскостей его проявления: теоретической и практической. На теоретическом уровне обработаны разные виды одинаковых по объему источников (челобитные – прошения и доношения - служилых людей, а также сибирские летописи) с целью количественного и смыслового анализа употребляемых в них местоимений, как единиц проявления самосознания на теоретическом уровне. Результаты оказались достаточно любопытными (см. табл. 1): беспорное лидерство в различных видах местоимений принадлежит со значительным перевесом **ЛИЧНЫМ** местоимениям (73,7%). Среди них местоимения единственного числа в наибольшей степени представлены среди **нижних слоев** служилой общности (казаки – 55,5%; воеводы – 47,6%). Еще более интересно то, что единственные местоимения разнятся по лицам среди слоев служилого населения: 1-е лицо – **Я**, мне, меня, моя... (казак – 20,7%; воевода - 14,0%), 2 – е лицо – **Ты**, тебе, твой, твои (казак – 26%; воевода – 23%). В целом среди всех видов местоимений доминируют личные местоимения 2 – го лица единственного числа (ты, тебе, твой, твоего, твоему, тебя, твою...). Случайно ли подобное соотношение местоимений как по лицам и видам, так и по социальной окрашенности?

Для ответа на вопрос обратимся к практической реализации самоидентификации и самоопределения служилого человека. Специфика территории Западной Сибири в данный временной период заключается в её присоединении к центральной части России. Служилые люди выполняют ряд стратегических функций в осуществлении этого

Таблица 1

Обобщенные местоимения, употребляемые служилыми людьми
в XVII – XVIII веков (2)

социальная категория	казак		воевода		казак - воевода	
	17 - нач. 18 вв.		17 - нач. 18 вв.		17 - нач. 18 вв.	
	абс.	% общ.	абс.	% общ.	абс.	% общ.
1	5	6	11	12	13	14
Личные	8784	75,8	13161	72,3	21945	73,7
<i>единств. число:</i>	<i>6427</i>	<i>55,5</i>	<i>8669</i>	<i>47,6</i>	<i>15096</i>	<i>50,7</i>
<i>1 - е лицо</i>	<i>2399</i>	<i>20,7</i>	<i>2551</i>	<i>14</i>	<i>4950</i>	<i>16,6</i>
Я	1035	8,9	1147	6,3	2182	7,3
мой, моим, моего, мне, моему, меня, мной, мною, моя, моей, мою, мое, моею, наша, нашему, нашу	1364	11,8	1404	7,7	2768	9,3
<i>2 - е лицо</i>	<i>3008</i>	<i>26</i>	<i>4192</i>	<i>23</i>	<i>7200</i>	<i>24,2</i>
Ты	66	0,6	287	1,6	353	1,2
твой, твоего, твоему, твоим, тебе, тебя, твою, твоея, твое, твоей, твоею, твоём, твоя	2942	25,4	3905	21,4	6847	23
<i>3 - е лицо</i>	<i>1020</i>	<i>8,8</i>	<i>1926</i>	<i>10,6</i>	<i>2946</i>	<i>9,9</i>
Он	343	3	542	3		
его, ее, ему, нем, ней, нему, ним, него(и, я.т. сл, Кр)	677	5,8	1384	7,6	2946	9,9
<i>множеств. число:</i>	<i>2357</i>	<i>20,3</i>	<i>4492</i>	<i>24,7</i>	<i>6849</i>	<i>23</i>
<i>1 - е лицо</i>	<i>601</i>	<i>5,2</i>	<i>422</i>	<i>2,3</i>	<i>1023</i>	<i>3,4</i>
Мы	116	1	128	0,7	244	0,8
мои, нам, нашим, нас нами, наших,	485	4,2	294	1,6	779	2,6
<i>2 - е лицо</i>	<i>609</i>	<i>5,2</i>	<i>493</i>	<i>2,7</i>	<i>1102</i>	<i>3,7</i>
твои, твоим, твоими, твоих	551	4,7	430	2,4	981	3,3
Вы, вас, ваши	58	0,5	63	0,3	121	0,4
<i>3 - е лицо</i>	<i>1147</i>	<i>9,9</i>	<i>3577</i>	<i>19,7</i>	<i>4724</i>	<i>15,9</i>
они, их, им, ним, ними, них	1147	9,9	3577	19,7	4724	15,9
указательные	878	7,6	1628	8,9	2506	8,4
<i>единств. число:</i> (того, тот, тем, тому, сем, семи, сево, том, та, той, тою, такого, ту)	<i>232</i>	<i>2</i>	<i>595</i>	<i>3,3</i>	<i>827</i>	<i>2,8</i>
<i>множеств. число:</i> (те, тех, тем, теми)	<i>646</i>	<i>5,6</i>	<i>1033</i>	<i>5,6</i>	<i>1679</i>	<i>5,6</i>
притяжательное	640	5,5	701	3,8	1341	4,5

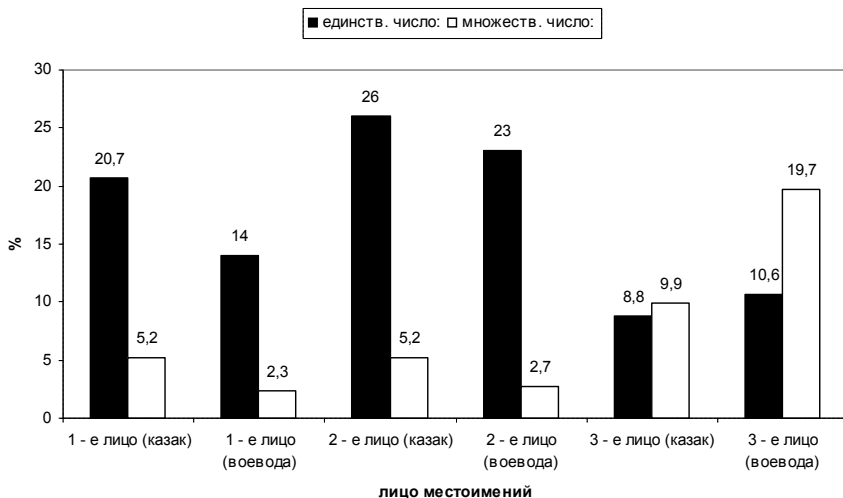
Продолжение таблицы 1

<i>1</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>
единств. число: (свой, своего, своим, своим, своему, своей, свою, своею)	329	2,8	386	2,1	715	2,4
множеств. число: (свой, своим, своими, своих)	311	2,7	315	1,7	626	2,1
определяющие	582	5	1187	6,5	1769	5,8
единств. число: (сам, самому, самого, всем, всего, вся, всею, всея)	439	3,8	853	4,7	1292	4,3
множеств. число: (сами, самим, самых, все, всем, всеми, всех)	143	1,2	334	1,8	477	1,5
неопределенное	261	2,2	336	1,8	597	2
единств. число: (иным, никакова, некем, никому, никакой, некого)	55	0,4	78	0,4	133	0,4
множеств. число: (иные, иных, иным, никаких, никакие, некоторые)	206	1,8	258	1,4	464	1,6
возвратное (ед. число) (себе, себя, собой, собою)	174	1,5	384	2,1	558	2
относительные	269	2,3	799	4,4	1068	3,6
единств. число: (какова, какого, которого, которым, которой, которая, какову)	35	0,3	204	1,1	239	0,8
множеств. число: (какие, каких, какими, которые, которым, которых)	234	2	595	3,3	829	2,8
всего:	11588	100	18196	100	29784	100
единств. число:	7691	66,4	11169	61,4	18860	63,3
множеств. число:	3897	33,6	7027	38,6	10924	36,7

процесса: они находятся непрерывно в ситуации, по удачной формулировке А. Тойнби, «Вызова-и-Ответа» (3). И разные служилые слои отвечают на дифференцированные «вызовы».

Воевода испытывает психологическое давление со стороны государя по двум прямо противоположным направлениям. С одной стороны, верховный правитель в каждой из своих грамот — поручений акцентирует внимание наместника — воеводы на непрременном соблюдении царских указов («по нашему указу велено»). С другой стороны, царь часто возмущается отсутствием смекалки и изобретательно-

График 1. Сравнение обобщенных личных местоимений, употребляемых служилыми людьми в XVII - начале XVIII веков, %

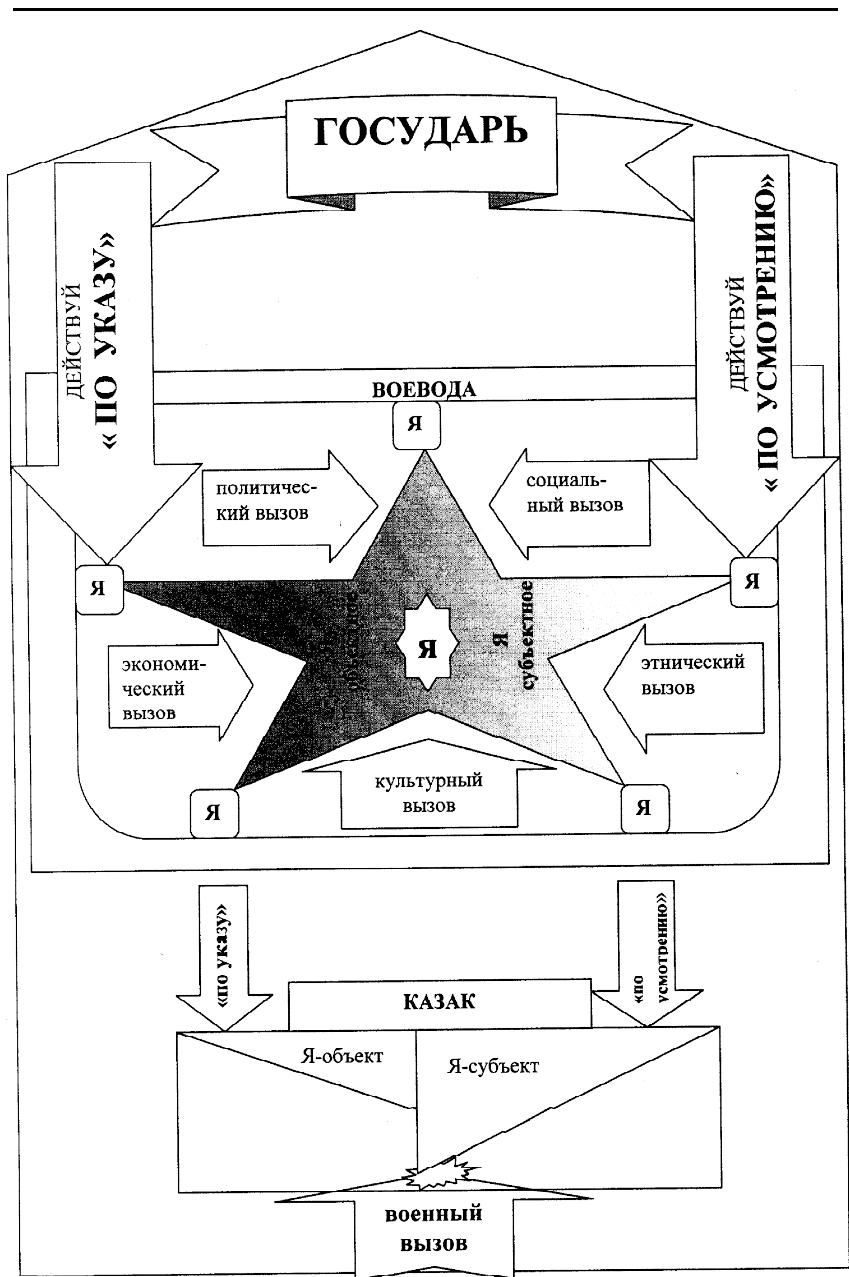
сти воеводы в особых случаях («смотря по тамошнему делу»). Приведем один из многочисленных примеров. В 1623 году царь Михаил Федорович отправил на Верхотурье воеводам М. Борятинскому и М. Языкову грамоту с призывом: „...по нашему (царскому – С.П.) наказу велено вам, на Верхотурье, на нашу пашню называть, из подмоги и на лготу, крестьян и сажати их на пашню...” (4). Однако конкретные размеры «подмоги и лгот» не были оговорены в государственной грамоте, поскольку данной мероприятию было далеко не первым на верхотурской земле. Произошел интересный казус: воеводы, будучи людьми новыми на указанном месте, не смогли самостоятельно осуществить набор пашенных крестьян именно по причине отсутствия царской грамоты со строго оговоренным размером льгот на текущий год. „И вы то делаете не гораздо, - возмущается и гневается царь, - вашим нерадением: мы то дело положили на вас..., велено вам пашенных крестьян называти на пашню,...**смотря по тамошнему делу** (5), ... и на Верхотурье вы не первые воеводы..., и пашня...заведена давно,...есть к чему примериться...” (6). При этом государь не видит в подобной линии своего поведения. Крайне важно понять мыслительный процесс воеводы. Почему возможны подобные вышеописанному парадоксы? Профессиональная полифункциональность воеводы порождает с его стороны необходимость отвечать на вызовы различного плана (экономические, политические, этнические, социальные, культурные). „Был я, - пишет воевода, - холоп **твой**, на твоей государеве службе,...**служил** и прибыль мноую во **всяких твоих** государевых

делах учинил, ясачных людей ...сыскал, призвал ...крестьян, и в денежных доходах в зборе ...учинил я...прибыль мноую..."(7). Разносторонняя деятельность («всякие дела») воеводы способствовала одновременному развитию в нем двух видов личности: социальной и материальной (8). Поэтому воеводу вполне справедливо назвать **личностью с экспансивными (9) наклонностями** и определенной степенью раздвоения самосознания (между государевой службой как социально - политическим институтом и «жаждой наживы» в качестве необходимого экономического условия для успешного выполнения своих обязанностей). В его психике происходит тождественное столкновение двух «Я»: «Я – объектное» и «Я – субъектное» (10)

Низшие слои служилой общности (дети боярские, казаки...) несколько иначе распределяют приоритет в иерархии видов своей личности. Казаки отвечают, главным образом, на военные вызовы. Военный вызов несравнимо сильнее раздражает, судя по источникам, психику человека, который должен непосредственно давать вооруженный ответ противнику лицом к лицу. Здесь требуется максимальное проявление индивидуальности человека (полностью регламентировать ход военного столкновения невозможно), который должен отстоять себя и других мирных жителей. Они персонифицируют себя со служилым человеком исключительно в военной деятельности. Самый яркий и показательный пример – это челобитные служилых людей о дополнительном награждении за «ЛИЧНУЮ» службу. Обратимся к высказываниям казаков: „ И я холоп твой тебе государю служил и бился, дрался накрепко... с твоими государевы изменники день до вечера”(11). Как видим, единственно приоритетной стороной личности казаки считают военную сферу, что позволяет сконцентрировать проявление индивидуального, «субъектного Я» в одной узкой профессиональной специализации. Казак – это **личность самоограниченная**. Несмотря на указанные различия, есть одно достаточно сильный, объединяющий разные слои в единую служилую общность, психологический фактор: осознание **ВСЕГО**, в том числе и собственной персоны, окружающего в качестве принадлежности правителю, государю и царю.

Таким образом, в рассматриваемый период высшие слои служилой общности самосознавали себя и управленцем, и экономистом, и социальным и общественно – политическим деятелем, объективно растворяя свое личностное «Я» в других людях, в то время как низшие слои строго идентифицировали себя с «военно – служилым человеком», проявляя максимально возможную индивидуальность в одной сфере деятельности, тем самым концентрируя свое «Я». Вместе с тем, все группы служилых людей подчеркивают свой неповторимый личностный вклад, в служении **государю**, являвшемуся **фактором и условием роста** самоопределения и самоидентификации индивида.

Рис. 1. Механизм формирования личного «Я» служилого человека Западной Сибири XVII - начала XVIII веков.

Примечания:

1. Понятие «служилые люди» в социальном плане на данном хронологическом отрезке используется современниками в двух значениях: 1) социальный слой, находящийся после воевод и их товарищей (реже – детей боярских) и перед «тяглыми» людьми, то есть казаки, стрельцы, ружники... (ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 185, 191, 196, 209, 218, 263, 273, 278 л... Памятники Сибирской истории... Кн. первая. С. 1... Кн. вторая. С. 284...); 2) все вышеприведенные лица в совокупности с воеводами и их товарищами (Памятники Сибирской истории... Кн. вторая. С. 265.).
2. Составлено по: РГАДА, ф. 214, кн. 762, 90 - 92, кн. 1138, лл. 1, 17, кн. 713, л. 289, кн. 40, л. 514, кн. 1046, л. 72, кн. 936, л. 251, кн. 1213, л. 1, кн. 1028, л. 1, кн. 1094, лл. 1, 152, кн. 833, л. 183, кн. 1441, л. 107, кн. 833, л. 114, кн. 1407, л. 14, кн. 750, л. 1, кн. 1100, л. 145, кн. 1291, л. 48, кн. 471, л. 55, кн. 1581, л. 1, кн. 722, лл. 157, 180, 216, кн. 487, л. 528, кн. 1008, лл. 56, 83, ст. 10, л. 1, ст. 84, лл. 690, 692, ст. 241, лл. 115, 148; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2 – е. изд., дополн. М., 1999 - 2000. Т. 1 – 2; Памятники Сибирской истории XVIII века. Спб., 1882 - 1885. Кн. 1 – 2; Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Спб., 1875. Т. 2; Первое столетие освоения Сибири русскими: Новые документы. Томск, 1999; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Спб., 1846 - 1859. Т. 2, 4, 7; Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. – Спб., 1841 – 1842. Т. 2 – 5; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII вв. Новосибирск, 2000. С. 60 – 267; Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. С. 117 – 137, 177 – 293.
3. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
4. Акты исторические... Т. 3. С. 186.
5. Здесь и далее курсив в цитатах – авторский.
6. Акты исторические... Т. 3. С. 186.
7. РГАДА, ф. 214, кн. 511, л. 104, кн. 856, л. 1, стб. 158, л1; Прибыльные дела, 2000, С. 82 - 83, 90, 108 – 109...
8. Джемс У. Личность // Психология самосознания. М., 2003. С. 18 – 21.
9. Экспансивность, согласно воззрениям психологов, представляет собой расширение личности и приобщение к ней других людей, что приводит к растворению индивидуального «Я» с коллективным «Мы» (См., напр., Джемс У. Личность... С. 19)
10. «Я-объектное» - пассивное начало в человеке, заставляющее его подчиняться, а «Я-субъектное» - творческое, самостоятельное.
11. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 433 - 443.

В.В. Менщиков

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗАУРАЛЬЕ В XVIII ВЕКЕ

В 1690-х гг. в пределах Зауралья появляется грозный соперник русских поселенцев – киргиз-кайсаки (казахи). Их кочевья подошли вплотную к русским поселениям на юге региона. Приход новых кочевников не мог не отразиться в документальных источниках, например, в летописях, в том числе в одной из самых полных – Есиповской (начало XVIII в.). Эти первые набеги запомнились русским поселенцам надолго. Так в ответах на анкету Г.Ф. Миллера в 1741 г. жители

слободы Царево Городище (в частности, деревни Шкоцкой) вспоминали не только ближайшие разорения 30-х гг. XVIII в., но и набеги 1695 г. (1)

В Есиповской летописи под 1691 г. сообщалось, что «... воинские люди Казачьей Орды бесермены развоевали тобольского ведомства вверх Тобола реки две слободы, Утяцкую да Камышевскую, и в тех слободах приказщика Тобольского сына боярского Спиридона Рачковского з женою и з детьми и с ним много беломестных казаков и крестьян з женами и з детьми во дворе сожгли, а иных побили, и в полон з собою увезли человек з двести» (2). Аналогичные сообщения с подробностями о прямых военных столкновениях имеются в записях летописи и под 1692, и 1693 гг. (3)

На рубеже XVII-XVIII вв. русская колонизация обеспечила формирование в регионе устойчивую зону компактного русского населения. Но вся первая половина XVIII в. отмечена достаточно ожесточенными столкновениями русских с башкирами и киргиз-кайсаками. Как отмечает А.Ю. Огурцов, «специфический интерес исследователей к деятельности русских земледельцев часто приводил к тому, что они не обращали внимания на уровень военной опасности. Тем самым создавалась иллюзия бесконфликтности вхождения новых народов и их территорий в состав России» (4). А уровень этой опасности был все-таки высоким. Иначе бы не вооружались копьями, бердышами, огнестрельным оружием крестьяне (слобода Царево Городище) (5).

Активизация военного противостояния башкирского населения была, прежде всего, связана в это время с натиском на вотчинные права башкир на свои земли в связи с активным горнозаводским строительством на Урале. Это вызвало в свою очередь усиление колонизационного натиска башкирского населения на территорию Зауралья. Теперь, в отличие от XVII в., башкирские набеги вплотную охватывают и Притоболье. Вопрос о владении землей стал одним из центральных в XVIII в., он был одним из главных мотивов башкирских восстаний. Так, в мае 1709 г. во время нападения на Крутихинскую слободу один из предводителей восставших подъезжал к стенам острога и кричал русским: «То де все наша земля Башкирская» (6).

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство, которое неизбежно должно было приводить к конфликту двух сторон в межэтнических взаимодействиях. Это различное понимание одних и тех же терминов, прежде всего, касающиеся властных отношений, что было связано с разным уровнем политической культуры. «Стремление подойти к коренным народам Сибири с мерками русского общества XVII в., непонимание особого менталитета туземцев было, пожалуй, слабой стороной... системы взаимоотношений представителей российской государственности с сибирскими автохтонами» (7). Так Р.Г. Кузеев отмечает, что «разное понимание характера присоединения со стороны царского правительства (подданство) и со стороны

башкир («свободный вассалитет») стало центральным моментом дальнейшего взаимодействия двух сторон» (8). Это как раз и приводило к периодическому нарушению политического равновесия. В целом в XVII в., по словам того же Р.Г. Кузеева, в отношении башкирского населения «Москва осуществляла своеобразный российский вариант политики функционализма (активно используя местные родоплеменные структуры, влияние элит и т.д.)». Но уже с XVIII в. «политика России... круто меняется в сторону прямого, военного осуществления целей социально-политической интеграции» (9). Это изменение стало одной из причин обострения русско-башкирских отношений и их большего ожесточения.

Не смотря на безусловные успехи русской колонизации края в первой половине XVIII в., русской администрации так и не удалось создать мирные условия жизни в регионе. Зауралье оставалось зоной постоянных столкновений с башкирским и киргиз-кайсацким населением. Все это требовало более эффективных действий. Таковыми стали действия по наращиванию воинских ресурсов в регионе. Одну из центральных ролей в этом деле сыграл в середине XVIII в. расквартированный в зауральских слободах и острогах Сибирский драгунский полк под командованием Я.С. Павлуцкого.

Несколько слов об этом человеке. Вот некоторые выдержки из послужного списка Якова Павлуцкого (1748 г.): «А определен из дворян в капитаны в Сибирский гарнизонный драгунский полк, в котором и поныне служит, и бывал во многих партиях и на боях против неприятелей... Да того ж 736 г. командирован был легкою партию обще с подполковником Миклашевским за воровскими башкирцами, кои немалым собранием приходили под Царев Курган, и оных догнав верстах во 100, чинили сильное сражение, при котором их воров побили и лошадей из под тех воров отбили немалое число... В 740 г. побито командою Павлуцкого 1630 человек (башкир — В.М.), да в полон взято 1450 человек, из того числа, на страх прочим ворам повешено 183 человека; отбито лошадей, коров и овец довольное число, и немалое число деревень сожжено воровских разных волостей 82, в них 689 дворов» (10).

Данный документ наглядно и весьма убедительно показывает ожесточенность русско-башкирского конфликта. Страдали не только русские поселенцы, периодически подвергавшиеся набегам, убиваемые и угоняемые в Среднюю Азию для продажи в рабство. Не менее жесткими были ответные меры русских властей. Как видно из приведенного нами документа, воинские команды не только преследовали нападавших, но и совершали карательные походы против мирного населения — «немалое число деревень сожжено», а из 1450 взятых в плен в 1740 г. 183 человека было повешено, причем как мера устрашения, а не в качестве справедливой меры наказания. Справедливости ради отметим, что подобное ожесточение в данных конфликтах

явление для того времени вполне обыденное. Понятие толерантности есть продукт современного общества, мы должны понимать наших предков, но не судить их с позиций современных норм морали. Поэтому и Яков Павлуцкий и предводители восставших башкир в равной степени были ответственны за жестокости, творимые в ходе военных столкновений.

Однако какими бы ни были крупными профессиональные воинские формирования, большинство населения в Зауралье составляло крестьянство. В отечественной историографии уже давно закрепилось устойчивое выражение «мирная крестьянская колонизация». Хотя с точки зрения функциональных целей этой части русской колонизации деятельность крестьян-переселенцев по освоению территорий, безусловно, являлась мирной деятельностью. Но повседневная жизнь на так называемом «фронтире», в зоне постоянных конфликтов, неизбежно накладывала отпечаток, причем, далеко «не мирный», на образ жизни русских крестьян в Зауралье. Крестьяне не только пассивно оборонялись от набегов, но и с оружием в руках активно добывались права на освоение и заселение новых земель.

Е. Вершинин приводит краткую хронику событий периода башкирского восстания 1662-1664 гг. Вот некоторые выдержки: «26 апреля. Ездили на свою старую разоренную заимку 7 крестьян. Наехали на них 20 татар, случился бой, 4-х крестьян убили, а 3 прибежали в Невьянский острог... 8 мая. Прибежали в Ирбитскую слободу крестьянин В. Михеев, привез убитого сына Никиту. Был сын в лесу, дрова сек, когда наехали на него трое татар... 11 мая. Наехали татары на трех ирбитских крестьян, начали их стрелять. Двое крестьян были на конях, но без оружия, и они от тех татар убежали в деревню. А Сергушка Суслов был с луком, без лошади, и он, бегучи, от татар отстреливался и, ранен, забежал в болото. В ту же пору набежали из деревни крестьяне, выручили его... 15 июня. Приехали в деревню к В. Завьялову 10 человек татар и сожгли 4 двора. А люди той деревни сбежались в один двор и сидят в осаде...» (11)

В связи с этим имеет смысл вновь поднять вопрос о характере русской колонизации Сибири. Исследовательница Е.А. Ерохина отмечает: «Говоря о взаимодействии русской старожильческой и традиционных культур народов Сибири, следует подчеркнуть комплиментарный характер их взаимоотношений» (12). С общей теоретической точки зрения это утверждение возможно и верно, имея в виду то, что и русская крестьянская и аборигенная культуры типологически находились в рамках традиционной культуры. Однако, как видно из источников, в XVII-XVIII вв. комплиментарность в русско-аборигенных отношениях, по крайней мере, в Зауралье проявлялась весьма слабо.

Такая двойственность положения — необходимость постоянно быть готовым к неприятельскому нападению и вести свое хозяйство, формировало и особую психологию зауральского крестьянства, и повсед-

---

невный быт, и даже породило особую, специфическую социальную категорию — беломестное казачество. Это обстоятельство усугублялось и противоречивостью государственной политики в процессе присоединения новых земель. Новосибирский исследователь А.С. Зуев довольно определенно пишет об этом: «... сделав ставку в деле присоединения новых земель и народов на максимальное извлечение с них прибыли, Московское государство рассматривало иноземцев только как потенциальных плательщиков ясака. И это обстоятельство привело к принципиальному противоречию в конкретной политике и тактике правительства и его агентов на местах. С одной стороны, государство постоянно провозглашало миролюбивое и покровительственное отношение к аборигенам, пытаясь оградить их от злоупотреблений и лихоимств, к которым прибегали местная администрация и служилые люди. Но, с другой стороны, оно же требовало безусловно объясачивания иноземцев, рекомендуя воеводам и приказчикам использовать для этого любые способы и меры вплоть до силовых». И далее А.С. Зуев делает окончательный вывод: «В результате заложенный в правительственной установке приоритет «ласки» над «жесточью» на практике воплощался, как правило, с точностью до наоборот, а провозглашаемая охранительная патерналистски-прагматическая политика государства на этапе присоединения новых территорий превращалась в пустую декларацию и даже фикцию» (13).

Однако столь категоричные утверждения А.С. Зуева при обращении к конкретно-историческому материалу приобретают, скорее, относительный, чем абсолютный характер. В 1729 г. крестьянин Крутинской слободы Степан Ильич Кузнецов обратился с прошением к императору Петру II, в котором в частности отмечал: «А в прошлые годы, будет лет з двадцать, оныя татары и башкирцы своевольством своим тамошнего краю россиян селы и деревни... воевали и церкви божиы жгли и людей русских многое число вырубилы, а других в полон брали и продовали во оныя калмыки, в Казачью Орду, чего от них и впредь весьма мы жить опасны, понеже место то стало быть на рубеже. Да оныя башкирцы владеют и безоброчно рыбными озерными ловлями с угодьями и отдают многим на кортому, в чем получают себе корысть немалую, от чего Вашему Императорскому Величеству интересу немалая трата. А в тех местах для осторожности и охранения в близости крепости не имеетца, и для лутчего смотрения и распространения во оной Сибирской стране близь оного Камня Урала надлежит быть крепости и к той крепости для поселения вновь сколько надлежит в переведенцы дворов, а в близи того места Камня Урала у Чебаркуля озера имеют жительство Далматова монастыря крестьяне» (14).

В этом прошении крестьянина Кузнецова мы не видим ни комплиментарности в отношении к аборигенам, ни проявления толерантности русской традиционной культуры. Существует устойчивое пред-

---

ставление о пограничном положении родных для крестьянина мест — Крутихинская слобода («... место то стало быть на рубеже»), а это ведь Приисетье, которое стало заселяться еще в XVII в. Строительство же крепости у озера Чебаркуля являлось бы выдвинутым в сторону башкирских земель форпостом, призванным быть устрашением для местного населения. Вроде бы этот документ подтверждает утверждения А.С. Зуева. Но весьма интересна реакция властей на это прошение крестьянина. Его рассматривал Сенат, в решении было отмечено, что «в том ему, Кузнецову, отказать для того: ежели в том месте построить крепость, то могут иноверцы, с которыми велено поступать ласкою, причитать к себе в озлобление, к том ж не безопасно есть в селении слобод, что будут принимать беглых, а за дальностию туда помещикам ездить и сыскивать будет не мочно» (15).

Как выясняется, поступать с иноверцами «ласкою» было не пустым словом, не фикцией. Власти не посчитали возможным строить новую крепость, хотя конфликтность в межэтнических отношениях в этом регионе оставалась достаточно высокой, и она (крепость) могла бы усилить военное присутствие русских в крае, но привело бы к недовольству со стороны башкирского населения. Конечно, в этом решении Сената преобладали прагматические интересы, в том числе корпоративные экономические интересы дворянства. Но в любом случае историческая реальность регионального масштаба оказывается более многообразной и неоднозначной, чем категорические и, порою, односложные оценки общего характера российской политики.

Сохранение военной опасности в первой половине XVIII в. продолжало требовать от крестьян быть готовыми к военным опасностям «фронтирной» (пограничной) жизни. Русская администрация специально обращала внимание на необходимость крестьянскому населению быть готовым к участию в боевых действиях. Так, в Указе от 24 августа 1723 г. говорилось: «... чтобы во всех Тобольского уезду острогах и слободах всякого чина людей от внезапного приходу воинских людей Казацьи Орды и Башкирцов жили с великим опасением и осторожностью и ко обороне имели ружье, как огненное, так и острое...» (16).

Чреватая постоянной военной опасностью повседневная жизнь русских поселенцев заставляла крестьян самим, без специальных решений администрации, обзаводиться собственным оружием. Так, в отписке тобольских воевод от 27 июня 1709 г. читаем: «... апреля де в 26 день под Пещанскую слободу пришли башкирцы и отогнали скот с поскотины. И крестьяне той же Пещанской слободы, 34 человека с ружьем бегали за теми Башкирцами в погоню и нагнав с ними бились, и под Уракаем подстрелили лошадь, а скот отбили» (17). В другом сообщении от 7 июня того же года сообщалось о том, что башкиры, придя в деревню Ключевскую Далматовской вотчины, взяли в полон людей и отогнали скот. Далее: «И они де полуполковник и

майор с капитаны и с драгунами и со крестьяны, всего сот с пять и больше, за теми воровскими людьми гонялись в погоню, и настigli на дороге» (18).

Как видим, порою, крестьяне весьма активно участвовали в военных столкновениях с башкирами и киргиз-кайсаками. Не только пассивно оборонялись, но и принимали участие, пусть и в небольших, но активных преследованиях неприятеля вместе с военными.

В 1748-1749 гг. командующий сибирскими войсками генерал Киндерман, выясняя воинские ресурсы Западной Сибири, приказал в первую очередь переписать крестьянское мужское население в возрасте от 16 до 50 лет, количество дворов в селениях, а также наличное огнестрельное оружие, имевшееся у крестьян. Данная перепись как раз интересна тем, что дает содержательную информацию о постоянной готовности крестьян к военному отбору.

По данным этой переписи крестьяне имели следующее количество огнестрельного оружия: Тебеньцкая слобода – 32 единицы, Солтосарайская – 16 единиц, Иковская – 106 единиц, Царево Городище – 154 единицы, Утятская – 123 единицы, Белозерская – 93 единицы, Верх-Суерская – 56 единиц, Усть-Суерская – 117 единиц. Таким образом, в восьми зауральских слободах у крестьян имелось 697 стволов огнестрельного оружия (19). Обращает на себя внимание разнообразие этого оружия. Здесь и самопалы, и так называемые «турки», фузеи и глади, мушкеты и даже пистолеты. Так в деревне Чекалина Иковской слободы Григорий Губин имел одну единицу огнестрельного оружия, Иван Курбатов – три единицы, Семен Замятин – одну единицу, Яков Курбатов – одну единицу; деревни Кошкиной той же слободы крестьянин Мартемьян Гусев имел одну единицу огнестрельного оружия, Степан Кривонос – одну единицу, Иван Зверев – одну; деревни Говорухиной той же слободы крестьянин Владимир Щекин имел одну единицу огнестрельного оружия, Яков Щекин – одну, Иван Боботков – одну, Василий Боботков – одну, Егор Лушников – одну. Наконец, деревни Бакланской той же Иковской слободы крестьянин Иван Демин имел одну фузею, один карабин, два пистолета (20).

Постоянная военная опасность также заставляла жителей укреплять свои населенные пункты. По данным 1749-1750 гг. укрепления имели следующие населенные пункты: Ялаторовский острог, Суерский острог, Верх-Суерская слобода, Усть-Суерская слобода, село Шмаковское, Белозерская слобода, Тебеньцкая слобода, Солтосарайская слобода, Иковская слобода, деревни Бакланская, Чунеева, Варлакова, слобода Царево Городище, село Введенское, Утятская слобода, слобода Абацкая, деревни Менщикова, Предеина (21). «Укрепления главным образом состояли из рогаток и надолбов... Стены вокруг селений были или лежащие или стоячие, по преимуществу первые, то есть бревна, положенные горизонтально» (22). Как видим, укреп-

---

ления имелись не только в острогах и административных центрах той или иной территории, но и в обыкновенных деревнях.

Как уже отмечалось выше, в XVIII в. все большую опасность для русских поселений в Зауралье стали создавать набеги киргиз-кайсаков (казахов). Если борьба с башкирскими восстаниями шла путем военного подавления восставших фактически внутри границ Российского государства, то борьба с киргиз-кайсаками носила характер приграничных конфликтов, так как южнее линии р. Уй к середине и даже к 80-м гг. XVIII в. русских поселений практически не было.

Однако известно, что территория Северного Казахстана, объединенная под властью Младшего Казахского жуза, формально вошла в состав России в 1731 г. В советской историографии это событие рассматривалось как «результат дальновидной политики хана Абулхаира, сумевшего раньше других понять, что устранить угрозу со стороны Джунгарии, а также Цинской империи... можно лишь с помощью России в условиях включения, в первую очередь, Младшего жуза в состав России» (23). Но набеги киргиз-кайсаков продолжались на протяжении практически всего XVIII в. и после вхождения Северного Казахстана в состав Российской империи, поэтому приведенное выше суждение не объясняет причин продолжавшихся набегов.

Видимо, решение Абулхаира было продиктовано иными целями. Как отмечает К.К. Абуев, «желание Абулхаира принять российское подданство было связано главным образом с его личными интересами» (24). Постараемся выяснить их. Причины, по всей видимости, связаны с внутривосточной ситуацией, царившей в казахском обществе. К началу 1730-х гг. власть в Младшем Казахском жузе захватил представитель младшей ханской династии Осека Абулхаир. Но власть его не была авторитетной, так как его приход к власти прерывал традиционное престолонаследие. Возникла серьезная оппозиция в лице султанов Батыра и Барака, потомков старшей династии Жадига (25). «С помощью русского императора Абулхаир надеялся укрепить свою власть, а, возможно, даже стать общеказахским ханом» (26).

Политическая нестабильность, вероятно, и заставила Абулхаира обратиться к Анне Иоанновне о вхождении Северного Казахстана в состав Российской империи. Но фактически Абулхаир не контролировал своих подданных, а контроль со стороны русской администрации практически отсутствовал.

Немаловажное значение в сохранении практики военных набегов имело и указанное нами выше разное понимание характера присоединения. Характерное и для башкир в XVI-XVII вв. и для казахов в XVIII в. понимание отношений с русской властью как «свободный вассалитет» приводило к весьма «свободному» поведению кочевников, периодически позволявших себе совершать грабительские набеги на русские поселения. Это отразилось также и в системе взаимоот-

---

ношений казахских ханов с русскими властями. Так Абулхаир, а после его смерти Нуралы приезжали в Оренбург через каждые два-три года, периодически подтверждая свое подданство (27), а в промежутках между этими событиями позволявшими смотреть «сквозь пальцы» на акты агрессии своего батырства против русских.

В 1740 г. произошло также формальное вхождение Среднего жуза в состав России. Но это событие тоже не привело к снижению военной напряженности на юге зауральского края. Хан Абылай осуществивший это, в отличие от Абулхаира, лишь однажды прибыл в русский город (Оренбург). «В последующие 40 лет жизни хан Абылай, несмотря на неоднократные приглашения властей, ни разу ни в Оренбург, ни в какой-либо другой русский город не приезжал, усматривая в этом ограничение своего суверенитета» (28). Последнее утверждение современного казахстанского исследователя К.К. Абуева весьма красноречиво. Сами казахские правители не хотели полного подчинения. Видимо, совершение походов на русские поселения было для правителей Младшего и Среднего жузов своеобразным подтверждением их политической самостоятельности.

Русская администрация не могла смириться с наличием постоянной военной угрозы по всему югу Сибири, понимая заключенные соглашения с казахскими правителями как отношения подданства. Поэтому борьба с агрессивными действиями казахского батырства до построения пограничной линии сводилась к мерам, изложенным в Указе от 6 ноября 1749 г.: «... если казахские батыры уведут людей, угонят скот или совершат грабежи, то в таком случае нужно писать хану с требованием возвращения людей и скота с возмещением убытков. Если же поблизости нет хана, то можно принять ответные меры» (29).

Только строительство пограничных линий могло как-то сдержать натиск кочевников. В условиях лесостепи это стало достаточно эффективной мерой обороны. Эти линии состояли из целого ряда крепостей и укрепленных населенных пунктов, как это в свое время планировал тобольский воевода П.И. Годунов в Присетье. В XVIII в. правительство продолжает политику строительства пограничных линий в Зауралье, но теперь они проходили южнее. Еще в 1739-1740 гг. В.Н. Татищев предлагал соорудить пограничную линию: «... чтоб линию вверх по Яику до Верхояицкой пристани, а оттоль по реке Ую до Царева Городища... на оной поселить гарнизонные и ландмилицкие полки» (30). В 1740-е гг. эта линия, получившая название Уйская, стала строиться.

Важнейшее значение в снижении уровня военной опасности в Зауралье имела так называемая Пресногорьковская сторожевая линия. Из сообщений середины XVIII в. узнаем: «Еще до царствования Императрицы Елизаветы Петровны предлагалось соединить линию Иртышских крепостей с линией Оренбургского ведомства через степь, лежащую между реками Иртышем и Тоболом. Было представлено в Сенат два

проекта. По проекту подполковника Кутузова предполагалось сократить линию от слободы Чернолуцкой Омского округа до форпоста Утятского Курганского округа в 426 верст, вместо 985 верст прежних. Но Киндерман, командовавший в то время войсками на границе, согласно с проектом географа Шишкова, предлагал вытянуть линию к Тоболу еще прямее, именно на урочище Звериная Голова. Был принят последний вариант. Предполагалось возвести 2 шестиугольные и 4 четырехугольные крепости с несколькими редутами, но при окончательном устройстве в 1758 г. явилось 16 крепостей с 16 редутами. Центральной была — Петропавловская крепость, от нее к Омску было 4 крепости (Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская с 9 редутами), на запад шли 6 крепостей (Скопинская, Становая, Пресновская, Кабанья, Пресногорьковская, Звериноголовская с 10 редутами)» (31). Именно эта конфигурация данной пограничной линии позволило поставить под контроль значительную территорию Затоболья. Соединение двух линий в районе крепости Звериноголовской также способствовало укреплению безопасности новых крестьянских поселений в районе Куртамышской, Каминской и Таловской слобод.

Пограничные линии строились по всей границе Российского государства на Южном Урале и в Сибири. В 1740-х гг. по приказу оренбургского губернатора И. Неплюева форсировалось строительство Уйской, Ново-Ишимской и Иртышской линий. Ко второй половине 1740-х гг. только в Оренбургской линии уже насчитывалось 28 крепостей, 36 редутов, 3 казачьи станицы и одна слобода. В 1750-е гг. завершилось строительство 11 крепостей, 33-х редутов и 42 маяков в Ново-Ишимской линии. На 920 верст протянулась Иртышская линия. Общая протяженность указанных линий составляла 3976 верст, где во второй половине XVIII в. были возведены более 200 военных крепостей, редутов и казачьих станиц (32).

Однако в последнее время в ряде исследований современных казахстанских историков указанные меры русской администрации рассматривается как проявление активной колониальной политики, например, в работах К.К. Абуева (33). Но наш анализ показывает, что подобная оценка является все-таки односторонней. Нисколько не сомневаясь в колониальных устремлениях российской политики в указанное время, мы должны видеть и вынужденность строительства подобных пограничных линий. Смеем предположить, что в отсутствии постоянных набегов казахов на русские поселения в Зауралье, российские власти, навряд ли, стали бы затевать столь дорогостоящие проекты. Другое дело, что и строительство русских поселений в степи и лесостепи могло рассматриваться казахами как посягательство на свои жизненные интересы. Поэтому в очередной раз мы убеждаемся в том, что исторической реальностью наиболее адекватно соответствуют неоднозначные, более сложные, порою более противоречивые, оценки и суждения.

Но даже после строительства Пресногорьковской сторожевой линии набеги продолжались. Это потребовало принятия еще одного Указа от 18 июня 1760 г.: «При случаях происходящих от киргизкайсак при здешних местах продерзостей, чтоб оные злодеи без отпущения не оставались, отправлять до самых их улусов немалолюдные команды и через оных людям и скоту делать захват» (34).

Только к 1780-м гг. произошла военно-политическая стабилизация в Зауралье. С этого времени начинается процесс исключительно мирного развития региона, не отягощенного военной опасностью извне или наличием внутренней этнополитической опасностью.

Примечания:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 199, д. 481, т. 2, л. 243-253.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 104.
3. Там же.
4. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. Автореферат диссертации... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. С. 8.
5. Абрамов Н. Слобода Царево Городище// Тобольские губернские ведомости. 1860. №5.
6. Памятники Сибирской истории XVIII в. Книга первая. СПб., 1882. С. 344.
7. Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 107.
8. Кузеев Р.Г. Особенности присоединения Башкирии к Русскому государству// Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции: В 2 ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 268.
9. Там же.
10. Материалы для истории Сибири/ Сост. Г.Н. Потанин. М., 1867. С. 1-5.
11. Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке// Родина. 1998. № 1.
12. Ерохина Е.А. Народы Сибири: к вопросу о специфике межэтнических взаимодействий// Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 142-145.
13. Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.)// Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3.: История. Новосибирск, 2002. С. 14-24 или «Сибирская заимка», 2002, №7// www.zaimka.ru.
14. Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1949. Т. III. С. 487-489.
15. Там же.
16. Памятники Сибирской истории XVIII в. Книга вторая. СПб., 1885. С. 421.
17. Памятники Сибирской истории... Книга первая. С. 378.
18. Там же. С. 384.
19. Государственный архив Курганской области (ГАКО), ф. 2260, оп. 1, д. 97.
20. Там же, л. 91-92, 95об.
21. Список населенных мест Тобольской губернии. СПб., 1871. С. 52-53.
22. Там же.
23. История Казахстана. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 35.
24. Абуев К.К. Деятельность хана Абылая по объединению казахских земель и развитию казахско-русских отношений. Автореферат диссертации... докт. ист. наук. Омск, 2002. С. 32.
25. Сабырханов А. Исторические предпосылки ликвидации ханской власти в

-
- Казахстане// Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 151.
26. Абуев К.К. Указ. соч. С. 32.
27. Там же. С. 34.
28. Там же.
29. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 273.
30. Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896. С. 42.
31. Список населенных мест... С. 84.
32. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX вв. М., 1960. С. 123; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 240.
33. Абуев К.К. Указ. соч. С. 33; он же. Хан Абылай и его время. Кокшетау, 2002.
34. Толыбеков С.Е. Указ. соч. С. 273.

А.Г. Битюков

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КУПЕЧЕСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Особенности правовой культуры «торгово-промышленного класса» России имеют глубокие исторические корни. Для России характерен своеобразный феномен противостояния власти и общества. Государственная власть традиционно относилась к купцам-предпринимателям как к источнику пополнения казны. В правовом регулировании предпринимательской деятельности преобладали дозвоительно-разрешительные методы, мелочная регламентация, административно-фискальный контроль.

Отношение к официально властным предписаниям закона наиболее ярко проявляется на уровне массового сознания провинциального купечества XIX – начала XX вв. Наступление государства на частный капитал вызывало ответную реакцию. Купечество стремилось реализовывать свои интересы опираясь не на законные средства и методы, а на неформальные отношения, деловые и неделовые связи с чиновничьим миром. Описывая домашний быт и нравы предпринимателей Западной Сибири, Г.Х. Мозель отмечает: «На вечера и обеды сзываются все родные и знакомые, причем дело редко обходится без участия местных властей, хотя бы эти должностные лица прежде никогда и в доме не были. При всяком подобном случае, несмотря на семейную радость, хозяин дома не забудет пошеголять перед своими братьями знатностью знакомства. Многие купцы даже нарочно делают вечера или дают обеды, чтобы удостоиться чести видеть у себя почетного гостя. Впрочем, не все руководствуются одним честолюбием, а некоторые решаются на некоторые расходы для обеда или бала не без задней мысли задобрить власти на случай какого-нибудь дела с казной»(1).

Чиновники привлекались в качестве вкладчиков в коммерческие

предприятия, «лоббировали» интересы купеческих кланов. В 1894 г. через Курган прошла железная дорога, проведение которой послужило стимулом для дальнейшего развития торгово-промышленного предпринимательства в крае. Курганский писатель-краевед И.А.Ленский в рукописной работе “Смолинские миллионы” приводит легенду о том, что купец Д.И.Смолин, при поддержке курганской купеческой корпорации, за крупные взятки (около 100 000 руб.) администрации строительства дороги, подрядчикам и инженерам, добился того, чтобы железную дорогу провели именно через Курган(2).

При формировании коммерческого законодательства правительство всегда стремилось хотя бы формально учесть корпоративные интересы купечества. Так, согласно Дополнительному постановлению об устройстве гильдий 1824 г. особое значение получили органы городского самоуправления – городские думы, гильдейское положение передавало им весь надзор за торговлей. Во всех больших торговых городах создавались при думах «из купцов, заслуживающих доверие общества», особые торговые депутации, члены которых наделялись большими полномочиями. Им был «открыт вход во все лавки, торговые заведения и дома, где производился торг, с обязанностью иметь надзор и на биржах». Данная норма значительно способствовала наведению порядка в торговой деятельности, формированию у верхов предпринимательства чувства гражданского долга и ответственности(3).

В середине XIX в. при проверке торговли в Шадринске комиссия обнаружила у купцов не соответствовавших стандарту (2 пуда) двойной набор гирь. Одни оказались легче, другие тяжелее. Первый, по всей видимости, использовался при покупке, второй – при продаже товаров. У шадринского 2-й гильдии купца Савелия Жирякова нашли три “незаконные” гири: две из них легче на один фунт каждая, а одна тяжелее на три фунта (2,5 фунта это около килограмма в современном исчислении), у купца Ф. Павлова одна гиря оказалась тяжелее на фунт, так как была “налита свинцом”, у далматовского купца Ф. Адриянова- на два фунта(4).

В XIX в. при заключении казенных подрядов широко применялась система взаимного поручительства. Для того, чтобы заключить договор о поставке в казну какого-либо товара, каждый купец должен был предоставить «одобрение» от городского общества и, кроме того, поручителей за себя. «Одобрение» означало, что перед лицом правительства все купечество города материально отвечает за выполнение подрядившимся договорных обязательств. Решающее значение в последнем случае имели наличие недвижимости, земельных участков и «исполнительность по торговле». П.Г. Рындзюнский показывает, что были случаи, когда в результате банкротства состоятельного купца под судом оказывался весь город.

Вследствие чего в деловых отношениях немаловажную роль играла деловая репутация купца-предпринимателя. Купцы, пользующие-

---

ся доверием общества, нередко в случае несостоятельности добивались рассрочки платежей(5).

Повседневная жизнь и деятельность купечества была невозможна без элементарных правовых знаний, которыми купцы обладали на уровне профессиональной деятельности. Архивные документы показывают, что купцы хорошо знали свои права и обязанности, давали показания в судебных органах, диктовали контракты, выдавали приказчикам доверенности и другие торговые документы. Купцы были обстоятельно осведомлены о правилах торгового законодательства, несоблюдение которых грозило административными взысканиями (штрафами), и случалось, стремясь избежать платежа пошлин, сознательно их нарушали. Торговля без свидетельств – распространенное явление в XIX в. В 1843 г. во время проверки торговли в Шадринске торговая депутация обнаружила в лавке купца И.Хохлова двух не аккредитованных приказчиков. Недовольный выплатой штрафа, Хохлов послал на имя городничего специальное “объяснение”, в котором писал: “...найденные в лавках моих крестьяне Никифоров и Павлов находясь у меня в виде помощников оставлены у лавок по уходе сына моего обедать, но производство торговли вверено им не было, и если они без позволения моего вошли в лавку и что ни есть продали, то не иначе как по простоте своей и неведению, и в этом случае к платежу на основании 5 тома свода законов издания 1842 г. 476 статьи подвергнут неправильно...»(6).

По факту заявления было проведено расследование, которое закончилось не в пользу изворотливого купца.

Исследователи выделяют такое понятие, как “купеческая честь” – свод не писанных правил, регулировавших поведение купца в деловых отношениях. В большинстве случаев отсутствовало письменное оформление сделок, а отношения в деловых кругах во многом носили лично-доверительный характер. Письменная фиксация договорных отношений не стала нормой в купеческой среде. Сделки чаще всего заключались «на словах» и документы показывают, что нередки были случаи уклонения от взятых обязательств. Нажиться за счет казны или покупателя для купцов не считалось грехом. В то же время, обман собрата по сословию, а в особенности, состоявшего в корпорации одного города, считался предосудительным, разрушал репутацию купца. Всегда будучи уверенными в возврате под честное слово, купцы выдавали друг другу крупные денежные суммы(7).

Криминальное поведение предпринимателей особенно проявлялось вне сфер государственного контроля. Чрезвычайно прибыльной в первой половине XIX в. была торговля с казаками. Известный зауральский краевед В.П. Бирюков описывая торговлю Шадринска приводит легенду о «шубных деньгах» – фальшивых ассигнациях, производство которых в Шадринске и его окрестностях якобы организовали купцы Фетисовы и на которые закупали скот в «Орде». Сам факт

обогащения Фетисовых за счет подделанных ассигнаций документально не доказан, но точно установлено, что в 1826 г. Федор Фетисов был уличен в незаконной скупке золота(8). Исторические источники свидетельствуют, что торговля купцов с «иногородцами» сопровождалась массовыми злоупотреблениями доверием.

Таким образом, при достаточно развитом правосознании массовый правовой нигилизм стал традицией, устойчивым элементом культуры предпринимательской деятельности. В провинциальном купечестве XIX –начала XX вв. отмечается стремление наладить формальные и неформальные связи с властью, чтобы реализовать свои интересы. Правовые отношения существовали на двух уровнях: официально-властных предписаний позитивного права, но в реальности их в большей частью регулировали неписанные обычаи делового оборота, правила корпоративной солидарности. Власть рассматривалась стоящей над правом и законами, которые нередко менялись и не всегда соответствовали потребностям времени. В связи с неразвитостью правовых институтов гражданского общества доминирующей ценностью было не законопослушное, а скорее верноподданническое поведение. Ценность права усматривалась в создании необходимых условий для проявления частной инициативы, но при тотальном государственном контроле последняя нередко принимала не правовые формы.

Примечания:

¹ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, составленные офицерами генерального штаба. Ч.2. СПб., 1864. С.328.

² Ленский И.А. Смоленские миллионы. КОКМ, ф. 2, оп. 1, ед.хр. 155. Тетрадь 3-я. Курган, 1969, л. 28-29.

³ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 126.

⁴ ГАШ, ф.474, оп.1, д. 952, л. 5-8.

⁵ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 45.

⁶ ГАШ, ф.474, оп.1, д. 458, л.68.

⁷ Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII-XIX вв. Томск, 1996, С. 199.

⁸ Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа Уральской области. Шадринск, 1926. С. 82-83; Ершов М.Ф. Шадринск: опыт периодизации социокультурной истории // Шадринский альманах. Вып.1. Шадринск, 1997. С.8.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ АСПЕКТАХ

Экономическое и социально-политическое развитие России во второй половине 19 века обусловило и дальнейшее развитие модернизации, при этом модернизация затронула не только «имперский» центр страны, но и ее окраины, в частности, интересующий нас регион- Сибирь.

Одним из составных моментов модернизации, происходившей в конце 19 в. являлось переселенческое движение, связанное с рядом объективных факторов. Аграрное перенаселение и «земельный голод» центральных районов России, относительное пашенное богатство восточных окраин страны – Сибири и Дальнего Востока, имперская колониальная политика, столыпинская аграрная реформа и т.д. Все это обусловило рост миграционного движения и в наш регион - Южное Зауралье. В отечественной историографии с 1990-х годов обострилась дискуссия по поводу применения таких терминов, как «присоединение», «завоевание», «вхождение», «освоение», «колонизация» в отношении Сибири. Примечательна по данному вопросу статья А.С.Зуева «Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии»(1). Автор статьи отмечает: «Вряд ли правомерно употреблять понятия «колонизация» и «освоение» как синонимы, что до сих пор сплошь и рядом делается в литературе»(2). Более того, А.С. Зуев склоняется к «концепции завоевания» Сибири Россией. На наш взгляд, более взвешенный подход к колонизации Сибири, и в частности Южного Зауралья, разработан историками Пундани В.В., Мамсик Т.С. и Меншиковым В.В.(3).

Мы неслучайно обратились к проблеме колонизации Сибири, т.к. в связи с переселенческим движением во второй половине 19 века отечественные и зарубежные историки, экономисты, политики и публицисты поднимали ряд вопросов. Важнейшие из них: Чем является Сибирь для России: колонией или ее составной частью? Не является ли переселенческое движение в Сибирь колонизационным процессом, сходным с западно-европейской колонизацией? Выгодно ли переселенческое движение для сибиряков и самих переселенцев? Как складываются взаимоотношения экономические, юридические и другие между самими переселенцами и старожилами? Не зря в литературе конца 19 века возникает целое направление, отстаивающее интересы Сибири, названное «областничеством». Питаясь чувствами нарождающегося сибирского патриотизма, областники творчески восприняли современные им федералистские и колониалистские теории, заложив

основы регионализма не только как влиятельного, но и особого научного направления (4). Признавая важность национального фактора в государственном строительстве, они в качестве приоритетного для Сибири считали фактор территориальный, как постоянно действующий и надэтнический, и даже стоящий выше социального.

Главные идеологи областничества Н.М.Ядринцев и Г.Н. Потанин предложили выйти за рамки административного подхода к Сибири и положили начало плодотворной работе по комплексному изучению проблем отношений центра и окраин (5).

Для иллюстрации приведем несколько характерных высказываний «областников» и авторов, стоящих на сходных позициях.

«Сибирь, как страна, заключает в себе золотое дно, но как часть государства, представляет ничтожную и безгласную область»(6).

«Рассматривая отношение колонии к метрополии, нельзя не признать существования особых сибирских интересов. Предположим, что в метрополии класс заводладельцев уничтожен, хозяевами заводов и фабрик стали артели рабочих; что же с этим падением заводладельцев исчезнут претензии на Москву, которые теперь предъявляются Сибири» (7).

«Отчужденность от России, некоторая огрубелость, холодность, рассудительность, преобладание индивидуальных интересов над общественными - вот отличительные черты коренного сибиряка- простолюдина. К тому же, полное отсутствие каких-либо исторических преданий, традиций, верований и симпатий. История Сибири слагается из целого ряда массовых ссылок, потому в ней для сибиряка нет ничего говорящего его сердцу; но он забыл и тот родной угол Европейской России, откуда вышел его род» (8).

В значительной мере переселенческая политика и сами переселенцы воспринимались негативно даже со стороны местных властей. Так губернатор Тобольской губернии с 1892 по 1895 гг. Н.М.Богданович в 1893 г. отмечал: «Переселение есть в значительной мере результат прирожденной склонности русского крестьянина, в лице преимущественно худших представителей, к бесцельному бродяжничеству» (9).

Негативное отношение к переселенческим процессам в Сибири со стороны старожилов объясняется целым рядом факторов и, прежде всего экономическим, связанным с проблемой наделения и владения землей. Примечательно, что данная проблема возникла еще задолго до массового переселения в Сибирь, до столыпинской реформы. Несколько примеров из истории нашего края. Тобольская казенная палата 4 марта 1865 г. рассматривала вопрос о стеснении в пользовании землей переселенцев старожилами д. Гагарьей Сычевской волости Курганского уезда. Казенная палата предписала: Курганскому земскому суду произвести через участкового заседателя между крестьянами старожилами и переселенцами д. Гагарьей уравнение в земляных угодьях». В результате состоявшегося передела переселенцы

остались «наделом земляными угодьями довольны, а старожилы – недовольны» (10).

30 апреля 1868 г. крестьяне д. Строевой той же Сычевской волости подали прошение в Тобольскую казенную палату об изменении границы, «разделяющей наше и крестьян с. Дубравского владение». Крестьяне деревни Строевой заявили, что переселились из Псковской губернии и были водворены на озеро Строево с наделением 15 десятинной пропорцией земли» (11). В результате их деревня оказалась на расстоянии 125 саженей от наделов села Дубравского и скот крестьян д. Строевой заходит на эти наделы, и дубравские крестьяне взыскивают «за то значительные деньги и имеют с каждой лошади от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.».

По этой причине переселенцы просили изменить границу их наделов и «уступить земли 400 десятин от грани», естественно, что старожилы были не согласны на такой передел. Интересно, что решение данного вопроса относится к 1876 г., когда граница между участками Строевским и Дубровским была уничтожена (12).

3 августа 1872 г. крестьяне д. Верхне - Глубокой Лебяжьевской волости старожилы и пере селенцы постановили передать спорный вопрос о разделе угодий между ними на обсуждение волостного схода. Старожилы и переселенцы д. Верхне-Глубокой пользовались угодьями раздельно друг от друга, что не удовлетворяло старожилов, «потому что в отведенном участке переселенцев вошли самые лучшие пахотные земли, а также водопой». Переселенцы отказывались объединить свои угодья со старожилами, «потому что они отделены уже 20 лет, а хотят, чтобы к участку, им отведенному было дополнено то количество земли, рядом с их участком сполосно»(13).

К концу 19 века земельные споры в связи с ростом переселенческого движения еще более обострились. Об этом свидетельствуют и архивные данные. В частности, на нашем местном материале этот процесс можно проследить по фонду 245 ГАКО. По переписи 1897 г. плотность сельского населения составляла в Шадринском уезде 19,63 человека на версту, а в Курганском 13,31, что ниже, чем в Европейской России, где средняя плотность составляла 22,12 человека на версту, но по сибирским меркам Южное Зауралье, осваиваемое уже в течение двух с половиной столетий, было уже довольно заселенным: в Сибири Курганский уезд занимал первое место по плотности населения (14).

Несомненно, что земельные споры не могли не затронуть правовых взаимоотношений между переселенцами и старожилами. Данные споры вели к столкновениям и конфликтам, которые разрешались не только волостными судами и другими официальными органами, но и с помощью обычного права, с помощью силы. Так, газета «Сибирский листок» за 3 июня 1893г. сообщает, что в с. Ново-Александровском Ишимского округа «между новоселами (воронежцами) и сибиряками было несколько серьезных столкновений, из которых одно

кончилось даже смертным случаем(15). Тот же Ядринцев Н.М. в «Сибирском листке» за 1892 г. отмечает: «Стремительность переселенцев и наплыв их около деревень и в общества ,где наделы уставлены и разобраны, породили скученность, недостаток земли и борьбу за нее, *кончавшуюся столкно вениями и битвами*» (16) (разрядка моя - С.Ф.).

Не только земельные споры вызывало переселенческое движение в Сибирь. Оно касалось и проблемы пользования лесными угодьями. В своей работе «Горные заводы Урала» экономист Озеров И.Х. пишет: «Неудачной, ошибочной была переселенческая политика правительства. Эта программа была принята без учета местных условий, без определения количества земель. Так, в Верхотурский уезд было переселено 14 тысяч душ на 140 тысяч десятин из всех губерний России. Практически на каждую душу приходилось по 10 десятин земли, без учета ее качества. Переселенцы эту землю загубили, вырубил лес. Состояние земли еще более ухудшилось, они ее бросили, а лес был продан по смехотворно низким ценам. Помимо всего, переселенческая политика стеснила местное население, сбив цены во время сенокосов. А вырубка леса повсеместно повлекла за собой гибель сенокосных лугов» (17). Правда, и старожилы в конце 19 века начинают хищнически относиться к лесным богатствам края. Из рапорта Тобольского губернатора А.П. Лаппо-Старженецкого министру земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолову от 12 ноября 1901 г.: «Обозревая несколько раз южные уезды высочайше вверенной мне губернии, мне пришлось убедиться, что крестьяне-старожилы, а за ними и переселенцы...очень небрежно относятся к лесам своим» (18). На наш взгляд, это связано именно с воздействием взглядов переселенцев на мировоззрение старожилов. У переселенцев на лес господствовала норма обычного права, как на «дар Божий», и, следовательно, каждый крестьянин имел право на вырубку в казенных лесах. Не так у старожилов. А.А.Куфман пишет: «По Курганским и Ишимским округам община, переделая леса по душам, преследовала в значительной мере, а местами и преимущественно, лесоохранительные цели. Крестьяне решились приставить к лесу хозяйский глаз, чтобы каждый лесной участок находился под наблюдением отдельного домохозяина, лично заинтересованного в его сохранении как от порубок посторонними лицами, так и собственного беспорядочного хозяйствования» (19).И, действительно, лишь к концу 19-началу 20 веков дела волостных судов Курганского уезда насыщены спорами о лесных угодьях и хищнических вырубках лесов, принадлежащих либо в общине, либо находящихся в наделной собственности(20).

Подведем некоторые итоги.

1.Переселенческое движение конца 19 –начала 20 веков в Сибирь являлось одной из составных частей модернизационных процессов, происходивших в России, имело под собой глубокие экономические,

---

политические и социокультурные корни.

2. Переселенческая политика в значительной мере влияла на разрушение традиции и обычного права в крестьянской среде Сибири и Южного Зауралья, в частности. При этом трансформации подверглось правовое сознание, как переселенцев, так и старожилов, вынужденных активно взаимодействовать друг с другом не только в экономической, но и юридической сферах. Обращаясь к монографии Эверетта М. Роджерса «Диффузия инноваций», разрушение традиции и обычного права среди крестьян южнозауральского региона, на наш взгляд, находилось на так называемой «испытательной стадии». Когда индивид или определенные социумы используют инновацию на практике, чтобы определить ее полезность(21).

3.Взаимоотношения между переселенцами и старожилами с юридически-правовой точки зрения не были идиллическими и дружественными. Скорее, наоборот, эти взаимоотношения носили достаточно острый конфликтный характер, так как с увеличением количества переселенцев у старожилов возникает острая нехватка земель. Появляются люди, обделенные земельными владениями и со стороны старожилов и со стороны переселенцев. Отсюда – и расслоение крестьян в западносибирской деревне, и разрушение «духовных скреп» зауральской общины, и рост преступности в крестьянской среде.

Примечания:

1.Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып.1.- Культурный космос Евразии. Новосибирск,1999.

2.Там же. С.131.

3.Пундани В.В.Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине 18- первой половине 20 веков. Курган,1994. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть 19 века. Новосибирск, 1987. Меншиков В.В. Русская колонизация Зауралья в 17-18 вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган.2004.

4.Подробнее см.: Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года - лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.,1997. С.142-156.

5.Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.,1892. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск , 1983.Т.6.

6.Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.,1892.С.551.

7.Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т.6.С.211.

8. Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА, ф.1642, оп.1, д.204, л.107.

9. Богданович Н.М.Записки исполняющего дела тобольского губернатора Н.М. Богдановича. СПб.,1893. С.5.

10. ГАКО, ф.245, оп.1, д.122, л.12-15.

11. ГАКО, ф.245, оп.1, д.114, л.6-7.

12. ГАКО, ф.245, оп.1, д.114, л.115 об.

13. ГАКО, ф.245, оп.1, д.638, л.1-185.

14. Свищев П.А. Народонаселение Зауралья конца 19-начала 20 веков // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган,1997. С.194.

15. Сибирский листок.1893.№40.(3 июня). С.1-2.

-
16. Сибирский листок. 1892.№98.(17 декабря). С.1-3.
  17. Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М.,1910. С.53.
  18. ТФ ГАТО, ф.479, оп.2, д.77, л.14.
  19. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб.,1897. С.192.
  20. Подробнее см.: ГАКО, ф.128, оп.1, ф.237, оп.1.
  21. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs ,New Jersey : Prentice-Hall,1989. P.80-82.

И.С. Менщиков

ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ И КУЛЬТУРА ТРУДА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Трудовые традиции и культура труда являлись важной составляющей культуры крестьянства. Огромный вклад в разработку этой проблемы внесли М.М. Громыко и Н.А. Миненко. Она сумела показать роль и место трудовой культуры крестьян в общей культуре их (1). Применительно к Уралу и Зауралью эту тему основательно разработал и В.В. Пундани (2). Названные авторы доводят свои исследования до середины 60-х гг. XIX века. Однако можно с полным основанием утверждать, что большая часть сказанного в работах упомянутых авторов относится и ко всему XIX веку. Поэтому в рамках данной статьи остановимся лишь на том, как эти основные трудовые традиции сохранялись во второй половине XIX века и на изменениях, произошедших в агрокультуре в начале XX века в Южном Зауралье.

Во второй половине XIX века крестьяне продолжали в основном следовать традициям землепользования и земледелия, сложившимся на протяжении двух предшествующих столетий. Одной из отличительных черт этой агрокультуры была её приверженность традиции, крайне осторожное отношение крестьян ко всякого рода переменам. В 40-е годы XIX века они весьма негативно относились к попытке распространить среди них новую земледельческую культуру - картофель, что стало одним из поводов к знаменитым картофельным бунтам. Многие авторы отмечают эту черту, (консерватизм) крестьян по отношению к земледелию. Например, Т. Успенский отмечает, что жители Шадринского уезда «не слишком торопятся на пути самоусовершенствования. Придерживаясь старины, крестьянин смотрит с большим сомнением и даже неприязненно на всякое нововведение»(3). Аналогичное мнение высказывает и А. Зырянов, который пишет, что крестьяне села Иванищевского «в ведении своего хозяйства основываются на опыте и практике рутины, старины и предков». По наблюдениям Х. Мозеля крестьяне Урала и Зауралья также придержива-

---

ются старины и от довольства от добра добра не ищут(4).

Одним из самых важных институтов в продолжении трудовых традиций выступала семья, именно там происходило обучение основным навыкам труда. В основном родители руководствовались принципом «делай как я», что способствовало закреплению традиций. Многие авторы утверждают, что дети начинают работать с 8-9 лет. Мальчики в этом возрасте управляют верхом лошадей и помогают убирать сено, а девочки начинают нянчиться с маленькими братьями и сестрами и помогают в прядении и ткачестве. С 14 лет мальчики выполняют почти все работы, которые им по силам. Девочка в этом возрасте становится полной работницей: она косит, жнет, молотит, возит дрова и даже пилит их с отцом или братьями. Поэтому крестьяне не торопятся выдавать своих дочерей замуж. Мальчики от восьми до четырнадцати лет назывались в Шадринском уезде борноволокми, поскольку они руководили лошадьми при бороньбе и распашке земли. Иногда их заменяли девочки 10-14 лет, если в семье не было мальчика подходящего возраста. В целом, к 14 годам дети получали основные трудовые навыки в соответствии с распределением работ между полями(5).

Также, в процессе совместного труда, детям передавались многие эмпирические знания, накопленные несколькими поколениями крестьян. Они имели прямое отношение к полевым работам и срокам различных этапов работ. Наиболее полно они нашли свое выражение в различных народных календарях и месяцесловах. Однако крестьяне нередко, несмотря на уже отмеченную склонность к рутине, учитывали погодные условия того или иного года. Например, жители села Иванищевского Шадринского уезда производили посев пшеницы в конце 1850-х - начале 1860-х гг. 3-4 мая и лишь в 1858 году сеяли 8 мая. Обычно же в Шадринском уезде сев начинался с Егорьева дня (23 апреля ст. стиль) и продолжался до 20 мая. Вначале сеяли пшеницу, затем другие культуры. В самую последнюю очередь (уже в начале июня) производили посев ржи (там, где её сеяли). Жатва начиналась с 20 июля и продолжалась до 15 сентября, а иногда и до Покрова (1 октября). Рожь сеяли в основном в северной части уезда(6). В Ялуторовском округе сев начинался около 1 мая и продолжался до июня. Основные полевые работы заканчивались 1 сентября. Такие же сроки посевных и уборочных работ наблюдались и в Курганском уезде вплоть до конца XIX века. В целом, такие же сроки соблюдались в Челябинском уезде, где весна начиналась несколько раньше. Начало полевых работ большинство источников относит к Егорьеву дню (23 апреля)(7).

Характерной чертой земледельческой культуры во всех районах Южного Зауралья было отсутствие удобрения почв. Это отмечают абсолютно все источники вплоть до начала XX века. Например, в Шадринском уезде к началу XX века удобрялось только 4% почв.

Сами крестьяне объясняли это тем, что местная почва навоз «не принимает», поскольку представляет собой в основном чернозём(8).

Привыкнув к изобилию природных ресурсов (земли, леса, воды), местные крестьяне порой просто хищнически к ним относились. Уже к середине XIX века встала проблема исчезновения лесов, а к концу этого же века наблюдалось изменение микроклимата в Южном Зауралье. В деревне Раскатихе на юге Курганского округа к 1894 году крестьяне были вынуждены ставить перед деревней специальные изгороди, чтобы защитить её от песков, которые стали окружать её высоким валом(9). Во многих других местах уничтожение лесов приводило к обмелению рек и озёр, засолению их, ухудшению качества почв, засухам. В Челябинском уезде наблюдались те же явления. В селе Белоярском к началу XX века отмечено, что с каждым годом лето становится всё жарче, а зима холоднее, по причине исчезновения лесов. Аналогичные замечания относятся и к селу Становому, расположенному южнее предыдущего (между станцией Шумиха и селом Звериноголовским)(10).

Следующей особенностью зауральского крестьянства было его отношение к земле как к своей собственности. Землю он считал себя вправе передать по наследству, продать или сдать в аренду. Конечно, чисто с юридической точки зрения крестьяне собственниками не были, но это отношение к земле весьма показательно с точки зрения социальной психологии(11). Община не вмешивалась в вопросы севооборота и в сельскохозяйственные культуры, которые они выращивали. Господствующей системой в Южном Зауралье и в начале XX века оставалось трёхполье. Однако у бедных и незначительных хозяев нередко сеяли хлеб по хлебу(12). Община защищала коллективные интересы перед начальством и другими общинами. Одной из характерных черт в использовании сельскохозяйственных угодий, было отсутствие переделов земли внутри общины и постоянные драки между соседними деревнями из-за покосов(13).

Основными орудиями обработки земли и во второй половине XIX века оставалась соха и борона. В середине XIX века так называемая соха-колесуха («колесянка»), вытеснила соху-рогальюху, а в районах, примыкающих к промышленному Уралу на смену им пришли более совершенная пермянка(14). В 1905 году пермянки или сабаны практически полностью вытеснили старую соху(15). Определённый прогресс наблюдался во второй половине XIX века и применении других усовершенствованных орудий. Ручное молотило стали вытеснять молотилки. В 50-е гг. XIX в. среди шадринских крестьян стала распространяться так называемая молотыга (большой каток с шипами, приводимый в движение лошадью), но вскоре даже зажиточные крестьяне вновь вернулись к традиционному молотилу(16). Борону с деревянными зубьями постепенно сменяет борона с железными. К концу XIX века в Курганском и некоторых частях Ишимского и Ялуторов-

---

ского уездов широко распространялись молотилки и веялки, которые, однако, почти не встречались в Тарском и Тюкалинском уездах и практически полностью отсутствовали в Тобольском уезде Тобольской губернии (16). Основными орудиями для уборки хлеба являлись серп и коса-литовка. Они имелись в хозяйстве почти всех крестьян и фигурируют в описях имущества(17).

Основными сельскохозяйственными культурами в различных частях были пшеница и овёс. В Курганском уезде в конце XIX века первая занимала 45,11%, а второй - 37,44 % всех посевных площадей. В Шадринском уезде они занимали около 31% каждая. Среди прочих культур разводили рожь, репу, горох, огурцы, редьку, просо, капусту, морковь. В южной части разводили также бобы и дыни, однако все эти культуры выращивали, главным образом, для собственного потребления. Исключение составляли огурцы в Шадринском уезде, которые продавались в уральские города(18).

С земледелием было тесно связано скотоводство. В Зауралье разводили коров, лошадей, овец, несколько менее - свиней и коз. Все животные традиционно русских пород. Даже небогатые крестьяне имели по 1 -2 лошади и коровы. В селе Становом, например, самые бедные имели в своём хозяйстве 1-2 лошади и засевали по 2-3 десятины, а в средней засевали 8-9, богатые же - по 50 - 80 десятин земли. Средняя же крестьянская семья в Курганском и Ишимском округах обрабатывала 6-10 дес. земли и имела в своём хозяйстве 4 лошади, 3 коровы, 10 овец, пару свиней и птицу - гусей и кур. В Шадринском семья состояла в среднем из 6-8 человек, из которых полностью трудоспособными были 2-3. На такую семью приходилось до 6 дес. пашни, 1,5 дес. покоса, 0,5дес. леса, 2лошади, 2 свиньи, 5-8 коров, 2 -3 овцы, 5-6 кур, 1-3 гуся, по другим данным, в Шадринском уезде крестьяне сеют до 15 дес. и имеют 5-10 лошадей почти столько же коров(19). Анализируя состояние агрокультуры Южного Зауралья во второй половине XIX века можно отметить, что существенных изменений в ней по сравнению с первой половиной этого столетия не наблюдается. Практически полностью сохранилась традиционная система землепользования и землеобработки. Некоторые изменения заметны в орудиях труда, появлении новых их видов (коса-литовка, сабан или пермянка, железная борона, молотилки). Более серьёзными были изменения прошедшие в начале XX века.

В 1894 году через Курган и Южное Зауралье прошла сибирская железная дорога. Она открыла широкие возможности для повышения то парности зауральского сельского хозяйства. Для привлечения внимания к этому региону и популяризации идей интенсификации земледелия в 1895 году в Кургане была проведена Сельскохозяйственная и кустарная выставка. Одним из организаторов этой выставки, о которой написано уже немало, был губернский агроном П.Л. Скалзубов. Вскоре, по его инициативе был создан Курганский отдел

Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Несколько позднее такой же отдел был создан и в Ялуторовском уезде. В начале XX века в Зауралье развернулось мощное кооперативное движение, которое оформилось в ноябре в Союз сибирских маслодельческих артелей. Эти организации работали в тесной в взаимодействии друг с другом и проблема их сотрудничества еще ждет своего исследователя. Мы остановимся только на просветительской деятельности, повлекшей заметные изменения в аграрной культуре зауральского крестьянства. Наиболее ярко состояние агрокультуры Южном Зауралье определил И.Я. Трофимов, отметивший в 1895 году, что здесь нет никакого правильного способа ведения хозяйства и никакой системы не существует, почвы не удобряются и обрабатывается самым примитивным образом(20). Конечно, он несколько преувеличил отрицательные стороны местного земледелия, но остаётся фактом, что оно мало было приспособлено к новым рыночным условиям.

Бурное развитие молочного, а с развитием мясоконсервной промышленности и мясного животноводства вызвало проблему кормом. Во многих районах с ней столкнулись ещё в 1860-е гг. Скот приходилось кормить соломой, так как сена не хватало и из-за сенокосных угодий, как было показано выше, происходили столкновения между целыми деревнями. Для повышения жирности молока необходимо было разводить новые кормовые культуры. Одним из энтузиастов и организаторов этого дела был Н.Л. Скалозубов, на протяжении многих лет бывший тобольским губернским агрономом и организатором Курганского отдела МОСХ. Он был убежден, что сибирские крестьяне очень чутко относятся к разного рода усовершенствованиям в орудиях труда, что среди них много инициативных людей(21).

Среди крестьян регулярно проводилась просветительская работа. Устраивались разного рода чтения с применением не только наглядностей, но и технических средств - кинематографа и «волшебного фонаря», диапозитивов. По деревням распространялась научно-популярная литература по агрономии, широкой популярностью стала пользоваться выходившая под эгидой Союза сибирских маслодельческих артелей «Народная газета». Зачастую крестьяне неохотно соглашались на эксперимент, но, убедившись в эффективности предлагавшихся новаций, соглашались применять их в своём хозяйстве. Например, в селе Коркинском Ялуторовского уезда агрономом проводились курсы по животноводству и молочному хозяйству. Большинство жителей отмахивались от них, говоря: «Что мы не знаем, как коров доить? - век жили, смешно, - будто не знаем как коров пасти?» Только 12 человек согласились, проверить на своих коровах новую методику. Однако, на открытие курсов многие всё же пришли. Выслушав лекции и убедившись, что закрытые и теплые скотные дворы повышают удои молока, «словно горячка охватила наших коркинцев. Бросились все устраивать тёплые скотные дворы». Номера «Народ-

---

ной газеты» пестрят подобной корреспонденцией (22).

Другим способом убеждения крестьян в необходимости новых методов ведения хозяйства были разного рода выставки и конкурсы. На них можно было воочию убедиться в действенности той или иной технологии. Проводилась раздача или продажа по льготной цене семян новых кормовых культур. В начале XX века большое внимание уделялось разведению могоара и вики. Благодаря предпринятым мерам к 1914 г. удалось повысить среднюю жирность молока до 4,8% и увеличить надой его почти вдвое. Также с открытием скотобоев «Брюль и Тергерсен» резко увеличился спрос на откормленных свиней и увеличилось их поголовье(164). Интересные данные по просветительской деятельности Курганского отдела МОСХ можно найти в «Обзоре» деятельности, составленном С. М. Косаревым (23).

Другим направлением просветительской деятельности Курганского отдела МОСХ было распространение новых сельскохозяйственных орудий. В начале XX века всё шире стали применяться плуги, а также сеялки, молотилки и иные машины. Первоначально их изготовление находилось в руках кустарей. В Кургане в последние годы XIX века был известен своими изделиями и изобретениями мастер Зырянов. Н. Скалозубов застал его в 1894 году за изготовлением 38-й молотилки. Кроме того, этот кустарь пытался спроектировать сеялку и плуг. Однако в северо-восточных округах усовершенствованные орудия и машины встречались крайне редко. В первые пятнадцать лет XX века всё чаще стали распространяться приспособления и фабричного производства. Плуги начали решительно вытеснять сабаны (пермянки). Такой переход занял всего 10-12 лет. В Шадринском уезде в начале XX века конные барабанные молотилки имели около 1,5% хозяйств. В Батуринской волости было 39 молотилок. в Барнёвской -18, а в Песчанской - 16, 3 плуга и жатка(167). Для агитации новых орудий проводились выставки, смотры, конкурсные запашки. Курганский отдел МОСХ покупал и сдавал на весьма выгодных условиях плуги, сеялки, молотилки. Спрос на них постоянно возрастал, в Курганском отделе ставился вопрос о расширении сети прокатных пунктов. Наибольшей популярностью в 1910-х годах пользовались плуги Сакка, сеялки и культиваторы. Один из корреспондентов «Народной газеты» отмечал, что в Шумихе весной 1914 года небывалый спрос на плуги, веялки, молотилки(24). Широкой популярностью пользовались сеялки Эльворти. Некоторые богатые артели рассматривали вопрос о приобретении тракторов. Одна из таких артелей в Ишимском уезде приобрела американский трактор мощностью в 25 лошадиных сил за восемь тысяч рублей(25).

В Шадринском уезде также стали распространяться новые орудия труда. Агроном А.В Кунгурцев просто крал на телегу штук 15 плугов и отправлялся по деревням, тут же показывая, как ими пользоваться. В 1901 году в уезде было около 500 плугов его производства.

Распространены жатка-сброска, сеялка Эльворти, другие машины. В селе Першино в 1916 г. было, к примеру, 29 молотилок. 293 деревянных сабана, 46 плугов, 5 сортировок, куколесборник, соломорезка, шерстечесальная и шерстобитная машина, 8 сеялок Эльворти и, кроме того - 78 ручных и 15 ножных швейных машинок Зингера(26).

Таким образом, первые 14 лет XX века агротехника и агрономия сильно изменились. Начался отход от традиционных приемов хозяйства и орудий труда. В начале XX века всё шире входили новые огородные культуры: томаты, бахчевые, петрушка, стручковой перец, новые сорта лука и капусты. Появились теплицы и парники, целые овощные хозяйства. Хозяйство Карчевского обеспечивал овощами Курган. В целом, развитие агрокультуры в эти годы может быть резюмировано словами Н.Л. Скалозубова: «За последние семь лет произошли такие изменения в положении сельскохозяйственного юга губернии ... которые поражают наблюдателя»(27).

Таким образом, на протяжении второй половины XIX и первых пятнадцати лет XX века под влиянием изменившихся социальных условий дом, мебель, посуда, пища, одежда и орудия труда претерпели большие изменения. Во многом культура быта и жизнеобеспечения приблизилась к европейской России, самобытность материальной культуры сибиряков под воздействием новых веяний утрачивалась. Многие архаичные формы либо уходили в прошлое, либо приспособлялись к новым условиям. Тем не менее, эти изменения носили скорее прогрессивный характер, заметно повышая благосостояние зауральцев, всё более активно вводя их в орбиту рыночных отношений и разрушая патриархальную замкнутость села.

Примечания:

1. Громыко М.М. Труд в представлении сибирских крестьян ХУ111 -первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири ХУ1П - начала XI в. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 110-133; Она же Трудовые традиции русские крестьян Сибири (ХV111- первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Она же. Мир русской деревни. М., 1991; Миненко Н.А.. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в ХV111-первой половины XIX в. Новосибирск, 1989; Она же. Культура русских крестьян Зауралья ХV111- первой половины XIX в. М., 1991; Она же. Традиции и новации в народной агрономии Зауралья в ХУ111 - первой половины XIX в./ / Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1992. С. 22-44. С.3-18.
2. Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине ХV111 - первой половине XIX в. Челябинск, 1984; Он же. Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири ХV1П- начала XX веков. Новосибирск, 1985. С. 69-76; Он же. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине ХV111 - первой половине XIX в. Курган, 1999.
3. Успенский Т.И. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда// Шадринская Старина. Шадринск, 1997. С.12.
4. Зырянов А.Н. О климате села Иванищевского. // Записки УОЛЕ. Т.111.

-
- Вып. 2. С.51;124. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.2 Пермская губерния. СПб., 1864. С.32.
5. 127. Мозель Х. Указ. соч. С.534; Успенский Т. Указ. соч. С.26; Плотников В.А. Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова. Публикация и исследование текста. Омск, 1995. С.113.
6. Зырянов А.Н. О климате села Иванищевского. С.46-47, 52.
7. Серафимов А. Записка о Шадринском уезде Пермской губернии // Шадринская Старина. Шадринск, 1993. С.10-22; Успенский Т. Указ соч. С.14-17; Тобольские губернские ведомости. 1864. № 25, 26.
8. Село Алабуга; Оренбургские епархиальные ведомости (ОЕВ). 1899. №5; 1902. № 17; 1903. №22; Антонов-Рященко С.Т. Краткий обзор сельского хозяйства в районе Курганского отдела МОСХ в связи с его деятельностью 1897-1910 // Обзор деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за четырнадцать лет его существования (1897-1911). Курган, 1911. С.33.
9. Скалозубов Н.Л. Сельское хозяйство в Тобольской губернии. СПб.,1895. С.19. (В заглавии ошибочно указано: Скалозубов В.)
10. Протопопов И. Село Белоярское. ОЕВ.1901. № 22; Он же. Селе Становое/ / ОЕВ. 1902. № 17.
11. Пундани В.В. Государственная деревня Урала... С. 39-42.
12. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 год. Тобольск, 1900. С. 11.
13. Бирюков М.П. Краткая Першинская летопись (Село Першино Далматовского района). Ч.2. Кн.1. С.39. Отдел рукописей Курганский областной научной библиотеки им. Югова.
14. Пундани В.В. Государственная деревня Урала... С.53-54.
15. Антонов-Рященко С.Т. Указ. соч. С.33-36.
16. Успенский Т. Указ. соч. С.15.
17. Скалозубов Н.Л. Сельское хозяйство... С.22.
17. ГАКО. Ф.129, Оп.1, Д.363, Л.28-32, 39-40; Ф.187, Оп.1, Д.48, Л.79-80, 85-86. ГАШ. Ф.5, Оп.1, Д.142, Ф.1060, Оп.1, Д.10, Л.19-20.
18. Антонов-Рященко С.Т. Указ. соч. С.39; 153. Успенский Т. С.15, 17-18;.
19. Антонов-Рященко С.Т. Указ. соч. С.43-45; ОЕВ. 1912. №19; ГАЧО. Ф.627, Оп.1, Д.126, Л.40ГАШ. Ф.1060, Оп.1, Д.10, Л.4; Бирюков М.П. Краткая Першинская летопись. С.118; Серафимов А. Указ. соч. С.13-14.
20. Трофимов И.Я. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и города Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895. С.5-7.
21. Пигнатти В. Николай Лукич Скалозубов и его деятельность// ЕТГМ. Тобольск, 1916. С.35-63.
22. Народная Газета. 1913. № 5-6.
23. Антонов-Рященко С.Т. Указ. соч, С.38, С.59-60; Эрдели Г.Я. Отчёт о деятельности по Курганскому и Ялуторовскому районам за 1911 и 1912 г. Курган, 1914; Труды Курганского отдела МОСХ. 1913. Вып. 3. Курган, 1913. С.8, 32-33, Косарев С.М. Обзор деятельности Курганского отдела МОСХ по маслоделению с кратким очерком развития маслоделия в Западной Сибири// Обзор деятельности Курганского отдела...
24. Скалозубов Н.Л. Сельское хозяйство... С.2. Антонов-Рященко С.Т. Указ. соч. С.36. ГАШ. Ф.1045, Оп.1, Д.142, Л.5.
25. Народная Газета . 1914. № 20.
26. Там же. № 1-2,
27. Пигнатти В. Указ. соч. С.61.

КРЕСТЬЯНСТВО ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Характеризуя сибирских крестьян В.И. Ленин отмечал: «Ведь вы знаете, что крестьяне в Сибири, эти крестьяне крепостного права не знали, это самые сытые крестьяне...». (1) Действительно по сравнению с крестьянами центра страны, сибирские сельские жители выглядели более выигранно. В записке одного из крестьянских начальников, поданной в Тобольский комитет особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1901 г., отмечалось: «Увидев Курганский уезд 8 лет тому назад вскоре после бедствий голодных лет, перенесенных краем, я, тем не менее, был поражен общим видом благосостояния крестьян, которое бросилось мне в глаза при поверхностном обзоре вверенного мне участка. Картина только что виденной мной бедности крестьян Тамбовского уезда... служили контрастом тому, что я видел в Курганском уезде...». (2)

О более благополучном положении крестьян Зауралья свидетельствует и статистика. В среднем на крестьянский двор в Европейской России в 1905 г. приходилось по 11,1 десятины наделной земли (3), в то время как в Сибири - по 64 десятины. (4) В наиболее населенном уезде Тобольской губернии — Курганском на одно хозяйство приходилось 34, 0 дес. удобной земли. (5)

Несмотря на то, что сибирские крестьяне были более «сытыми», зажиточными в Зауральской деревне шел процесс социального расслоения. Так, в Пермском Зауралье (Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Шадринский уезды) в 1912 году 62 % крестьян имели посевы до 5 десятин (что безусловно недостаточно, чтобы обеспечить сносные условия жизни), 23 % - от 5 до 10 десятин и 15 % - более 10 дес. (6) В 1917 г. в Шадринском уезде дворов без посева было 13, 7 %. (7) В Курганском уезде в 1912 г. в обследованных 23 волостях из 50 безлошадные и однолошадные хозяйства составляли около 40 %. (8) В 1917 г. в уезде 11,2 % крестьянских хозяйств не имели посева, 8,65 % - без всякого скота, 14, 65 % - без рабочего скота, 10, 77 % - без коров. (9)

Одновременно с этим в крае были крупные хозяйства, как например, Ушкова, доходившее до 6760 десятин. (10) Илецко - Иковское Л. Смолина, - 50 дес., 150 голов крупного рогатого скота и 40 лошадей . (11) Крупным землевладельцем был граф В.С. Татищев. 19 ноября 1915 г. он заключил с Министерством земледелия договор на аренду 27 000 дес. казенно-оброчных статей, находившихся в пяти волостях Курганского уезда: Батыревской, Курейнской, Лопатинской, Половинской и Саломатовской. (12) В сознании же крестьян важную роль играли патриархально — общинные пережитки: земля «дар божий», общенародное достояние, которое не может быть в частной собственности, земля долж-

---

на принадлежать трудящимся на ней крестьянам, уравнильный передел всей земли по трудовой норме.* Эсеры усвоили эти требования крестьянства и разработали свою аграрную программу.

Временное правительство с первых дней своего существования встало на путь охраны прав помещиков и других землевладельцев и видело свою главную задачу в продолжении войны, подготовке и созыве Учредительного собрания, которое должно решить основные вопросы, стоящие перед страной: 8- часовой рабочий день, аграрный вопрос и др. На этих же позициях стояли партии меньшевиков и социалистов — революционеров.

Крестьянство в первые недели революции верило обещаниям правительства справедливо решить земельную проблему. Эта наивная вера находила отражение в письмах и обращениях к Временному правительству. Так, состоявшийся 12 марта 1917 года сход крестьян Воденниковской волости Шадринского уезда приветствовал Временное правительство как правительство, «выдвинутое самим народом», которым «крестьянские интересы не будут забыты». (13) Показательной в этом отношении является и просьба крестьян села Батыревского к Курганскому исполнительному Комитету «о скорейшей передаче (крестьянам - Л.Е.) находящихся в пользовании графа Татищева земельных участков М. Кривинский, М. Невидимский и Чесноковский в арендное содержание без торгов». (14) В Батыревской, Курейнской, Лопатинской, Половинской и Соломатовской волостях состоялись сельские сходы, на которых присутствовали все домохозяйства. Было составлено 13 приговоров о представлении крестьянам в арендное пользование скотоводческих участков, сданных в аренду графу В.С. Татищеву. В Петроград для вручения приговоров был направлен доверенный крестьянин В.П. Носков.

Со временем надежда на разрешение по закону земельного вопроса исчезла. Крестьяне начали сами решать его. И началось это уже в середине марта 1917 г. 16 марта управляющий делами графа Забуланов в Телеграмме Курганскому комитету общественной безопасности просил обезопасить хозяйство графа от крестьян, которые «уводят скот, увозят лес и сено». Управляющий «покорнейше просил» командировать комиссара для вразумления населения, (чтобы) оградить... интересы графа, устроившего интенсивное скотоводческое хозяйство (в) размерах, значительно превышающих условия договора. (15)

Выше мы уже упоминали, что сельский сход села Батыревского обращался в Курганский исполком с просьбой передать, а если быть точным, то вернуть находящихся в пользовании графа земельных участков. Дело в том, что до ноября 1915 г. крестьяне Батыревской, Курейнской, Лопатинской, Половинской и Соломатовской волостей арендовали казенные земли сроком на год по 1 руб. 20 коп. за десятину. 19 ноября 1915 г. граф В.С. Татищев обошел крестьян и заключил с Министерством Земледелия договор на аренду 27 000 дес. ка-

---

зенно-оброчных статей причем почти даром - по 4 коп. за десятину. (16) К 1917 году земельные владения графа значительно расширились о чем сообщал управделами графа: «в размерах значительно превышающих условия договора».

Эсеровская «Народная газета» сообщала, что Татищев «... сдал Землю новому арендатору». (17) С 1916 г. в Половинской волости - крестьянам Чукменского и Успенского обществ, в Батыревской - крестьянам Воздвиженного общества, в Соломатовской волости — Маховинского общества. (18) В Лопатинской волости участки Невидим и Большой Невидим арендовали крестьяне Лопатинского, Калашинского и Худяковского обществ, а участок Малый Невидим - Крестьяне Носковского общества. (19) Причем взимал с крестьян за аренду пашенных угодий по 2 руб. с десятины, за пользованием пастбищем от 1 руб. 25 коп. до 2 руб. с головы скота. Цена зависела от качества пастбища и срока выпаса. Кроме того, крестьяне вынуждены были косить участки « ... из половины и третьей копны в пользу графа». (20)

Политика отказа от решения назревших проблем вызывали протест крестьянских масс. По сведениям Главного управления милиции Временного правительства в марте-сентябре 1917 г. в Пермской и Тобольской губерниях, куда входили Шадринский и Курганский уезды, имели место соответственно 20 и 6 «аграрных правонарушений». (21) Изучение материалов, хранящихся в центральных и местных архивах, а также работ уральских историков позволят сделать вывод, что на самом деле крестьянских выступлений было значительно больше. Только в Курганском и Шадринском уездах, по неполным данным, в марте-октябре 1917 г. произошло 54 волнения. А всего на территории, позже вошедшей в Курганскую область, по нашим подсчетам, их было 75 (см. таблицу 2).

Такое расхождение в цифровых данных объясняется тем, что уездные и губернские комиссары скрывали от Временного правительства недовольство крестьян и, подавая заведомо заниженные данные, пытались создать иллюзию полного благополучия в управляемых ими территориях.

На первых порах движение в сельской местности проявлялось в стихийной форме: погромов имений, увода скота землевладельцев (поместье графа Татищева). В марте жители села Мокроусова громили лавки, избивали торговцев, расхищали товары. (23)

Устная и печатная пропаганда, которую вели в селах и деревнях различные партии, пришедшие с фронта солдаты способствовали формированию взглядов крестьян на события в стране, росту их организованности. Из газет, прокламаций, листовок крестьяне знакомилась с программами политических партий. Их аграрные программы в деревнях поддерживались в той мере в какой они соответствовали интересам крестьян. И все же наибольшую поддержку в массах имела, партия эсеров, проповедовавшая идеи общинного социализма.

Таблица (2-2)**

Крестьянское движение на территории Курганской области в марте - октябре 1917 года

	Количество выступлений						Количество выступлений							
	Абсолютное						Абсолютное							
	Март	Апрель	Май	Июнь	Всего за период двоевластия	В % за период двоевластия	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Всего за июль-август	В % за июль-август	Всего за март-октябрь	В % к итогу
1. Программы	2	-	-	-	2	5,3	-	-	-	-	-	-	2	2,7
2. Массовые порубки леса	-	-	1	-	1	2,8	1	6	-	4	11	28,2	12	16,0
3. Массовые покосы, потравы лугов	-	1	-	2	3	8,3	3	1	-	-	4	10,3	7	9,3
4. Запрещение крестьянскими комитетами порубок	-	1	-	1	2	5,3	1	-	-	-	1	2,5	3	4,0
5. Захваты крестьянами а) пахотной земли, лугов и пастбищ, б) лесов	1 1	8 -	4 (2) -	6 (4) -	19 (6) 1	52, 2,8	4 (1) -	1 3	- -	3 1	8 (1) 4	20,5 10,3	27 (7) 5	36,0 6,7
6. Борьба против продовольственной политики временного правительства	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	5,1	2	2,7
7. Смена органов власти, администрации, аресты ее представителей	5	2	-	1	8	22,2	3	1	-	1	5	12,8	13	17,3
8. Отказ от участия в выборах в земства	-	-	-	-	-	-	-	3	-	1	4	10,3	4	5,3
Всего:	9	12	5	10	36	12	13	15	1	11	39		75	

** Таблица составлена автором на основании опубликованных и архивных материалов, извлеченных из ГАРФ, ГАСО, ГАКО, ТГАТО. В скобках указано количество выступлений против кулаков.

Подъем крестьянского движения привел к тому, что несмотря на стремление отложить разрешение земельного вопроса о земле до Учредительного собрания, правительство вынужденно было пойти навстречу требованиям крестьян и объявить о подготовке аграрной реформы. 21 апреля 1917 г. вышло правительственное постановление

ние «Об учреждении земельных комитетов». В задачи комитетов входила лишь подготовка реформы и разработка неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием. Правительство решило создать только губернские и уездные комитеты, в которые естественно, вошли бы сторонники политики правительства. Волостные и сельские комитеты, организацию которых правительство считало необязательной, создавались по инициативе крестьян. Именно они были выразителями интересов деревни. С возникновением земельных комитетов крестьянское движение стало более организованным и целенаправленным.

Наиболее распространенными формами борьбы в период «двоевластия» были захватные. Как видим из таблицы, они составляли 52, 8 % всех выступлений. Наибольшее количество их падает на апрель-май. И это естественно: наступила весна, а с ней обработка земли и сев. В это время отказались вносить плату за аренду церковных земель крестьяне сел Моршихинского и Моревского . (24) 24 апреля 1417 г. жители села Новойковской Салтосарайской волости отобрали и сдали в аренду надел причта Чашинской церкви . (25) В конце апреля Лопатинской волостной земельный комитет Курганского уезда распределил между сельскими обществами участки «Невидим» (5000 десятин – Л.Е.), ранее находившийся в аренде у графа Татищева. (26) 30 июня сход крестьян села «Островского Глядянкой волости поставил: «земли частновладельческие и церковные отобрать без выкупа». Подобное решение приняли крестьяне села Межборского: «частновладельческие земли отобрать без выкупа ... земля должна принадлежать государству, с отдачей в пользование крестьянам. Земля, которая окажется не распределена, должна перейти в распоряжение волостных земельных комитетов». (27) В марте – апреле аграрные беспорядки имели место в Кривинской, Мало-Чаусовской, Митинской волостях Курганского уезда. (28) В Ивановской волости Челябинского уезда крестьяне захватили луга. (29)

Придя к власти, Временное правительство заявило о «желательности» сохранения, «в пределах возможности, всего существующего административного механизма в целях нормального хода жизни в стране». (30) Однако крестьян прежний «ход жизни» явно не устраивал и они сразу же после падения царизма стали разгонять старые органы власти: смещать старост, земских начальников, урядников, лесную стражу. Эта форма борьбы занимала значительное место в крестьянском движении первого периода: 8 выступлений из 36, или 22,2 %. В начале мая крестьяне деревень Р-Молотовой и Р-Золожной на сходах постановили «своею властью удалить от должности» лесничего Лебяжьевского лесничества, а также всю лесную стражу. Перепуганный лесничий доносил лесному ревизору: «Работать спокойно и продуктивно вдали от власти под угрожающим молотом сельского произвола не могу. Прошу немедленно принять меры к

вразумлению сельских граждан». (31) Летом крестьяне деревень Пушкаревой, Борки и Ревиной Курганского уезда потребовали от уездного и иковского волостного земельных комитетов «предоставить им пастьбу скота в частновладельческих землях Стрельникова и Губанова. (32)

На первом месте по количеству выступлений, остроте борьбы стоял Курганский уезд, в котором произошло 50 % всех выступлений.

Несмотря на то, что после июльских событий в Петрограде Временное правительство обрушилось с репрессиями на революционно настроенных крестьян, в один только Шадринский уезд было послано 15 воинских команд, борьба в деревне продолжалась. Более широкий характер она имела по-прежнему в Курганском уезде (15 волнений из 39).

В этот период на первый план выдвигается такая форма борьбы, как порубка казенного, церковного и частновладельческого леса (28,2 % всех выступлений), Усть-Карабольский волостной земельный комитет Шадринского уезда разрешил крестьянам рубку леса в даче владельца Попова. (33) Куртамышский лесничий просил Челябинское начальство привлечь «К законной ответственности» заместителя председателя Куртамышского волостного земельного комитета С.В. Шушарина за то, что «действия этого должностного лица противоречат политике Временного правительства». (34) В августе под давлением крестьян установили контроль над лесами земельные комитеты Курганского и Шадринского уездов. (35)

Не снимается и вопрос о земле. Захваты пашни, лугов и пастбищ продолжаются (20,5% всех выступлений). Объяснить это можно тем, что летом идет подготовка паров, а осенью-вспашка зяби.

Несмотря на то, что весной аграрным движением были охвачены многие села Южного Зауралья, крестьяне еще верили правительству и ждали созыва Учредительного собрания. Однако летом и осенью, после июльских дней и корниловского мятежа, они начали понимать, что Временное правительство откладывает решение земельного вопроса на неопределенное время. Все чаще они открыто выступают против политики правительства, называя его «каторжным», оказывают сопротивление реквизициям хлеба. Так, 23 мая на сельском сходе в д. Кабаковой солдат убеждал не верить Временному правительству, ибо «князь Львов, Шингарев и Милюков-подлецы». (36) Выступивший в Екатеринбурге на втором областном съезде крестьян Зауральских уездов от Шадринского уезда Селянин призвал «к захвату земли, не дожидаясь Учредительного собрания и не считаясь с Временным правительством». (37)

В 1917 году не были безоблачными и отношения между крестьянами-общинниками и вышедшими из общины. Отрубников и хуторян общинники принуждали вернуться в общество или оставить землю в

пользу общества. Например, в с. Башкирском Курганского уезда крестьяне травили «скотом посеvy хуторных, стремясь таким образом выжить их», - сообщал уездный комиссар в Тобольск. (38)

У части крестьян особенно к осени 1917 г. появляется недоверие к партии социалистов-революционеров и доверие к большевикам. Интересным в этом отношении является письмо крестьянина Теченской волости Шадринского уезда в редакцию газеты «Уральская правда»: «Слышал я ораторов разных партий: социалистов-революционеров, социал-демократов большевиков и меньшевиков. Слышал как кричали: «Долой большевиков». Я сам верил и сам кричал. Теперь же я убедился, что большевики ведут нас на тот светлый путь, к которому стремятся трудящиеся всех стран». (39)

О возрастающем влиянии большевиков в деревне свидетельствует и решение бедняков с. Ново-Иковского Курганского уезда от 5 сентября 1917 г.: «Мы всемерно поддерживаем партию большевиков как до конца революционную партию». (40)

Снижение популярности эсеров и рост влияния большевиков среди крестьян вынуждены были признать руководители эсеровских организаций: «настроение среди крестьян особенно ужасно после падения Риги и выступления Корнилова, - докладывал 27 сентября на заседании Шадринского Совета крестьянских депутатов руководитель шадринских эсеров Здобнов. Этим настроением, - продолжал он, - пользуются большевики, которые своей агитацией еще более обостряют отношение ко всем правительственным органам и общественным организациям». (41)

Рост влияния Большевиков объясняется не тем, что крестьяне поддерживали программу РСДРП (б), они ее не знали, а тем, что эта партия призывала к немедленному решению аграрного вопроса путем перехода земли в руки крестьян, не дожидаясь Учредительного собрания.

Таким образом, несмотря на лучшую обеспеченность земель по сравнению с крестьянами Европейской части России, крестьянство Южного Зауралья включились в борьбу за Землю.

Примечания

1. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.17. С. 80.
2. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. СПб. 1904. С.7.
3. Ниренбург Я.Л. К вопросу о соотношении классовых групп в уральской деревне накануне Октябрьской революции // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 148.
4. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня на кануне Октября. Восточно-Сибирское книжное издательство. Новосибирск, 1966. С.16.
5. Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом отношении. Курган, 1925. С. 57.
6. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967. С. 42.

-
7. Борисов Н.Е. Челябинская область. Т.1. Челябинск, 1939. С. 247.
  8. Отчет о деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1912 г. С.13.
  9. Евдокимов Л.А. К вопросу о расслоении крестьянства Южного Зауралья в конце XIX- начале XX вв. Крестьянство Зауралья в XX веке: уроки истории и современность. Курган, 2001. С. 17.
  10. ГАКО, ф. 74, оп. 1, д. 194, л. 44.
  11. Обзор Курганского округа Уральской области. Курган, 1925. С.67
  12. Там же, ф. 852, оп. 1, д. 25, л. л. 10, 25.
  13. Исеть, 16 марта 1917 г.
  14. ГАКО, ф. 150, оп. 1, д.26, л.7; ф. 852, оп. 1, д. 25, л.7.
  15. Установление советской власти на территории Курганской области (март-июнь 1918 гг.): Сб. док. и материалов. Курган, 1957 г. С. 42.
  16. Народная газета. 22 апреля 1917 г.
  17. Там же.
  18. ГАКО, ф. 852, оп. 1, д. 26, л.10.
  19. Там же, л. 27.
  20. Там же, л. 25.
  21. Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л. 1927. Ведомости 1,2.
  22. См. вставку.
  23. ГАРФ, ф. 406, оп. 2, д. 149, л. 97 (об).
  24. Установление советской власти на территории Курганской области... С. 51.
  25. ТГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 67, л. 113.
  26. ГАКО, ф. 852, оп. 1, д. 26, л. л. 31-32,
  27. Там же, ф. 29, оп. 1, д. 574, л. л. 8,12.
  28. ТГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 57, л. л. 58-60.
  29. ГАРФ, ф. 406, оп. 2, д. 145, л. л. 19, 175.
  30. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Сб. документов. М, 1957. С. 422.
  31. ГАКО, ф. 232, оп. 1, д. 1, л. 32.
  32. Там же, ф. 74, оп. 1, д. 8, л.7.
  33. ГАРФ, ф. 930, оп. 1, д. 74, л. 72.
  34. ГАКО, ф. 160, оп. 1, д. 5, л.88.
  35. ГАРФ, ф. 930, оп. 1, д. 74; ТГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 57, л. 229.
  36. ТГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 57, л. л. 58-62.
  37. Думы Урала, 16 июня 1917 г.
  38. ТГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 57, л. 229.
  39. Уральская правда, 10 июня 1917 г.
  40. Глебов С.С. Победа Советской власти в Южном Зауралье. Курган, 1961. С. 78-79.
  41. ГАШ, ф. 333, оп. 1, д. 2, л. л. 15-17.

В.Д. Пузанов

ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Все крупные революции, заканчивающиеся гражданскими войнами, сопровождаются переходом на сторону контрреволюционного лагеря самых широких социальных масс. Собственно говоря, без участия этих масс в контрреволюции не может быть и гражданской войны как таковой. В этом случае для нее не было бы социальной почвы, а происходило бы просто отстранение от власти и ведущих

позиций в экономической жизни старой элиты, составляющей несколько процентов населения общества, неспособных к сопротивлению всей нации. Невнимание к этой стороне революционного процесса в философии и истории советского периода объяснялось романтизацией революции, а также роли народных масс в истории. В ней доминировало представление о том, что народные массы революционны уже по своей природе. Многочисленные факты участия народа в контрреволюционных движениях замалчивались, объяснялись «отсталостью» или «обманом» контрреволюционеров. На народные контрреволюционные движения навешивались всякого рода ярлыки — крестьянские восстания объявлялись кулацкими, национальные движения — реакционными и т. п. Естественно обман и всякого рода иллюзии играют большую роль в ходе революций. Обманывают, используя всякого рода наивные представления народа, обычно и революционеры и контрреволюционеры, причем первые, как правило, с большим масштабом и успехом. Однако объяснить только этим фактором движения широких социальных слоев по меньшей мере нелепо. Особенно странно, что подобные взгляды утвердились в направлении, которое считало себя единственно подлинным носителем материалистических взглядов на историю. Если гражданские войны — это, по выражению Ленина, действительно войны «угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии», то как объяснить, что революционный террор обрушивается прежде всего на представителей тех самых угнетенных классов, от имени которых выступают революционеры? Так, из 40 тысяч казненных на гильотине, в период Французской революции, дворяне и священники составили соответственно 8,5% и 6,5%, а остальные 85% — третье сословие, причем 60% являлись крестьянами, рабочими и ремесленниками. Но 40 тысяч гильотинированных — это только малая часть жертв революции, те, кто дождался суда. Сотни тысяч крестьян были убиты без соблюдения подобных формальностей. В частности, потери в Вандейском восстании определялись в литературе от 500 тысяч до 1 миллиона человек. Население 4 департаментов на р. Луаре сократилось наполовину (1).

Участие масс в контрреволюционных движениях также закономерно, как и их предшествующая революционная борьба. В крупных революционных переворотах участвуют прямо или опосредовано фактически все слои общества. Отстраняются от власти непопулярные правители, отжившая свой век старая элита. Уничтожаются старые, давно подвергающиеся насмешкам порядки, условности политической и социальной системы общества. Эти первые изменения приветствуются всем обществом, так как необходимость их была давно осознана. В этот период все общество охвачено радостью перемен, надеждами на будущее. Считается, что теперь «при свете разума» лег-

---

ко будут разрешены все проблемы государственного и национального бытия. Однако, уже в этих первых реформах зреют будущие конфликты. Новая революционная власть вскоре обнаруживает свою неспособность управлять обществом. Все старые проблемы остаются и к ним прибавляются новые. Место чиновников-профессионалов занимают дилетанты, очень быстро обнаруживающие свою непригодность. Революции вызываются обычно острым общественным кризисом, но они никогда не могут его разрешить. Предпринятые новой элитой антикризисные меры в обстановке общественной активности, как правило, только углубляют его и переводят в новое качество — глубокий системный кризис, в котором на первое место ставится не вопрос как жить обществу, а проблема может ли оно жить теперь вообще. Предшествующий кризис, вызвавший революцию, кажется теперь мелочью, по сравнению с его последствиями. Так, финансовый кризис 1780 гг. во Франции, вызвавший созыв Генеральных Штатов, перерос в результате мер, сменяющих друг друга, революционных правительств в финансовую и экономическую катастрофу 1790 гг. Так, выход России из первой мировой войны за полгода до ее окончания привел к гражданской войне, потери населения в которой были почти в 10 раз больше, чем в предыдущем конфликте.

Значительная часть общества удовлетворяет свои интересы на первом этапе и не хочет дальнейшего развития революции. Политические группы, боровшиеся за власть, теперь ее получают. Классы удовлетворяют свои материальные интересы. В то же время часть политических групп и классов еще не получили все, за что они боролись. Таким образом происходит раскол между бывшими союзниками по первому этапу революции. Одни хотят остановить революцию на начальном этапе, вторые требуют ее углубления. Если умеренным не удастся остановить крайних, то революция радикализуется. В этот второй период характер революции меняется. Если на первом этапе роль революция играет все-таки в большей степени общенациональную роль, несмотря на отпечаток тех классов, которые ее ведут, то на втором этапе она постепенно утрачивает свою общенациональную значимость и приобретает все более ярко выраженный партийный и классовый характер. Первые послереволюционные правительства пытаются спасти хрупкое единство общества, достигнуть компромисс между всеми его слоями. Радикалы второго этапа революции готовы на проведение политики, выгодной конкретным классам, на чью поддержку они рассчитывают, за счет интересов всего общества. Первой жертвой революции становится старая элита, отстраненная от власти в самом ее начале. Теперь она уничтожается политически, экономически, а часто и физически.

Необходимой предпосылкой для европейских революций эпохи нового времени был кризис традиционных элит. Старая знать постепенно впитывает новые ценности города, захватывается ими, не заме-

---

чая или замечая этот процесс. Эти ценности угрожают концом старого мира, несовместимы с положением, а значат и жизнью старой аристократии, но очарование их велико и старая знать сама растит то, что позднее погубит ее. Начало этого пути – аристократия оставляет поместья и собирается в городах. Обрываются узы, связывающие знать с традицией, землей и населением ее владений. Аристократия добровольно или под нажимом верховной власти теряет свое место на земле, занимая место тонкого верхнего слоя городов, где под ее покровительством расцветает культура. В моду входят утонченность, чувствительность, скептицизм и игра. В этой культуре уже заметны признаки заката и грядущего упадка. Традиционная картина мира не выдерживает напора новых взглядов, формируемых городом, разрушается у знати быстрее, чем на низах общества. Место ценностей старого порядка постепенно занимают скепсис и безверие. Политическая элита раскалывается на борющиеся между собой кланы, программа каждого из которых воспроизводит ценности города в той или другой степени. Во время кризиса они не встанут возле трона, во имя старого порядка. Напротив, они сами хотят перемен. У некоторых кланов есть свои кандидатуры на корону. Они истощают старую знать в борьбе и невольно открывают дверь, через которую в политику входят новые люди.

Развитие революции приводит в первую очередь к поправлению элиты. Аристократия испытывает внезапно ностальгию по старому порядку, тоску по старым ценностям, еще недавно осмеиваемым ее интеллектуальными вождями. Не либеральные идеи, а религия и король добрых старых времен становятся знаменем аристократии эпохи гражданских войн. Под ним аристократия устраивает заговоры и поднимает на восстание другие слои населения, если это еще возможно. По словам Бердяева только религия могла соединить простонародье и аристократию - «культура народного слоя была почти исключительно религиозной, и в ней происходило соединение народного слоя с аристократическим культурным слоем» (2). Наиболее ярко эта роль аристократии была сыграна ею в эпоху французской революции.

В Англии в связи с особенностями характера революции революционная сторона преследовала ограниченные цели и часть знати сотрудничала с ней до самого 1648 г. (суда над Карлом I). В России аристократия не была способна к серьезному сопротивлению. Она уже полностью утратила влияние в деревне и к началу века воспринималась вместе с монархией как анахронизм. Философы 20 в. уже не оставляли место в картине мира «философу на троне» и земельной знати. Кроме того в России никогда не было аристократии в европейском смысле слова. Знать здесь не являлась слоем, крепко сидящим на земле, в глазах которого король был не более чем «первым из равных», а собранием «служилых людей» государя, распоряжавшегося ими как ему заблагорассудится. Только в XVIII в., когда евро-

---

пейская знать постепенно утрачивает свою роль в обществе, русское дворянство впервые смогло оказывать серьезное влияние на политику государства (3). Однако, уже в XIX в. последние Романовы постепенно отстраняют знать от руководства государственной жизнью, вновь возвращая ей значение передаточного механизма в сложной системе управления империи. Характерно, что монархизм — традиционная идеология знати в гражданской войне не стал знаменем белых. О традиционализме как таковом не приходилось говорить в стране, где модернизация до 1917 г. проводилась монархами, и где преобразования были столь радикальны, что уже мало кто (включая славянофилов) мог понять, что же все-таки представляет собой та исходная почва, откуда двести лет назад империя начала свой стремительный бросок в неизвестность.

Если переход в контрреволюционный лагерь аристократии закономерен и понятен, то как объяснить поправление крестьянства? По словам Троцкого в европейских революциях XVIII — XIX вв. буржуазия «освобождала крестьянство» и оно «раскрепощенное ... теряло всякий интерес к политическим затеям «горожан», то есть к дальнейшему ходу революции, и, ложась неподвижным пластом в основу «порядка», выдавало революцию с головой цезаристской или исконно абсолютистской реакции». Троцкий обещал, что в грядущей русской революции пролетариат заберет у буржуазии революционную гегемонию и станет «классом-освободителем» крестьянства, которое будет заинтересовано в поддержке пролетарского режима «не меньше ... чем французское крестьянство было заинтересовано в поддержании военного режима Наполеона Бонапарта» (4). В действительности, как известно, русская революция привела к самой грандиозной из крестьянских контрреволюционных войн 1918 — 1921, на которую приходится основная доля из примерно 15 млн. потерь гражданской войны.

Почему на революционное «освобождение» крестьянство отвечает восстаниями и поддержкой реакции? В данном случае необходимо понять, что представляло собой это «освобождение». В литературе (Токвиль, Шпенглер) отмечалось большее благополучие предреволюционного французского крестьянства, по сравнению с крестьянством других европейских стран (например Англии, где свободное крестьянство было оставлено без земли, или Германии, где оно все еще находилось в личной зависимости от помещиков). И французское и русское крестьянство предреволюционного времени имело личную свободу. Вопреки распространенному мнению революция не могла дать крестьянству и землю. К 1789 ... земли Франции находилось в руках третьего сословия, в 1916 г. 90 % пахотной земли Европейской России владели крестьянские хозяйства (5). Но, это совсем не означает что крестьянство этих стран было довольно существующим устройством. Оно несло основное налоговое бремя, а во Франции было

опутано многочисленными обременительными повинностями феодального характера. Крестьянские выступления лета 1789 г. во Франции и 1902 — 1917 в России нанесли решающий удар по политической системе неограниченных монархий. Однако последующие крестьянские движения были направлены уже против революционных правительств. Крестьянская контрреволюция ассоциируется обычно с Вандеей и Тамбовским восстанием. В реальности это были лишь эпизоды великой крестьянской войны.

Не являются ли крестьянские восстания наиболее значительным проявлением сопротивления традиционного общества новому укладу, «модерну»? Шпенглер, за ним Ортега-и-Гассет говорили об инаковости города по отношению к окружающему его миру, что в конце концов ведет каждую из цивилизаций к противостоянию между городом и деревней, в которой «деревне приходится вести безнадежную борьбу... в духовном отношении против рационализма, в политическом — против демократии, в экономическом — против денег» (6). На мой взгляд, тенденция отношения город — деревня, как отношения борьбы и противостояния, хотя и присуща всем цивилизованным обществам, однако, в большинстве случаев она так и остается в качестве тенденции. В большинстве обществ чувствуется напряжение в их взаимодействии, но это взаимодействие не перерастает в ту яростную борьбу, о которой писал Шпенглер. Подобная борьба была присуща только европейскому обществу Нового времени и имеет один слабый аналог в истории — античный мир, город которого и породил европейский. Однако, и европейский город становится разрушителем окружающего мира не с момента появления, а в период глубокой трансформации, в ходе которой он разрушает традиционное общество средневековья. Европейский город, как он складывается к XVI — XVIII вв., становится оплотом рационализма, модерна, местом, где разрушаются традиции. Новый город с момента своей трансформации изменяет мир окружения. Это происходит потому, что новый городской уклад несовместим с окружающим его миром. Поэтому город должен меняться сам или изменить этот мир. Город — это самая активная сила средневекового общества и поэтому именно он меняет мир.

Новый город противоречив, в нем борются друг с другом взаимоисключающие тенденции. Его идеологи и политики несут окружающему миру проповедь свободы от «старого порядка» и образ «грядущего мира». Но, этот образ грядущего является самым противоречивым из того, что есть у «нового города». Он соединяет в себе тотальную свободу индивида по отношению к обществу и тотальную свободу общества по отношению к индивиду. Причем обе эти крайние тенденции первоначально не столько противостоят друг другу, сколько дополняют одна другую. Это верно как для идеологических систем (Руссо, Маркс), в которых «новый город» пытается понять себя и вписать в свою систему координат окружающий мир, так и для дей-

---

ствий «нового города» по отношению к этому миру. В моменты кризиса, когда «новый город» стоит перед угрозой уничтожения (неважно мнимой или реальной), права личности незаметно становятся как бы временно несуществующими, отсроченными. Они декларируются, но не осуществляются. Индивид «старого порядка» точно знал, тот уровень прав, на которые он мог претендовать, исходя из сословной принадлежности. Право «нового города» ставит человека в крайне двусмысленное и противоречивое положение. Права личности даже не отступают, а просто исчезают перед лицом концентрации ресурсов общества «новым городом» в случае опасности. Теперь имеет место только одна тенденция – подчинения интересам общества, как их понимает элита, находящаяся у власти. Французская революция периода ее вооруженной борьбы с монархиями Европы стала первой эпохой «тотальной мобилизации» в истории европейского общества. «Первый раз в истории нового времени все ресурсы воюющей нации, люди, съестные припасы, товары – находились в распоряжении правительства. Республика, по выражению Барера, была одним большим осажденным городом, обширным лагерем». В 1793 г. Конвент объявил всех французов без различия пола и возраста состоящими «на постоянной военной службе» (7). Ответом населения стали восстания под лозунгами «Мира! Мира! Хватит стрельбы», охватившие в 1793 г. более 2/3 территории Франции. Чтобы понять эту реакцию французского общества, надо вспомнить, что в средневековой Европе войны велись армиями в несколько тысяч человек, а сражение считалось кровопролитным, если потери в нем превышали несколько десятков рыцарей. В эпоху централизованных монархий армии и потери возрастали, но война, за несколькими исключениями, которые предвосхищали свою эпоху (ряд эпизодов Столетней войны, Тридцатилетняя война), по-прежнему носила ограниченный характер «спорта королей». Когда войны королей сменились противостоянием наций и идеологических систем, войны окончательно приобрели тотальный и разрушительный характер, отличавший революционные войны 1792 – 1815 гг. (по словам Исдейла «революционеры-генералы, а затем Наполеон первыми применили стратегию уничтожения» (8), 1 и 2 мировые войны.

Наиболее трагична смена «старого порядка» новым в деревне. Как и все традиционные общества европейский «старый порядок» построен на частичном отчуждении, главным образом, крестьянского труда. «Новый город» освобождает крестьянство от отчуждения «старого порядка», однако имеет тенденцию к тотальному отчуждению. Эта тенденция отчетлива видна и в период мира. Город нового времени видит в земле прежде всего товар, тогда как для крестьянина традиционного общества земля является наиболее близкой к нему частью космоса. Цель города – сделать свое представление реальностью и уравнивать землю с рядом других товаров, которые можно

купить и продать, в который можно вкладывать деньги и получать ренту. Таким образом, крестьянин должен стать не собственником земли, а агентом города по ее обработке. В период перехода власти от старой элиты к элите «нового города», последующих военных конфликтов тотальное отчуждение предстает в своей открытой форме. «Новый город» явно показывает крестьянскому миру, что он является собственником его урожая, имущества и жизни (непосредственными причинами крестьянских восстаний и во Французской и Русской революции было проведение реквизиций хлеба для города и набор в армию). Когда крестьянин за словами об освобождении видит контуры того порядка, который несет ему «новый город», то он восстает против революции в защиту «старого порядка» со всеми его давними несправедливостями. По данным Хосбаума, за исключением восстания лета 1789 г. во Франции, все остальные европейские «значительные крестьянские движения в этот период (до середины XIX в.), которые не были направлены против иностранного короля или церкви, проводились за церковь и короля» (9). Традиционные ценности «старого порядка» стали знаменем выступлений крестьян и городских низов Италии, Испании, Германии, России и Англии во время революционных войн.

Антиреволюционные выступления крестьянства имеют тенденцию перерастания в движение, направленное против города в целом. В период Английской революции таковым являлось движение клабменов, которое пыталось вывести деревню из гражданской войны, путем организации вооруженных отрядов, предотвращавших реквизиции (10). Однако, в Англии самостоятельное крестьянское движение не получило такого размаха, как в последующих революциях на континенте. Во Французской и Русской революциях крестьянские отряды уже не ограничивались самообороной и захватывали города, которые грабили и облагали контрибуцией. «Города экономически разорены и потеряли свое былое значение... деревня фактически никем не покорена — она никого не признает», гласил типичный образец крестьянского самосознания — декларация крестьян Черноморской губернии (11).

В гражданских войнах нового времени общенациональные крестьянские выступления иногда предваряются восстаниями отдельных районов. Под влиянием «нового города» разрушаются ценности и традиции старого порядка во всем обществе. Однако этот процесс происходит не сразу, он проходит неравномерно на территории каждого из государств. Где-то, прежде всего в районах, прилегающих к столицам, крупнейшим торговым центрам, границам «прогресс» — новый миропорядок наступает быстрее. В отдаленных провинциях, далеких от больших городов и торговых путей его приход задерживается. Эти «отсталые», «патриархальные», каковыми их считает город, провинции и выступают первыми под контрреволюционными

лозунгами. Они менее затронуты новыми экономическими отношениями, их культура, образ мира еще не деформированы городским влиянием. Они не принимают нового мира, где главную роль играют рацию и деньги, и потому должны измениться или исчезнуть.

В Английской и Французской революциях такую роль играли «отсталые» провинции запада — Уэльс и Бретань, горная Шотландия, Ирландия, и район нижнего течения р. Луары, в швейцарской гражданской войне 1847 г. — католические «лесные» кантоны, в революциях 1848 г. — славяне Германии и Венгрии, которые, по выражению Энгельса, «неизменно (за исключением демократической части поляков) оказывались на стороне деспотизма и реакции» (12). Как правило, слабая связь с экономикой «нового города» углубляется здесь этнической или религиозной оторванностью от основного населения страны. Интересно, что почти все роялистские районы Английской и Французской революций — Уэльс, горная Шотландия, Ирландия, Бретань — это последние острова кельтской культуры в Европе (13). Еще одним отличием этих островов «старого порядка» является роль знати, продолжающая оставаться значительной. Токвиль приводит письмо интенданта провинции Анжу (будущей Вандеи), сожалеющего, что «дворяне его провинции любят жить в деревне со своими крестьянами вместо того, чтобы исполнить свой долг подле короля» и замечает, что именно эти дворяне затем и стали единственными «вставшими с оружием в руках за монархию во Франции, чтобы умереть сражаясь за нее» (14).

«Отсталость», оторванность этих провинций от основной массы крестьянского населения не должна вводить нас в заблуждение. На самом деле они самым тесным образом связаны с остальными группами крестьянства. Выступление патриархального крестьянства в качестве вооруженной оппозиции революционным силам является знаком того, что от революции отходят основные группы населения страны. Так, по словам Матьеза, Вандейское восстание в марте 1793 г. «было только страшным отголоском и наиболее ярким проявлением возмущения и недовольства широких масс населения во всей Франции» (15). Через 3 месяца в июне 1793 г. восстание против революционного Парижа охватило 60 из 83 департаментов Франции.

Контрреволюционные выступления внутри самого «нового города» порождаются следующими причинами. Европейский город античности и средневековья, как только ему удастся освободиться от внешней, по отношению к городскому миру, власти, является ареной постоянной и ожесточенной классово-борьбы. Власть античных царей и средневековых сенжоров была направлена на соблюдение известного баланса сил в городе, не давая одной группе чрезмерно усилиться за счет другой. «Царь должен наблюдать за тем, чтобы владеющие собственностью не терпели никаких обид, а народ ни в чем не терпел оскорблений» — таков политический идеал античности в трак-

---

товке Аристотеля (16). После обретения городом самостоятельности начинается борьба патрициата, бюргерства и низов (17). Однако, до исхода средневековья, классовая борьба в городах имела последствия прежде всего для населения самого города и ближайшей округи. В эпоху нового времени результаты этой борьбы имеют решающее значение для всего общества.

Средние слои, как правило, выражают либеральные ценности «нового города». Низы, особенно в период потрясений и обнищания, проявляя мало интереса к политическому устройству, требуют от революционного правительства принятия таких социально-экономических мер (твердые цены, принудительное изъятие продуктов у крестьянского населения), какие несовместимы с политическими свободами, либерализмом. Городские низы хотят, чтобы за революционные перемены заплатили другие слои населения — аристократия, крестьянство, средние слои. Несмотря на численный рост низов, который обеспечивает растущая экономика «нового города», опасность для города меньше, чем кажется на первый взгляд. Городские низы способны на восстания, стихийные акции протеста, но, как правило, не могут взять и тем более удержать власть в городе самостоятельно. Однако, в ходе революций нового времени у городских низов появился неожиданный союзник — радикальные политические группы из средних слоев города. Во Франции это были якобинцы, в России — большевики. Радикалам поддержка этой относительно немногочисленной, но мобильной группы населения предоставляла возможность захвата власти над «новым городом». В централизованных государствах власть над городом означает и власть над страной в целом. Восстания деревни, выступления провинций могут быть легко подавлены из крупнейших городских центров. Городские низы в период революций являются наиболее последовательным союзником радикалов. Глубокие социальные перемены открывают наиболее значительные возможности именно перед этим слоем, откуда вербовалась наиболее преданная революции часть бюрократии и офицерского корпуса во Франции и России. Радикалы по мере разрушения традиционных политических и социальных структур «старого порядка» постепенно наталкиваются на нарастающее сопротивление всех слоев общества. Ведь классы участвуют в революции ради изменений в своем положении, а не ради трансформации в нечто иное. Союз с низами необходим радикальным группам, когда их социальная база — средние городские классы, переходит к ним в оппозицию. Причиной подобного является слишком резкий разрыв с традицией в политических и социальных планах радикалов. Разрыв, продиктованный не задачами времени, а идеологией, которой руководствуются радикальные группы (антимонархизм крайнего протестантизма времен Английской, антимонархизм и антиклерикализм Французской, антиклерикализм и «научный коммунизм» Русской революций). Подобные про-

---

екты не принимаются и вызывают сопротивление практически во всех социальных слоях. В качестве оправдания насилию революционеров над обществом во имя идеологических проектов, в советской литературе обычно говорилось о «забегании вперед» и т. п. Подобные утверждения возможны при наличии наивной веры в том, что это будущее уже как бы имеется в наличии и кто-то знает, что в нем содержится и знает как его приблизить. Однако, радикальный разрыв с традицией еще не означает пути в будущее, скорее это дорога в никуда. Средние слои выступают против радикальных революционных групп и в Английской (пресвитериане 1648 г.) и во Французской (жирондисты 1793 г.) революциях. Неудача революций 1848 г. в Европе была во многом вызвана позицией средних слоев, которые сразу ощутили свою враждебность не только «феодализму и абсолютизму», но также и «пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи были родственны пролетариату» (18). Быстрая радикализация событий 1848 г. и память о терроре 1793 – 1794 гг. заставили средние классы пойти на компромисс с монархами и знатью. В двух наиболее значительных в Европе XX в. гражданских войнах в России и Испании средние слои выступили как основной социальный слой контрреволюции. Так, по словам Ридруэхо, выступление франкистов в 1936 г. «несмотря на четкое выполнение плана заговорщиков и решительные действия втянутых в заговор военных частей, потерпело неудачу везде, где численность традиционного среднего класса была меньше, нежели численность рабочего класса и либеральной интеллигенции... Но там, где рабочие и интеллигенция были в меньшинстве, а средние классы преобладали военные сразу же стали контролировать положение» (19).

Городские низы представляют собой наиболее текучий в социальном смысле элемент старого общества, наиболее благоприятный для проведения глубоких изменений. Конечно, и его поддержка революции не безгранична. Переход этого слоя на сторону контрреволюции вызывается обычно неспособностью радикалов обеспечить поддержание привычного жизненного уровня города, когда, по выражению Троцкого, «руководящая революционная партия не способна выполнить то, что намеревалась сделать и то, что обещала массам» (20). «Мы просим хлеба, а вы думаете накормить нас казнями» — писали рабочие Парижа в Конвент. Первыми выступают против революции городские низы провинциальных центров (участие рабочих в антиякобинском восстании Лиона в 1793 г., антибольшевистские выступления рабочих Ижевска, Воткинска, части заводов Урала, Астрахани в 1918 г.). Спустя некоторое время антиреволюционные настроения охватывают рабочих Парижа, Петербурга, Москвы (21).

Какие следствия несет в себе поправление общества для судьбы революции? В случае политического «парламентского» этапа революции, возможен под давлением общества, возврат полноты власти

старым политическим структурам, если они еще не уничтожены или передача обществом власти политическим деятелям, партиям, которые знаменуют собой конец революции. Таков был итог 1848 г. в Германии и Франции, а также 1871 г. во Франции, где крестьянство и средние классы города не дали радикальным партиям и городским низам продолжить революционный процесс.

В случае открытой борьбы, при условии силы и стабильности контрреволюционного лагеря, способности его лидеров обеспечить антиреволюционный союз разнородных сил, подобное поправение постепенно усиливает силы контрреволюции и дает им необходимый перевес в вооруженной борьбе. Подобное явление имело место в испанской гражданской войне 1936 – 1939 гг.

Когда старые структуры уже разрушены и революция уже привела к гражданской войне, переходу власти к радикалам, поправение вовлекает общество в конфликт с революционной властью. Тогда временные чрезвычайные меры перерастают в диктатуру радикалов и террор. Террор и диктатура в революции являются показателем, что большинство общества отходит от революционной власти. Революционная власть прибегает к ним от отчаяния, когда она теряет свою популярность, ее лозунги бессильны, ее меры неспособны обеспечить поддержку общества. Однако и террор не в силах вновь объединить общество и новую власть. В Английской и Французской революциях конфликт «поправившего» общества и революционной власти разрешился «поправлением» самих революционеров. Новые тенденции в социально-экономической политике сочетались или предшествовали смене первого ряда лиц революционных партий. На смену радикалам приходят более умеренные политики. Однако, даже они уже не удовлетворяют контрреволюционно настроенное общество. Так, вопреки распространенному мнению, сам по себе термидор 1794 не являлся контрреволюционным выступлением. Главную роль в заговоре играли «люди Горы» — монтаньяры, многие из которых были сторонниками куда более радикальной политики, чем Робеспьер. Они хотели продолжить революцию, только без диктатуры Робеспьера, и вышедшего в 1794 г. из под контроля революционеров, террора. Но они не могли понять, что революция, которая в 1789 г. опиралась на поддержку буквально всех слоев французского общества, в 1794 г. могла быть только при помощи диктатуры и террора. Конец Робеспьера и конец террора стали концом революции во Франции. Оказалось, что в 1794 г. только террор мог защитить революцию от общества. Поправление города привело к режиму Директории, а поправление деревни к империи Наполеона, основателя «династии крестьян», по выражению Маркса (22). Аналогичную роль играла в Англии диктатура Кромвеля, «заморозившая» революцию на 12 лет (1648 – 1660). Смерть Кромвеля в 1658 г. дала возможность английскому обществу осуществить то, что оно хотело сделать еще в 1648 г. —

реставрацию королевской власти, которая теперь была проведена вождями революционной армии. Результатом этого «поправления» общества и власти стал феномен реставрации — возвращение к власти изгнанных династий на условиях ограничения этой власти.

Однако, не все революции завершаются реставрациями. То, что произошло в странах Европы, где общественные структуры имели значительную степень независимости по отношению к государству, не стало законом для развития революций в Азии и Восточной Европе. Еще в период гражданской войны большевистское руководство всерьез обсуждало вопросы, подобные тому, что был задан Дзержинским Рафаилу Абрамовичу «можно ли преодолеть социально-экономическую отсталость путем полной ликвидации некоторых социальных слоев»? (23) Ослабление давления на традиционные экономические отношения — введение нэпа не стало началом конца политической диктатуры большевиков и террора, а наоборот, вызвало настоящую эпидемию страха в партии — не есть ли эта уступка первый этап термидора. Не начнется ли «процесс неизбежного перерождения Советской власти..., а на деле Коммунистическая партия окажется на службе у крестьянского капитализма» (из письма Варейкиса Ленину)? Характерно, что и среди белой эмиграции начало нэпа вызвало надежды на «естественный ход событий и крушение коммунизма» (24), орудием реставрации могла выступить крестьянская по составу Красная Армия. Как известно, нэп оказался только «передышкой», после которой последовал второй этап натиска на традиционные структуры российского общества. В литературе, обычно, при анализе причин свертывания нэпа указываются экономическая составляющая этого процесса. Но не есть ли здесь прежде всего реакция на конфликт между обществом и партией большевиков, которая хотела строить «новый мир»? «Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве относится отрицательно и даже враждебно» (25) — это представление эмигрантов о России 1920-х гг. долгое время отвергалось советской историографией, однако оно получило неожиданное подтверждение в секретных сводках ЧК, предназначенных для информации верхушки партии о настроениях на местах и переписке ее вождей. «Крестьянские восстания... несомненно являются только началом широкого мелкобуржуазного движения против пролетариата... Между тем пролетарские массы в главнейших центрах (Москва, Петроград и др.) в данный момент в таком состоянии, что без осуществления со стороны партии самого действительного и революционного влияния на них они не только не способны противопоставить свою организованность выходящему из-под влияния пролетарского государства крестьянству, но и сами при дальнейшем ухудшении экономического положения неизбежно выйдут из-под влияния Р. К. П. и даже могут под влиянием антисоветских партий выступить против Советской власти...

Красная Армия не может быть надежным оплотом Советской власти» - сообщает записка Подвойского, Мехоношина, Муралова, Кедрова, Менжинского и Ягоды в ЦК РКП (б) от 13 февраля 1921 г.(26) В ходе второго этапа натиска на мир «старого порядка», который начался около 1929 и окончился примерно к 1939 г. (когда верхи партии приостановили «большой террор» и провели частичную реабилитацию) были разрушены базовые традиционные структуры российского общества. Итогом такой своеобразной «социальной хирургии» стал тот факт, что впервые в новое время революционная власть смогла уничтожить «старый порядок» столь радикально, разрушить все его основные структуры, которые могли бы конкурировать с ней и предотвратить открытую контрреволюцию. Революции в Азии (особенно в Кампучии) явили еще более тотальный характер уничтожения старого мира в попытке построить новое общество (27).

Итак, закон термидора — смены политических групп в период кризиса революции под давлением общества у власти слева направо, подобно тому, как они на первом этапе революции сменяются справа налево, не есть закон для Востока. Революционная власть может здесь, в силу исторического соотношения власти и общества, подавить сопротивление всех социальных групп, выступивших против нее. Однако, эта победа новой власти над обществом вскоре обнаруживает свой истинный характер пирровой победы. Ведь «социальный порядок не случаен, он есть продукт многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу» (28). Радикальные планы преобразования общества и человека путем насилия терпят неудачу, «старый порядок» уже разрушен, а новый не создан и задачи синтеза того реально нового и жизненного, что несет после себя революция и тех элементов старого мира, без которых общество не может существовать, синтеза, который в Европе проходит в период термидора и реставрации, приходится в конце концов брать на себя самим революционным группам. Впрочем послереволюционное общество — это всегда некий компромисс, синтез «старого порядка» и революции. Вопрос состоит в том, в какой именно точке соприкосновения будет достигнут этот синтез? Насколько политически, социально и экономически будет разрушен «старый порядок» и станут жизненными новые структуры общества? А также, может ли сила традиции залечить последствия социальной катастрофы революции? Будет ли общество продолжать жить с учетом совершившихся перемен или ему суждено через какое-то время исчезнуть, не выдержав их груза?

Примечания

1. Молчанов Н. Монтаньяры. М., 1989. С. 551; Урланис Б. Ц. История военных потерь. Спб., 1994. С. 339
2. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире // Философия свободного духа. М., 1994. С. 356

-
3. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 4. Гл. 72.
  4. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 97.
  5. Хосбаум Э. Век революции 1789 – 1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 86; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 223.
  6. Шпенглер О. Закат Европы. Минск, 1999. С. 122; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997. С. 135.
  7. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С. 417.
  8. Исдейл Ч. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. С. 77.
  9. Хосбаум Э. Век революции... С. 220.
  10. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 135.
  11. Левинсон А. Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. // Архив русской революции. Т. 3. С. 207; Игренов Г. Екатеринославские воспоминания // Архив русской революции. Т. 3. С. 237; Документы к воспоминаниям Н. Вороновича // Архив русской революции. Т. 7. С. 325.
  12. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Избранные произведения. М., 1985. Т. 1. С. 386.
  13. Гизо Ф. История английской революции. Ростов-на-Дону, 1995; Брук С. И. Население мира. М., 1986. С. 203 – 206, 263.
  14. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 100.
  15. Матьез А. Французская революция... С. 357.
  16. Аристотель. Политика. Сочинения. М., 1984. Т. 4. С. 553.
  17. См. Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М. 1994.
  18. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Избранные произведения. М., 1985. Т. 1. С. 142.
  19. Амандо де Мигель. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М., 1985. С. 381; Сориа Ж. Война и революция в Испании 1936 – 1939. М., 1987. Т. 1 – 2.
  20. Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1996. Т. 2. С. 229.
  21. Сорокин П. Революция и социология // Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 284; Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 94;
  22. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Избранные произведения. М., 1985. Т. 1. С. 506.
  23. Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918 – 1919 гг. М., 1997. С. 48.
  24. Гуль Р. Красные маршалы // Ледяной поход. М., 1992. С. 107.
  25. Гиппиус З. Петербургские дневники // Литература русского зарубежья. М., 1990. Т. 1, К. 2. С. 185.
  26. Кронштадт. 1921. Документы. М., 1997. С.25.
  27. См., например, Черная книга коммунизма. М., 1999. Ч. 4.
  28. Сорокин П. Революция и социология... С. 294

В.Г.Савельев

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 1922-1927 ГОДЫ

Гражданская война подорвала деятельность кооперации в Южном Зауралье. В этот период начался распад даже таких мощных кооперативных объединений, как Союз Сибирских маслodelьных артелей, точку в деятельности которого поставила комиссия по ликвидации 5 марта 1920г.. 27 января 1920 г. СНК издал декрет об объе-

динении всех видов кооперативных организаций с подчинением Центральному союзу потребительских обществ (Центросоюзу), что являлось очередным шагом ее огосударствления. Между тем, тяжелая экономическая ситуация усугублялась безответственными реквизициями государством продукции сельского хозяйства и привела к повсеместным крестьянским восстаниям в Южном Зауралье в конце 1920-начале 1921 г.. С началом проведения новой экономической политики предполагается изменить создавшиеся условия путем возрождения рынка, товарно-денежных отношений и частной торговли, в том числе восстановить основные принципы кооперативной деятельности. Поворот лицом к деятельности кооперативов происходил непросто, прежде всего, из-за диктата государственных органов, вызывающего в работе кооперативов череду непрерывных кризисов.

Одним из этапов возрождения сельхозкооперации в Южном Зауралье явилось открытие 29 января 1922 г. в Кургане окружного отделения сельскохозяйственной кооперации «Селькредсоюза». Курганское окружное отделение имело три конторы в Куртамыше, Лебяжье, Макушино и объединяло различные типы кооперативных с/х обществ в форме товариществ, артелей и коммун. Рассмотрим количество, формы кооперативов и число участников (Таблица 1).

Таблица 1

Годы.	1922		1923		1924	
	Кооп.	Участн.	Кооп.	Участн.	Кооп.	Участн.
Сельхозтоварищ.	24	4560	26	5198	41	12055
С/х кредитных товариществ.	8	1321	12	5853	60	14948
С/х земледельч. Артелей	2	47	3	83	14	188
С/х коммун.	0	0	4	83	21	562
Маслодельных Артелей	36	1420	30	1012	39	3696
Куст-пром артел.	0	0	0	0	6	33
Мукомольное т-ство.	0	0	0	0	1	1400
Машинное т-ство.	0	0	0	0	1	45
Грузоартель.	0	0	0	0	1	45
Всего:	70	7348	75	6929	184	32972

(ГАКО, ф. Р-315. Оп.1. Д.185. Л.7)

Динамика численности кооперативных организаций в Курганском уезде отражает общий рост численности кооперативов, особенно значительный по кредитным товариществам – в 7,5 раз за три года, и стабильно высокое число маслодельных артелей. Корни подобного роста можно обнаружить еще в дореволюционной сельхозкооперации Южного Зауралья, когда кредитная и маслодельная кооперация

занимали ведущее положение, и этот опыт не был утрачен полностью. Не случайно в декрете СНК от 20 мая 1924 г. получили очередное признание такие ранее отвергавшиеся принципы кооперации, как добровольное членство, децентрализация кредитования и организации торговли, разгрузка центральных органов от вопросов непосредственных закупок и снабжения. Вместе с тем, отмечая положительные тенденции, не стоит забывать, что возрождение происходило в совершенно других условиях жесткого тоталитарного строя. И это возрождение не могло не нести с собой негативные штрихи. Так, общие трудности, с которыми столкнулась сельхозкооперация, заключались в обнищании за годы гражданской войны крестьянских хозяйств, которые были не в состоянии «снабдить свои кооперативные организации достаточными средствами» (1). Отсутствие долгосрочного кредита и нехватка собственных средств способствовали тому, что кооперативная деятельность «не могла проникнуть в производственные процессы и невольно втягивалась в сферу торговой деятельности» (2). Более того, даже официально провозглашенные принципы работы кооперативов нарушались на самом вершине. Так, Курганский союз маслодельных артелей в 1924-1925 г. по договору с «Маслоцентром» поставлял сливочное масло не только на всероссийский, но и на внешний рынок, в том числе в Великобританию и США. Договор предусматривал невысокую фиксированную цену закупки молока на местах и дальнейшие выплаты после его реализации. Никаких доплат от «Маслоцентра» Курганские кооператоры, к сожалению не получили. В частности, сдатчики молока села Меншиково Утятского района Курганского округа 6 марта 1925 года провели общее собрание по вопросу «добавочной платы за проданное за границу по более высокой цене масло» (3). Кооператоры указывали, что масло было продано еще в октябре 1924 г., «однако до сих пор никаких известий нет и поэтому важно выяснить есть ли надежда на доплату... или это обман» (4). Подобные обращения рядовых кооператоров не были единичными. Ответ же был всегда один, в данном случае его дал член правления Курганского окружного союза кооперативов Коротков А.И., объяснив причину «не перечислением «Центросоюзом» низовым кооперативам прибыли за проданное за границей масло»(5). Данная партия масла, поставленного в Шотландию в октябре 1924 г., была значительной – 562 бочки (6).

Существовали проблемы и в низовой сети маслодельной кооперации, в том числе по Курганскому округу на первое место выходили растраты и хищения, а также изношенность оборудования маслозаводов и недостаточная квалификация технического персонала. Это подтверждается в отчете о состоянии кооперации, прозвучавшем на 3 сессии Курганского окрисполкома, в котором указывалось, что «кооперативы охватила волна растрат, хищений и недочетов» (7). Из 68 проверенных кооперативов Курганского округа в 28 были обна-

---

ружены хищения и растраты, привлечено к уголовной ответственности 39 кооператоров (8). Агроном Я. Летин, выступая на этой же сессии 9 октября 1925 г., заявил о растратах в кооперативах и полном отсутствии просветительской работы, что «низводит всех кооператоров до положения простых купцов, хотя и советских» (9). Массовость подобных явлений говорит о глубинных негативных процессах во всей структуре возрождаемого кооперативного движения, формализации контроля (до революции контроль осуществлялся самой артелью), полном смещении ценностей снизу доверху, бюрократизации управления.

Следующей особенностью возрождаемой маслодельной кооперации в 1925-1927 г. явилось значительное количество маслодельных кооперативов, не входящих в «Маслоцентр». Несоюзных маслодельных артелей или «диких» кооперативов в Курганском округе в 1927 году было около 25% (10). В дореволюционный период ССМА поглотил несоюзных маслопроизводителей почти полностью.

И в заключении остановимся на социальном составе маслодельных кооперативов Курганского округа. Продолжала сохраняться тенденция активного участия в маслодельной кооперации, прежде всего экономически состоятельных крестьян. Так в 1927 году в маслодельной кооперации Южного Зауралья участвовало 5% зажиточных крестьян, 60% середняков и 35% бедняков (11). В дореволюционный период социальный состав маслодельных кооператоров был шире (от крестьян до купцов, промышленников, чиновников, священников), вместе с тем наиболее зажиточные представители этих сословий в кооперативы практически не вступали, стремясь организовать частное предприятие. Поэтому основной базой развития кооперативного движения являлись средние слои общества. В итоге, хрупкий период возрождения сельскохозяйственной кооперации в Южном Зауралье в 1922-1927 годах был наполнен противоречиями нового строя и завершился активным вмешательством государства в кооперативную деятельность и фактическим ее разрушением.

Примечания

1. ГАКО, ф. Р-315. Оп.1. Д.185. Л.8.
2. Там же. Л.8.
3. ГАКО, ф. Р-315. Оп.1. Д.178. Л.71.
4. Там же. Л.71.
5. Там же. Л.72.
6. Там же. Л.14.
7. ГАКО, ф. Р-315. Оп.1. Д.18. Л.86.
8. Там же. Л.87.
9. Там же. Л.67.
10. ГАКО, ф. Р-315. Оп.1. Д.255. Л.115.
11. Там же. Л.117.

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ

Проблема отсутствия качественного каталога бумажных денежных знаков (в дальнейшем БДЗ) не нова. Острая дискуссия по этому поводу ведется еще с 20-х годов XX века. Проблема заключается даже не в том, что до сих пор не получен желаемый результат, а в отсутствии какой-либо активной деятельности в данном направлении в настоящее время. Данная задача, на деле, является более сложной, чем это может показаться с первого взгляда. С одной стороны, автор должен быть сильным теоретиком-бонистом и теоретиком-классификатором. С другой – иметь колоссальный практический опыт коллекционирования и иметь доступ к самым обширным собраниям БДЗ. С третьей, необходимы знания рынка БДЗ именно на профессиональном уровне во всех направлениях и во всех ценовых спектрах. При этом надо иметь неограниченное свободное время, значительные финансовые ресурсы и неукротимое желание «осчастливить» бонистическую общественность. Возможно, в будущем кто-то и сможет взять на себя попытку решения такой задачи, но в данный момент это не представляется возможным. Но что же делать? Единственный повод напрашивается сам собой. В настоящее время выполнение поставленной задачи под силу лишь группе авторов. Главное – чтобы эта идея получила поддержку среди всех заинтересованных сторон.

Важнейшим составляющим элементом каталога является система классификации БДЗ. Без этого каталог не будет являться таковым и сможет претендовать лишь на роль прейскуранта. Система классификации есть первооснова, на которую потом по частям можно надстраивать все остальное. Хотелось бы так же заметить, если такая первооснова будет качественной, то, даже при наличии серьезных ошибок в одной из частей, вся система не пострадает и необходимо будет лишь пересмотреть или переделать данную часть и ничего более.

Для начала, вкратце остановимся на понятии классификации вообще. В самом общем определении классификация – систематическое деление и упорядочение понятий и предметов (1). Данную тему затрагивал еще Платон в своем «Политике», вводя классический подход к классификации вообще (2). Аристотель продолжал и развивал ее в «Категориях», вводя различие между классами и объектами (3). Проблемы классификации волновали и Фому Аквинского в «Summa Theologica» (4), и Рене Декарта в «Рассуждении о методе» (5). Этим занимались также Карл Линней и Чарльз Дарвин. Актуальность и важность этой темы многократно возросла с появлением компьютеров и развитием программирования.

Нас же непосредственно интересует проблема классификации БДЗ.

Ситуация осложняется тем, что не каждый автор каталога (особенно в последнее время) считает нужным показать свое видение системы. Иногда чтобы скрыть явный плагиат, иногда просто не понимая того, что добавление описания нескольких, пусть и ранее не описанных знаков, равно как и изменение цен не приводит к появлению нового каталога.

Рассмотрим сначала системы классификации, которые существуют и описаны в хронологическом порядке своего появления. Зачем нужна эта хронология? В данной статье мы не ставим задачу разобраться в причинах невиданного расцвета российской бонистики во второй половине двадцатых годов XX века. История же российской бонистики начинается со второй половины XIX века. Монеты в России начали собирать, и соответственно изучать, значительно раньше. Однако не будем забывать, что и бумажные деньги появились в России позже, лишь во второй половине XVIII века в правление Екатерины Великой. В силу отсутствия большого разнообразия материала, а также недоступности ранних выпусков (первые выпуски Екатерины были таковыми уже практически во второй половине XIX века), серьезных исследований по бонистике практически не проводилось. Это связано с отсутствием объекта изучения, поскольку частные выпуски можно пересчитать по пальцам, и особенного интереса к ним не было; с государственными же выпусками все было ясно. Ситуация коренным образом изменилась после гражданской войны. Возврат к мирной жизни, гиперинфляция и огромное количество различных региональных, областных, городских, частных и других выпусков, превратившихся в одночасье в макулатуру, привели к невиданному расцвету бонистики во всех ее проявлениях. Это был наиболее яркий период в истории отечественной бонистики. Такого количества талантливых исследователей, настоящих энтузиастов и преданных любителей своего дела, живших в одну эпоху, наверное, уже не будет. Усиление роли государства во всех сферах общественной жизни в тридцатые годы XX века привело к спаду интереса и к нашей тематике. Послевоенное время также не принесло никаких изменений. Довоенные репрессии и сама война серьезно сократили количество и качество бонистов. Примерно в это же самое время произошел окончательный разрыв между исследователями (теоретиками) и коллекционерами (практиками). Если в довоенный период многие ведущие коллекционеры являлись также и ведущими исследователями, то в послевоенный период, благодаря усилению роли государства во всех областях, это стало скорее исключением. Не хотелось бы останавливаться на взаимных претензиях и неприязни сторон друг другом. Одни оставляли за собой лишь право трактовки “что есть что”, другие, используя наработки прошлого, довольствовались тем, что есть. Ситуация коренным образом меняется в девяностые годы XX века. Снова инфляция, опять появляются региональные и частные выпус-

---

ки БДЗ, а также выпуски стран СНГ, что приводит к повышению интереса к бонистике как таковой. Влияние государства при этом минимально. Появляются новые исследования, но, к сожалению, при этом проблема классификации БДЗ осталась в стороне. Авторы каталогов БДЗ в двадцатые годы сначала показывали и обсуждали свою систему классификации, а лишь потом выпускали каталог. Авторы современных каталогов обходят эту тему стороной.

Вернемся непосредственно к рассмотрению систем классификаций. Мы не претендуем на упоминание всех авторов, которые когда-либо касались этого вопроса. Остановимся лишь на наиболее значительных и интересных. Начнем с Л. Иольсона (6). Он предлагал разделить все знаки следующим образом:

1. Знаки центральных правительств.
2. Знаки местных правительств и их банков.
3. Знаки правительств государственных новообразований и их банков.
4. Знаки иностранных оккупаций и русской оккупации на иностранных территориях.
5. Знаки железных дорог и железнодорожных учреждений.
6. Знаки лагерей военнопленных.
7. Знаки отдельных населенных пунктов, с расположением их в порядке алфавита.

Последний пункт Л. Иольсон предлагает подразделить на подгруппы следующим образом:

- 7.1 Самоуправления и общины.
- 7.2 Кредитные учреждения.
- 7.3 Фабрики, заводы, копи, рудники и их объединения.
- 7.4 Кооперативные учреждения.
- 7.5 Рестораны, кафе, столовые, булочные, кондитерские.
- 7.6 Клубы, общества и собрания.
- 7.7 Театры, цирки и кинематографы.
- 7.8 Торговые предприятия.

Под кредитными учреждениями автор предлагает считать:

- 7.2.1 Отделения центр банков.
- 7.2.2 Местные банки и сберег, кассы.
- 7.2.3 Кредитные товарищества.
- 7.2.4 Общества взаимного кредита.
- 7.2.5 Ссудно-сберегательные товарищества и кассы.

Не хотелось бы останавливаться на отдельных удачных или неудачных моментах данной классификации, равно как и всех последующих. Некоторые из них просто экстравагантны, либо основаны на политическом догматизме. Что-то входит в прямое противоречие друг с другом.

Следующая классификация была разработана К. Соловьевым (7), который предложил следующее деление:

-
1. Общеобязательные.
  2. Кооперативные.
  3. Частные.

К общеобязательным знакам он относил:

1.1 Знаки правительств центра, которые подразделял на два подотдела - довоенные и послевоенные.

1.2 Знаки суверенных новообразований, не вошедших в СССР, с тем же подразделением на два подотдела - довоенные и послевоенные.

1.3 Знаки местных правительств.

1.4 Знаки иностранных оккупации специальных выпусков для занятой территории бывшей Российской империи.

1.5 Знаки русской оккупация специальных выпусков для занятых территорий иностранных государств.

1.6 Знаки железных дорог и их учреждений, выпущенные для общего пользования в известном районе.

1.7 Знаки лагерей военнопленных на территории бывшей Российской империи обязательного для данного лагеря хождения наравне с денежными знаками.

1.8 Знаки фабрик, заводов, копей, рудником и проч. и их объединений при условии выпуска Управлением предприятия для общего обслуживания данной территории.

1.9 Знаки отдельных населенных пунктов, как-то: городов, сел, местечек и проч. при условии им пуска самоуправляемыми, общинами или кредитными учреждениями.

Под последними автор предлагал понимать:

1.9.1 Отделения центральных банков.

1.9.2 Местные банки.

1.9.3 Сберегательные кассы.

1.9.4 Кредитные товарищества.

1.9.5 Общества Взаимного Кредита.

1.9.6 Ссудо - сберегательные товарищества.

1.9.7 Некоторые сельскохозяйственные товарищества и проч. кредитные учреждения.

Особо следует остановиться на разработках Н.И. Кардакова (8). Хотелось бы рассмотреть работы этого автора чуть подробнее по следующей причине. После опубликования в 1925 году своей системы классификации автор принимает активное участие в полемике по данному вопросу. Как результат, в 1953 году в Берлине выходит каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769-1950 гг. Н.И. Кардакова (9). Эту работу можно назвать наиболее удачной в своей области. Ошибки и неточности есть везде, не ошибается только тот, кто ничего не делает, но даже по сей день, никто качественно так и не приблизился к этой работе. По уровню внутренней логики, не побоюсь этого слова, гениальный классификатор Н.И. Кардаков просто

обогнал свое время. Он впервые сумел построить систему, пусть простую, но очень понятную и доступную. С сильным опозданием, этой работой был подведен своеобразный итог периоду довоенной истории российской бонистики. Все БДЗ он предлагал разделить на три группы:

1. Бумажные деньги России с 1769 по 1896 г.

2. Бумажные деньги конца Российской империи и периода войны и революции 1898—1924 гг.

3. Боны необязательного обращения периода 1914—1925 гг.

Первую и третью группы Н.И. Кардаков предлагал разработать специалистам. Это говорит о понимании автором сложности и важности разрабатываемой проблемы. Будучи специалистом высочайшего уровня, уже в середине двадцатых годов, когда необходимость и требования к каталогам по БДЗ были не столь велики, как в наше время, Н.И. Кардаков призывает с целью улучшения качества к объединению усилий. При этом, он первым разрабатывает характерные признаки систематизации БДЗ. А именно:

1. Географическое распределение России по районам.

2. Эмиссионный порядок.

3. Хронологический порядок по каждому эмиссионному органу.

4. Алфавитный порядок местных эмиссий и

5. Порядок восходящих номиналов.

Стоит особо отметить осознанный отказ автора от политического признака, который, как мы увидим ниже, был весьма моден в то время. При этом ни один из признаков не признавался доминирующим. “Вся система базируется на всех пяти признаках, при этом достигается наибольшая ясность и удобство расположения бон для всестороннего изучения вопросов, связанных с финансами, историей, этнографией, графикой, экономикой и проч.” (9).

По географическому признаку все БДЗ Н.И. Кардаков делил следующим образом:

- 2.1 Центр.

- 2.2 Север, и западный край.

- 2.3 Княжество Финляндское и Польское королевство

- 2.4 Украина.

- 2.5 Дон и Крым.

- 2.6 Кавказ.

- 2.7 Средняя Азия.

- 2.8 Поволжье и Урал.

- 2.9 Сибирь (С включением “полосы отчуждения” Восточно-Китайск. ж. д).

- 2.10 Новообразовавшиеся государства из бывших окраин Российской империи (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша)

По эмиссионному признаку:

1. Знаки государственного значения.

---

2. Областные.

3. Знаки военных группировок и др. властей.

По третьему: Каждая отдельная государственная или областная организация или местные органы представляют свою эмиссию в хронологическом порядке.

По четвертому: Все эмиссии бон местного значения располагаются в алфавитном порядке мест, их выпустивших, и с соблюдением хронологии.

По пятому: Знаки следуют от низшего номинала к высшему, а не наоборот.

Эмиссии железных дорог автор предлагает включать по району и алфавиту того города, откуда они были выпущены в обращение их правлениями. Горные округа также стоят в алфавите мест по районам. То же относится к оккупационным и лагерным бонам, что дает, с точки зрения автора, более яркую картину жизни определенного места и времени.

Н.И. Кардаков также внес большой вклад в разработку способов разделения “пограничных” понятий, т.е., где заканчиваются региональные или областные, и начинаются частные выпуски, и где грань различия между финансовым документом и непосредственно денежным знаком и т.д.

Теперь остановимся на проекте В. Вязельщикова (10). Все БДЗ он делил на две основные категории:

1. Знаки выпущенные до 1914 г.
2. Знаки выпущенные после 1914г.

Второй пункт В. Вязельщиков предлагал разделить следующим образом:

2.1 Центр. Границы его: с севера и востока Валдайская возвышенность и р. Волга до Сталинградской губернии включительно; с юга и запада северная граница Северного Кавказа и Украины, восточная граница Гомельской губернии и Белоруссии, река Запад. Двина до Валдайской возвышенности.

2.2 Север. Границы его: с севера и востока - Северное Ледовитое море, предгорье Урала и правый берег Камы; с юга и запада - северная граница центра до Валдайской возвышенности, далее через озеро Ильмень по р. Луге, по Финскому и Ботническому заливу, по границе Швеции до Северного Ледовитого моря.

2.3 Запад. Границы его: с севера и востока - Финский залив, р. Луга, западная граница центра до границы УССР, р. Припять и Стырь, отроги Карпат и бывшая восточная граница Германии.

2.4 Юг. Границы его: с севера и востока - р.Припять, северные границы УССР и Северного Кавказа, р. Волга с Астраханской губ. и Каспийским морем, с юга и запада граница с Персией и Турцией, Черное море, р. Прут, отроги Карпат и р. Стырь.

2.5 Юго-восток. Границы его: с севера и востока — северная граница Оренбургской губернии, параллель 50° и граница с Китаем; с юга и запада граница с Афганистаном, Персией, Каспийское море, левый берег Волги и восточная граница центра.

2.6 Восток. Границы его: вся территория на восток от восточных границ Севера, Центра и Юго-востока.

Далее все знаки располагаются в алфавитном порядке. Причем в каждом населенном пункте автор предлагал следующую очередность:

1. Выпуски городских или местных самоуправлений.
2. Банков, сберкасс и кредитных товариществ.
3. Лагерь военнопленных.
4. Правительственных учреждений.
5. Фабрик, заводов и промышленных предприятий.
6. Кооперативов и их объединений.
7. Аптек, торговых фирм и предприятий.
8. Ресторанов, кафе, столовых, булочных, кондитерских.
9. Клубов, обществ и собраний.
10. Церквей, домов религиозного культа, театров и кинематографов.

Рассматривая различные системы классификации БДЗ, невозможно обойти стороной классификацию Д. Санина (11). Он рассматривал БДЗ как результат эпохи гражданской войны. Краеугольным камнем всей его системы является противопоставление Советской власти и контрреволюции. Исходя из этого, он предлагал следующую систематику:

1. Помещичье-феодальный период, который, подразделяется в свою очередь на 11 выпусков.

1-й выпуск. Ассигнации 1769—1785гг.

2-й выпуск. Ассигнации 1786—1818 гг.

3-й выпуск. Ассигнации 1819—1843 гг.

4-й выпуск. Билеты депозитной кассы государственного коммерческого банка 1840 г.

5-й выпуск. Государственные кредитные билеты 1843—65 гг.

6-й выпуск. 1866—1886 гг.

7-й выпуск. 1887—1895 гг.

8-й выпуск. 1892—1896 гг.

9-й выпуск. Реформа 1895 г. (Депозитные квитанции).

10й выпуск. Кредитные билеты 1898—99 гг.

11-й выпуск. 1905-1909 гг.

2. Предреволюционная эпоха 1915 г.

Переход на бумажно-денежное обращение в связи с объявлением империалистической войны. Замена металла, идущего на военные цели, бумажными деньгами.

3. Буржуазная революция. 1917 г.

4. Пролетарская революция.

В этом подразделе, в связи с натурализацией хозяйства, Д. Санин предлагает поместить различные суррогаты, которые он разделял на:

4.1 Заем свободы.

4.2 Купоны. Они в свою очередь подразделены на:

4.2.1 Заем свободы, рента и заем 1905 года.

4.2.2 Военные займы.

4.2.3 Купоны банковских бумаг (крестьянский, поземельный, дворянский и т. п.).

4.3 Билеты государственного казначейства.

При всей политизированности данной системы нельзя не отметить некоторых моментов. Д. Санин первым предложил отказаться от первичности такой важной характеристики как год знака, поставив выше понятие тип. Если еще даже 10 лет назад такой подход выглядел просто несерьезным, то тенденции сегодняшнего дня однозначно на стороне Д. Санина. Так же хотелось бы отметить выделение суррогатов в отдельную категорию, несопоставимую по своему статусу с государственными выпусками.

Переходя к классификации Д. Сенкевича (12), хотелось бы отметить тот факт, что хронологический разрыв между вышестоящими системами классификации БДЗ и системой Сенкевича составляет 57 лет. Причин такого перерыва мы уже вскользь касались выше, но еще одну, не менее важную, хотелось бы отметить особо: в новой системе классификации просто не было необходимости. С одной стороны была система классификации Н.И. Кардакова, которой пользовалась основная масса серьезных бонистов того времени. С другой, на фоне общего застоя в обществе, попытаться прыгнуть “выше” Н.И. Кардакова желания ни у кого не наблюдалось. Поэтому попытка Д. Сенкевича посмотреть по-новому на проблему систематизации БДЗ с точки зрения середины восьмидесятых заслуживает особого внимания. Итак, по эмитентам Д. Сенкевич разделяет все БДЗ на три категории:

1.Общегосударственные эмиссии.

2.Обязательные выпуски на местах.

3.Местные необязательные выпуски.

Каждая из этих трех категорий бон имеет свои подразделения, а именно:

1.1 Дореволюционные общегосударственные эмиссии денежных знаков.

1.2 Советские общегосударственные денежные эмиссии.

2.1 Денежные знаки, выпущенные советскими правительствами и властями на местах.

2.2 Выпуски обязательных денежных знаков разными местными правительствами и властями.

2.3 Обязательные денежные знаки местных учреждений и организаций.

3.1 Выпуски необязательных знаков разными местными организациями и предприятиями.

3.2 Боны частновладельческих фирм и предприятий.

По условиям и характеру обращения Д. Сенкевич делит все знаки на:

1. Обязательные.

2. Необязательные.

3. Знаки специального назначения.

Обязательные знаки делятся на:

1.1 Общегосударственные - для хождения по всей территории страны. К ним относятся:

1.1.1 Дореволюционные эмиссии, подразделенные на:

1.1.1.1 Государственные ассигнации.

1.1.1.2. Билеты депозитной кассы Государственного коммерческого банка.

1.1.1.3. Кредитные билеты Сохранных Казен и Государственного заемного банка.

1.1.1.4. Государственные кредитные билеты.

1.1.1.5. Депозитные металлические квитанции Государственного банка.

1.1.1.6. Билеты (разменные). Деньги-марки.

1.1.1.7. Казначейские знаки.

1.1.2 Советские эмиссии, которые в свою очередь подразделяются следующим образом:

1.1.2.1. 5%-ные краткосрочные обязательства Государственного казначейства.

1.1.2.2 Облигации займа Свободы четырех младших достоинств.

1.1.2.3 Билеты Государственного казначейства (серии).

1.1.2.4 Купоны (срочные по 1 дек 1917г) государственных процентных бумаг (по перечню).

1.1.2.5 Расчетные знаки РСФСР.

1.1.2.6 Государственные кредитные билеты (дореволюционного образца, не выпускавшиеся, ранее).

1.1.2.7 Обязательства РСФСР.

1.1.2.8 Государственные денежные знаки РСФСР, позднее СССР.

1.1.2.9 Банковские билеты Государственного банка РСФСР.

1.1.2.10 Платежные обязательства НКФ РСФСР, позднее СССР

1.1.2.11 Транспортные сертификаты НКПС.

1.1.2.12 Билеты Государственного банка СССР.

1.1.2.13 Без названия (разменные билеты).

1.1.2.14 Государственные казначейские билеты СССР.

1.2 Обязательные выпуски на местах. К ним Д. Сенкевич относит знаки ограниченного хождения, а именно в пределах территории или местности, контролируемой эмитентом, который объявлял знаки своего выпуска обязательными к приему в платежи.

1.2.1 Выпуски советских правительств и властей: республиканские,

---

зональные, краевые, областные, городские, уездные и другие. Эмитентами являлись: ревкомы, советы депутатов, исполкомы, совнаркомы. К этой же группе относятся денежные знаки Ташкентского отделения Народного банка Туркестанского края, а также Пятигорского отделения Народного банка, как санкционированные СНК РСФСР прямыми постановлениями.

1.2.2 Обязательные денежные знаки, выпущенные разными несоветскими правительствами и властями на местах, включая: республики, державы, думы, рады, управы, земства, самоуправления, магистраты, комиссариаты, муниципалитеты, военные командования и власти, оккупационные власти.

1.2.3 Обязательные денежные знаки местных учреждений и организаций, в числе которых:

Конторы и отделения Государственного (Народного) банка, местные банки, отделения Государственного казначейства, сберегательные кассы. Другие финансовые и кредитные учреждения и организации, выпуск бон которых санкционирован местными властями или гарантирован и акцептован отделением Госбанка. Негарантированные выпуски банков, кредитных, коммерческих, акционерных, ссудо-сберегательных и других аналогичных организаций. Выпуски учреждений и организаций общегражданского характера: продовольственных управ, комитетов, отделов, управлений, советов, отделов городского, коммунального хозяйства и т. п. Выпуски военно-промышленных комитетов, промышленных, производственных, строительных, транспортных, сельскохозяйственных объединений, управлений и других организаций, их предприятий и подразделений. Выпуски кооперативных объединений и союзов потребительской, промысловой, сельскохозяйственной кооперации. Обществ потребителей и кооперативов. Выпуски учреждений и организаций социального обеспечения и здравоохранения. Выпуски общин, объединений, союзов административного характера, в том числе национальных и религиозных.

К необязательным знакам Д. Сенкевич относит:

2.1 Знаки государственных и кооперативных предприятий, а именно: торговых фирм, магазинов, аптек, учебных заведений, обществ, собраний, клубов, театров, кино, цирка, ипподромов, казино, лото, ресторанов, кафе, столовых, буфетов.

2.2 Частновладельческие фирмы и предприятия (аналогично вышеуказанных но с частной формой собственности).

Последней категорией знаков по условиям и характеру обращения у Д. Сенкевича являются знаки специального назначения. К ним он относит:

3.1 Контрамарки за обывательскую подводу, применявшиеся в XIX в.

3.2 Лагерные выпуски в России для военнопленных первой мировой войны.

3.3 Товарные книжки «Главзолото».

3.4 Товарные ордера «Торгсин».

3.5 Талоны треста «Арктикуголь».

3.6 Дорожные чеки Госбанка СССР.

3.7 Сертификаты и чеки Внешпосылторга

К сожалению, авторы каталогов, вышедших в последнее время, не считают нужным показать свою систему в чистом виде. Одной из причин, некоторых мы касались выше, является отсутствие авторитетного печатного издания, каким в свое время был «Советский коллекционер».

Теперь перейдем непосредственно к нашей системе. Хотелось бы отметить, что данная система не является конечным результатом, достигшим совершенства, а лишь основой, на базе которой, при согласии с основными подходами авторов, можно будет построить качественно новую систему БДЗ.

Итак, все знаки мы предлагаем разделить на три базовых категории:

1. Знаки общегосударственного значения.
2. Знаки регионального значения.
3. Знаки частного значения.

Данная терминология очень условна. Первично лишь содержание, которое мы пытаемся вложить в каждый термин. Принципиальные различия между категориями мы укажем ниже. Мы, так же, сознательно отказываемся от таких критериев деления как «общеобязательность» или «обязательность к приему». Разобраться в условиях Гражданской войны в обязательности приема того или иного знака невозможно. Власти сменяли одна другую, и любая «обязательность» может вызывать сомнение. В нашем же случае, в первую категорию, мы предлагаем поместить все знаки, выпущенные от имени Государства, а также знаки, выпуск которых был бы не возможен без прямого согласия Государства. Во вторую категорию мы предлагаем включить все региональные, областные, городские, районные и т.п. выпуски, сделанные от имени какой-либо власти. Имеет смысл в этой же категории рассмотреть выпуски, невозможные без согласия или гарантии местной власти. Все остальное предлагаем отнести к третьей категории. К понятию «все остальное» мы предлагаем отнести именно все БДЗ, а не финансовые документы, не вошедшие в первую и вторую категории. Здесь необходимо указать, то в чем же мы видим принципиальное отличие БДЗ от финансового документа. Критериев отличия много, но в качестве решающего, мы предлагаем использовать принцип многократности использования. В общем же, мы стоим на позиции В.М. Соколова, который еще в 1927 году в своей статье «Боны необязательного обращения» попытался разобраться в этом вопросе (13).

Первую категорию мы предлагаем рассматривать следующим образом:

1.1 Общегосударственные выпуски.

- 1.1.1. Империя.
- 1.1.2. Временное правительство.
- 1.1.3. Р.С.Ф.С.Р.
- 1.1.4. С.С.С.Р.
- 1.1.5. Р.Ф.

1.2 Выпуски государств, входящих в состав Империи.

1.2.1 Аляска

1.2.2 Великое Княжество Финляндское.

1.2.3 Польша. (Российская администрация 1830-1866 г.г.)

Наиболее спорным и дискуссионным выглядит включение в этот подраздел Аляски. Русско-Американская компания никак не подходит под категорию «государство», но об условности терминов в нашей системе мы уже говорили выше. Тем более, что авторы принципиально не против перенесения данной позиции во вторую часть, но только при приведении оппонентами весьма весомых аргументов. К сожалению, формат данной статьи не позволяет нам подробнее остановиться на этом вопросе.

1.3 Министерские выпуски.

1.3.1 Министерство обороны. («контр-марки»)

1.3.2 Морское министерство.

1.3.3 Таможня. (деPOSITные металлические квитанции)

1.3.4 Министерство (Наркомат) Путей Сообщения. (транспортные сертификаты)

1.3.5 Министерство (Наркомат) финансов. (платежные обязательства)

1.3.6 Министерство внутренних дел. (ОГПУ)

1.3.7 Торгсин.

1.3.8 Чеки Внешпосылторга.

1.3.9 Министерство Морского Флота. (трест «Арктикуголь»)

1.4 Советские военные оккупации.

1.4.1. Австрия.

1.4.2 Венгрия.

1.4.3 Германия.

1.4.4 Манчжурия.

1.4.5 Румыния.

1.4.6 Северная Корея.

1.4.7 Чехословакия.

1.5 Знаки необязательные к обращению, но обязательные к приему в гос. платежи.

1.5.1 Билеты Государственного Банка. (три выпуска)

1.5.2 Билеты Государственного Казначейства. (пятнадцать выпусков)

1.5.3 Краткосрочные Обязательства Государственного Казначейства. («высокие» и «длинные»)

Переходя к знакам регионального значения, хотелось бы заметить, что к ним мы относим все знаки, выпущенные на территориях, которые сегодня являются независимыми государствами. Например, выпуски Грузии или Украины мы предлагаем рассматривать как независимые лишь с 1991 года. Все же предыдущие выпуски мы предлагаем относить к тому или иному региону России. Мы предлагаем следующее региональное деление:

- 2.1 Центр.
- 2.2 Север.
- 2.3 Северо-запад.
- 2.4 Запад.
- 2.5 Юго-запад.
- 2.6 Юг.
- 2.7 Северный Кавказ.
- 2.8 Закавказье.
- 2.9 Туркестан.
- 2.10 Урал и Западная Сибирь.
- 2.11 Восточная Сибирь.
- 2.12 Дальний Восток.
- 2.13 Китай и Монголия.

Аналогичное региональное деление мы предлагаем и для знаков частного значения.

К сожалению, объем статьи не позволяет «раскрыть» составляющие каждого региона. Внутри каждого региона есть свои спорные моменты, в частности проблемы определения границ каждого региона. Однако, как мы уже говорили, проект данной системы есть первый шаг в направлении создания качественной системы классификации БДЗ, а в последствии и выход на решение проблемы создания качественного и принципиально нового каталога БДЗ.

Примечания

1. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. — 1434с.
2. Платон Политик // Сочинения в 4 томах. Т.4. М.: Мысль, 1994. С.3-71.
3. Аристотель Категории // Сочинения в 4 томах. Т.2 М.: Мысль, 1978.
4. Аквинский Ф. Summa Theologica // Антология мировой философии. В 4 томах. Т.1., ч.2. М.: Мысль, 1969.
5. Декарт Р. Рассуждения о методе // Сочинения в 2 томах. Т., 1. М.: Мысль, 1989.
6. Иольсон Л. Резолюция по докладу бонистов // Советский коллекционер, 1924.
7. Соловьев К. Что должен собирать бонист (в дискуссионном порядке) // Советский филателист, 1925. № 3. С.10-11.
8. Кардаков Н.И. Схема систематизации русских бон (в порядке обсуждения) // Советский коллекционер, 1925. №20. С.8-10.
9. Кардаков Н.И. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769-1950 гг. Берлин, 1953.
10. Вязельщиков В. Всем секциям бонистов ВОК // Советский коллекционер,

---

1926. №6. С.16-17.

11. Санин Д. Систематика денежных знаков на основах экономики страны // Советский коллекционер, 1926. №9. С.16-17.

12. Сенкевич Д. Нужен каталог отечественных бон // Советский коллекционер, 1966. №4. С.87-88; Сенкевич Д. Классификация бон // Советский коллекционер, 1983.

13. Соколов В.М. Боны необязательного обращения (что должно входить в коллекцию бон необязательного обращения - частных) // Советский филателист, 1927. №9. С.13-17.

И.Г. Коурова

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАУРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.

В 50-х гг. прошлого века исключительно важную роль в развитии деревни сыграл сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, разработавший ряд кардинальных мер по преодолению отставания сельского хозяйства и его дальнейшему ускоренному развитию. Меры, намеченные пленумом, были ориентированы на использование экономических стимулов. Наибольшее внимание уделялось повышению заготовительных цен, снижению налогов и норм обязательных поставок. Пленум отметил важную роль в дальнейшем подъеме сельского хозяйства МТС, укрепления материально-технической базы колхозов и совхозов, улучшения состава руководящих кадров на селе.

Указания пленума в реальные дела должны были трансформировать советские, хозяйственные органы, но основная тяжесть и ответственность за их осуществление ложилась на областные (краевые) и районные комитеты партии, первичные партийные организации села.

Многие авторы сходятся во мнении, что вскоре после сентябрьского пленума стал проследиваться отход от его решений на путь поиска панацеи для скорейшего достижения наивысших результатов в сельском хозяйстве: пошел поток бесконечных реорганизаций, указаний, постановлений, решений, который к началу 60-х гг. привел село в кризисное состояние. Однако, представляется, что начало непродуманным, поспешным преобразованиям положил уже сам сентябрьский пленум. Как тогда казалось, в целях приближения партийного руководства к производству, укрепления районного партийного звена и оказания более действенной помощи первичным партийным организациям в деревне, пленум дал указание сократить численность аппарата в областных, краевых и республиканских центрах, а освободившихся работников направить в райкомы, колхозы, МТС и совхозы, при этом изменить структуру сельских райкомов КПСС, создав инструкторские группы по зонам машино- тракторных станций: в каждой 2-4 инструктора, во главе с секретарем райкома, - вместе с тем сохранялись традиционные должности первого и второго секретарей РК. Одновремен-

---

но пленумом решительно осуждалась практика посылки на места в период проведения сельскохозяйственных кампаний уполномоченных партийных, советских и хозяйственных органов, как не знающих сельского хозяйства. (1) Но упразднение отдельных одиозных методов управления сельским хозяйством прежних лет отнюдь не означало, что деятельность вновь созданных структур будет намного эффективнее.

Организация инструкторских групп в сельских райкомах вела к раздуванию штатов партийных работников. На этот факт попытался обратить внимание Центрального Комитета Курганский обком КПСС. Для укомплектования райкомов по новой схеме только в Курганской области требовалось дополнительно как минимум 214 человек. (2) Естественно, что решения ЦК такой сигнал из глубинки изменить не мог. Курганскому обкому пришлось выполнять партийные «начертания» как всегда четко и в срок.

В начале 1954 г. в Зауралье, как, и в целом по стране, произошла очередная перестройка партийного аппарата, на сей раз - районного звена. Но деятельность инструкторских групп, по всей вероятности, не слишком отличалась от работы пресловутых уполномоченных, поскольку постоянно подвергалась аргументированной и весьма резкой критике со стороны коммунистов-аграрников и руководящих партийных структур. Так, председатель колхоза им. Мичурина Петуховского района «тридцатитысячник» Кискин называл стиль работы инструкторских групп «гастролерством». «Не было случая, - говорил он, чтобы инструкторы приехали в колхоз и подробно разобрались в делах, бывают только проездом, куда-то все спешат. Приедут, прочитают директиву и уезжают». (3) Также возмущенно рассказывал об инструкторах и секретарях по зонам МТС на районной партийной конференции директор Каргапольской машино-тракторной станции Куликов: «... бывают как гости, не прочитают ни одного доклада, а на курорты ездят аккуратно», - и продолжал далее: «Работа будет тогда на селе, когда работники райкома спустятся в низы, будут бывать в гуще массы, оказывать существенную помощь в работе первичных парторганизаций, особенно инструкторы». (4) У обкома КПСС вызывала недовольство деятельность инструкторских групп в Сафакулевском районе. Они «не улучшали состояние дел ни в машино-тракторных станциях, ни в колхозах. Четыре инструктора, работающие в двух группах, имеют образование 7 классов, и только один из них продолжает учебу-заочно в сельскохозяйственном техникуме». (5) Аналогичное положение с уровнем образования кадрового состава и его отношением к работе наблюдалось в большинстве групп по зонам МТС в Курганской области, что объяснялось поспешностью и несвоевременностью их создания: сотни знающих, энергичных специалистов-коммунистов с промышленных предприятий, государственных учреждений, из партийных структур направлялись тогда непосредственно в сельскохозяйственное производство.

В советский период важным критерием эффективности работы партийного комитета любого уровня в том числе и сельского райкома, являлся рост численности состава партийных организаций. Приток свежих сил рассматривался руководством КПСС, как показатель жизненности ее идеалов, как необходимое условие эффективности ее управления обществом. Если в первые послевоенные годы наблюдалась тенденция к сокращению численности коммунистов, работающих в сельском хозяйстве, что было обусловлено оттоком сельского населения в город, то после сентябрьского пленума, принявшего меры к укомплектованию квалифицированными кадрами МТС, колхозов и совхозов за счет специалистов из города, положение стало меняться в обратную сторону. Но обком КПСС, следуя теоретическим постулатам тех лет, требовал роста численности сельских коммунистов главным образом за счет производственников: колхозников, рабочих МТС и совхозов.

Для сельских райкомов налаживание организаций приема в КПСС было нелегкой задачей. К примеру, в 1954 г. в Мехонском районе из 40 первичных парторганизаций 22 не приняли ни одного человека. С наибольшими трудностями прием в партию осуществлялся в колхозных «первичках»: из 16 колхозных парторганизаций района половина не могла пополнить свой состав в течение двух лет. Некоторые колхозные организации за 1953-1954 гг. больше исключали из партии, чем принимали: парторганизация колхоза им. Ленина приняла в члены КПСС трех человек, а исключила семь, парторганизация колхоза им. Кагановича не приняла ни одного, исключила также семь. В погоне за хоть в какой-то мере приличной, нужной райкому отчетностью, а порой и с целью избежать «проработок» и выговоров секретари первичных парторганизаций шли на охват партийным «членством» сомнительных личностей. Так, первичная организация, колхоза им. Микояна в 1954 г. приняла в свой состав некоего Осетрова, исключенного из ВКПП (б) в 1933 г. за пьянство. К моменту нового вступления, уже в КПСС, он не являлся ни хорошим производственником, ни активистом-общественником - ему было 73 года. Колхозные коммунисты сочли достаточным основанием для приема Осетрова в партию лишь его заявления о том, что он хочет умереть с партийным билетом. (б)

Когда секретарей «первичек» вызывали на заседания бюро райкомов за подобные изъяды в работе они, объясняясь и оправдываясь, откровенно рассказывали, как старательно «обрабатывают» отдельных колхозников, но те упорно отказываются вступать в партию

Действительно, рядовому производственнику вступление в КПСС не давало никаких преимуществ, несло с собой лишь повышение ответственности за результаты производственной деятельности, общественные нагрузки, ежемесячные собрания — являлось обузой. В тех условиях руководящим партийным органам стоило не требовать во

что бы то ни стало форсирования приема в КПСС производственников, а настоятельно рекомендовать партаппаратчикам бывать в коллективах, чтобы разглядеть тех людей, которые в силу своей жизненной позиции действительно имели желание и способности активнее участвовать в общественных делах, влиять на производственную деятельность своего колхоза, совхоза и МТС, вести за собой товарищей, быть для них примером.

К вступлению в партию обычно стремились учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, сознавая, что членство в КПСС повысит их авторитет, позволит успешнее продвигаться по служебной лестнице. Но прием в партию даже сельской интеллигенции в тот период сдерживался центральными структурами. В 1956 г. Курганский обком КПСС как недостаток в работе Сафакулевского райкома отмечал, что «некоторые колхозные парторганизации растут не за счет лучших колхозников, а за счет интеллигенции села. Так, партийная организация колхоза «Вперед» приняла кандидатами в члены КПСС трех человек, и все они учителя семилетней школы. Парторганизация колхоза «Знамя» приняла одного человека- это директор школы». (7) В Каргапольском районе за 1956 г. в кандидаты и члены КПСС был принят 51 человек, из них только 8 крестьян. Несмотря на то, что в 50-е гг. в деле расширения партийных рядов выполнялись далеко не все требования руководящих органов, имелись определенные издержки и просчеты иного плана количество коммунистов в сельском хозяйстве неуклонно росло.

Численность сельских коммунистов в Курганской области (8)

	1953 г.	1957 г.
Всего коммунистов в области	29. 078	36. 176
В том числе в сельском хозяйстве	10. 875	13.445
Из них в: совхозах	1701	3266
МТС	3437	3717
колхозах	4171	6035
сельхозпредприятиях	1268	427

Из таблицы видно, что к 1957 г. партийцев на селе прибавилось. Более заметен рост совхозных (почти в два раза) и колхозных партийных организаций. Что касается машино-тракторных станций, то немало коммунистов там насчитывалось и в 1953 г. (в среднем более 35 в каждой из 97 МТС) и за четыре года их число возросло в достаточной степени мере. А сокращение же количества членов партии в сельскохозяйственных предприятиях связано с ликвидацией многих из них.

В середине 50-х гг. наряду с ростом партийных рядов определенное развитие получила внутрипартийная демократия. Регулярно со-

---

зывались пленумы не только Центрального Комитета, но и обкомов, райкомов, областные и районные конференции, в практику вошли совещания партийно-хозяйственного актива-областного, городского, районного уровня, ежемесячно проводились собрания в первичных партийных организациях, в селе они часто бывали открытыми. Так, первичная организация колхоза «Победа» Шатровского района провела после сентябрьского пленума и в течение 1954 г. 14 открытых партийных собраний, на каждом присутствовало по 30-40 беспартийных активистов. Обсуждались проблемы хозяйственной жизни, улучшения массово-политической работы. 28 октября 1954 г. собрание рассмотрело вопрос о широком внедрении на полях колхоза мальцевской агротехники, в подготовке собрания, в выступлениях на нем приняли участие 12 человек из беспартийного актива. Регулярные открытые собрания расширяли влияние коммунистов на беспартийных, содействовали повышению активности последних, стремлению их пополнить ряды КПСС.

После XX съезда особое внимание партийные собрания уделяли вопросам, связанным с культом личности Сталина. Докладчики, пропагандисты из областного и районного партактива старались убедительно разъяснить коммунистам, что несмотря на вредные последствия, культ личности не мог изменить демократический характер советского строя, не мог поколебать теоретических и организационных основ партии, которая всегда проводила правильную политику, оставалась верной народу. (9) Партия оставалась верной и интернациональному долгу. Поэтому, когда произошел так называемый «Суэцкий кризис», сельские коммунисты Зауралья, как и всей страны, не могли оставаться равнодушными. В ноябре 1956 г. по области прошли партсобрания, митинги. Выступавшие искренно выражали свой «гневный протест против нападения англо-французских и израильских агрессоров на свободолюбивый египетский народ», решительно требовали: «Руки агрессоров прочь от Египта!». (10) С 1956 г. стали практиковаться закрытые партийные собрания по так называемым «закрытым» письмам ЦК КПСС. В декабре бурно обсуждалось письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Коммунисты Укьянского, Шумихинского, Макушинского и др. районов, осуждая «вылазки» как агрессоров за рубежом, так и антисоветских, враждебных элементов в своей стране, колхозе, совхозе и МТС, призывали для борьбы с ними ужесточить меры воздействия, крепить дисциплину в партии, теснее сплотиться вокруг ЦК.

В июле 1957 г. еще более активно, при высокой явке коммунистов — 83 % - снова шел разговор по очередному «закрытому» письму об итогах июльского пленума и «антипартийной группе» в ЦК КПСС. Несмотря на то, что в письме осуждалась «раскольническая» деятельность известных руководителей Центрального Комитета и пра-

---

вительства, сельские коммунисты отнеслись с полным доверием к такой информации, не проявляя никаких сомнений. На собраниях типичными были выступления такого содержания как тракториста Казарнинской МТС Лебеденко: «Мы должны поддержать решение пленума не только словом, но и делом - обеспечить полностью кормами общественное животноводство, в 12-15 дней убрать урожай» или как секретаря Усть-Уйского райкома КПСС Драгева, получившего звание Героя Социалистического Труда за освоение целинных земель: «Как могут судить Маленков или Молотов о том, нужно или не нужно поднимать Целинные земли, когда Маленков, этот московский барчук, не видел целины и не имеет о ней никакого представления. Обвинять ЦК и товарища Хрущева нет никаких оснований». (11) По определению обкома «демагогические» высказывания были лишь у части городских рабочих и интеллигенции: «Меньше бы Хрущев и Булганин ездили за границу, а больше бы по своей стране» или «надо Молотову В.М. дать возможность выступить по радио, объяснить свою позицию». (12)

Осенью 1957 г. по области прошли закрытые партийные собрания по итогам октябрьского пленума. Коммунисты областного центра и села снова единодушно одобряли линию ЦК и осуждали Жукова и «маленьких жучков». (13) Партийные собрания, обсуждавшие «закрытые» письма ЦК, несмотря на все их издержки за организованность, заданность, предсказуемость выступлений и решений и др. недостатки, имели и положительный резонанс в то время: поднимали самоуважение коммунистов, позволяли почувствовать свою сопричастность к государственным делам, к «большой» политике.

Как видим, в середине 1950-х гг. у тружеников села росла политическая активность, укреплялись партийные организации на основе расширения рядов КПСС, партийное руководство приближалось к производству. В этот период еще не проявились негативные последствия начинаний тех лет.

Примечания:

1. Правда. 1953. 15 сентября.
2. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 11, д. 85, л. 5-6.
3. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 13, д. 110, л. 5-7.
4. ГАОПДКО, ф. 82, оп. 51, д. 8, л. 39.
5. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 14, д. 150, л. 82.
6. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 13, д. 110, л. 32-33.
7. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 14, д. 150, л. 85.
8. Подсчитано по: ГАОПДКО, ф. 166, оп. 11, д. 144, л. 3, д. 144, л. 1; оп. 17, д. 133, л. 1-2
9. Очерки истории Курганской областной организации КПСС. Челябинск, 1977, С. 269.
10. Знамя коммуны. 1956. 22 ноября; Ленинский путь. 1956. 24 ноября. Путь Ленина. 1956. 22 ноября.
11. ГАОПДКО, ф. 166, оп. 15, д. 86, л. 7-18.
12. Там же, л. 19.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЗАУРАЛЬЯ В СФЕРЕ ДОСУГА В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В каждом конкретном обществе складывается своя система жизненных ценностей и способов их реализации. Они зависят от множества факторов природно-экологического, социально-экономического, историко-политического и культурно-идеологического характера и весьма показательны в сравнении их с таковыми же ценностями и способами их реализации другого общества, например, нынешнего российского с прежним советским. В этой связи определенный интерес могут представить данные исследования, проведенного Лабораторией конкретных социологических исследований Курганского государственного педагогического института в 1976-1977 годы в ходе работы по составлению плана социального развития Мокроусовского района Курганской области в части изучения досуга работников села (1).

Досуг можно определить как часть внерабочего времени, свободную от непреложных обязанностей и являющуюся сферой формирования и проявления свободной жизнедеятельности. Другими словами, досуг — это часть социального времени, которой человек относительно свободно располагает и использует. Поскольку сфера досуга является наименее регламентированной областью социальной жизни, постольку именно в ней человек наиболее полно проявляет себя как личность. При этом, с одной стороны, в том, как используется человеком досуг, отражается весь комплекс социальных потребностей человека, а с другой стороны, поскольку в человеке заключены различные возможности, многое зависит от того, в каких условиях он живет. Отсюда, различия в сфере досуга зависят от множества факторов личностного и общественного порядка. В свою очередь, досуг через личность оказывает влияние на образ жизни общества, общественный процесс в целом.

Складывание и проявление ценностных ориентаций вообще и в сфере досуга в частности у сельских жителей имеют свою специфику, связанную с особенностями сельской жизни: 1) специфику сельскохозяйственного производства, включающего в свои технологические процессы природу, и влияющего тем самым на уровень развития производительных сил, условия труда, разорванность объема рабочего времени и т.п.; 2) различия в уровне жизни, складывающиеся из оплаты труда, общественных фондов потребления и доходов от личного подсобного хозяйства; 3) особенности поселенческой структуры, сказывающиеся на жилищно-бытовых условиях жизни населения; 4) специфику культурно-бытовых условий, включающую в себя наличие или отсутствие учреждений культуры, предметов культуры на дому,

времени для удовлетворения культурных потребностей и т.д.; 5) отличающийся уровень потребностей в труде, в быту, в культуре. Отмеченное влияет на общий объем досуга, его складывание в течение суток, недели, времен года, а также на его структуру и содержание. Общее представление о структуре досуга сельских жителей в то время дает приводимая ниже таблица 1 (2).

Таблица 1

№ п/п	Досуговые занятия	% %
1	2	3
1	Просмотр телепередач	79,2
2	Чтение	43,5
3	Посещение и прием гостей	30,0
4	Посещение кино	26,0
5	Слушание радио	20,1
6	Проведение времени на природе	18,0
7	Посещение клуба, ДК	17,1
8	Игра в карты, домино, лото, бильярд	10,2
9	Игра в шахматы, шашки	4,1
10	Любительские занятия	1,8
11	Учеба	1,7
12	Занятия спортом	1,7
13	Занятия в кружках	0,6
14	Занятия художественной самодеятельностью	0,4
15	Другие занятия	4,1
16	Ничего не делают	5,5

Как видим, и в то время особое место в структуре досуга населения, в т.ч. сельского занимал просмотр телепередач, что связано со спецификой телевидения, придающей информации большую убедительность и большую сопричастность к ней при относительной физической и интеллектуальной пассивности телезрителей. Но при этом важно не только то, чем занимается человек, но прежде всего — как он этим занимается. В соответствии с отмеченным регулярно телепередачи смотрели 2/3 (66%) опрошенных. О степени же привлекательности различных телепередач говорит таблица 2.

Многие сельские жители занимали свой досуг чтением. Более половины из них (55,4%) регулярно читали газеты. Тематика привлекаемых в них материалов отражена в таблице 3.

Важное влияние на формирование общей культуры человека оказывает такая форма проведения досуга, как чтение литературы. Вот какова в этом отношении структура опрошенных по количеству читаемых ими книг в год:

Таблица 2

№ п/п	Телепередачи	% %
1	2	3
1	Спектакли, кино	80,1
2	Научно-популярные	57,8
3	Музыкальные	56,1
4	На международные темы	44,7
5	Спортивные, молодежные	40,6
6	Областные	27,9
7	Другие	7,5

Таблица 3

№ п/п	Материалы в печати	% %
1	2	3
1	Новости в стране и за рубежом	61,9
2	Областные и районные новости	56,1
3	Рассказы, очерки	49,1
4	Спортивные	23,9
5	На бытовые, морально-этические темы	23,6
6	По специальности	21,1
7	О науке и технике	9,4
8	Другие	0,8

Таблица 4

№ п/п	Число читаемых книг	% %
1	2	3
1	Не читают совсем	21,0
2	Менее 5 книг	11,7
3	От 5 до 10 книг	13,3
4	От 10 до 15 книг	9,5
5	Более 15 книг	32,4

По данным исследований, для чтения, например, художественной литературы нормальной, приемлемой признана такая частота чтения, при которой человек прочитывает за год 7-12 книг (3, 267). Тематику читаемых сельскими жителями книг показывает таблица 5.

Таблица 5

№ п/п	Тематика читаемых книг	% %
1	2	3
1	Художественная	95,4
2	Приключенческая	26,0
3	Учебная	8,5
4	Общественно-политическая	6,2
5	Научно-популярная	6,0

Едва ли не половина опрошенных (43,1%) слушали регулярно радиопередачи. Наиболее предпочтительными радиопередачами для них являлись следующие:

Таблица 6

№ п/п	Радиопередачи	% %
1	2	3
1	Музыкальные	55,5
2	На международные темы	53,0
3	Областные	46,2
4	Постановки, спектакли	32,8
5	Молодежные	26,3
6	Спортивные	16,9
7	О науке и технике	8,2
8	Другие	1,9

Средствами удовлетворения досуговых потребностей на селе, кроме СМИ и литературы, является также и такой социальный институт как клуб, Дом культуры. Представление о том, насколько он выполняет эту социальную роль дает, в частности, частота посещения его населением и цели этого посещения. В данном случае 16,8% жителей села посещали клуб, ДК не менее одного раза в неделю, а 24,4% - не менее 1-2 раза в месяц. Цели же посещения оказались таковы:

Как уже отмечалось, выбирая тот или иной вид деятельности, человек учитывает не только свои способности и желания, но и те возможности, которые объективно существуют в обществе. В этом отношении важным условием обеспечения свободного выбора в сфере досуга является его материальная база, которая, собственно, и позволяет делать тот или иной выбор. В рассматриваемый период интенсивно развивалась материальная база не только для общественных форм проведения досуга (например, в учреждениях культуры), но и для досуга домашнего. Последнее нашло отражение в приводимой

ниже таблице 8 о структуре опрошенных по наличию у них дома предметов духовной культуры.

Таблица 7

№ п/п	Цели посещения клуба, Дома культуры	% %
1	2	3
1	Посмотреть кино	74,2
2	Посетить собрание	51,3
3	Посмотреть концерт	48,5
4	Посетить праздничные мероприятия	31,0
5	Послушать лекцию	18,7
6	Посетить танцы	9,9
7	Сменить книги, почитать газеты, журналы	9,8
8	Посетить вечера отдыха	5,8
9	Поиграть в бильярд, домино	4,4
10	Поиграть в шахматы, шашки	2,1
11	Посетить занятия кружков	0,3
12	Другие	0,5

Таблица 8

№ п/п	Предметы духовной культуры	% %
1	2	3
1	Телевизор	86,8
2	Подписка на газеты и журналы	76,1
3	Радиоприемник, радиола	63,1
4	Радиорепродуктор	61,1
5	Электропроигрыватель, магнитофон	17,6
6	Личная (семейная) библиотека	14,2
7	Аккордеон, гармонь, баян	13,6
8	Фотоаппарат, киноаппарат	10,9
9	Другое	1,2
10	Ничего из названных предметов духовной культуры нет	0,5

Наряду с другими факторами, оснащение техникой общественного и домашнего досуга расширяло его структуру, делало его все более сложным и, несмотря на снижение при этом затрат времени на те или иные его отдельные виды (что естественно), в целом открывало ши-

рокие возможности для приобщения людей к культуре, их развитию. Вместе с тем все более давала о себе знать общемировая тенденция пассивно-потребительского использования досуга, при которой наиболее частыми и продолжительными являются занятия, не требующие активности человека. Такая пассивность досуга в определенной мере связана со следующими основными причинами: 1) «индустриализация» домашнего досуга, делающая его все более привлекательным и заметно «одомашнивающая» его; 2) некоторые недостатки культурных запросов людей и неумение их удовлетворять; 3) относительное отставание общественной сферы досуга от роста их потребностей.

Так как отражение объективной реальности человеком субъективно, то объективные потребности он может осознавать не вполне адекватно, действуя иногда вопреки общественным и своим коренным интересам. В этом отношении значительная величина времени досуга расходуется, к сожалению, на социально и лично бесполезные или даже вредные его виды. Это, например, касается форм досуга, связанных со значительным и частым употреблением спиртных напитков. Ниже приводится структура опрошенных по частоте выпивок:

Таблица 9

№ п/п	Частота выпивок	% %
1	2	3
1	Совсем не пьют	12,6
2	Выпивают очень редко	12,9
3	Выпивают по праздникам и семейным торжествам	54,4
4	Выпивают кроме того еще и после получки	16,9
5	Выпивают кроме того еще и в выходные дни и по другим поводам	13,0

В заключение можно привести данные о том, удовлетворению каких потребностей работники села желали бы уделить больше времени:

Таковы некоторые, теперь уже почти 30-летней давности, данные о ценностных ориентациях работников зауральского села в сфере досуга. Несмотря на многие существенные проблемы объективного и субъективного характера, они, кстати, неплохо выглядят не только для своего, «застойного», времени, но и на фоне нынешней, «возрождающейся», России. Для старшего поколения здесь не надо даже никаких особых исследований. И это не случайно - в СССР, наряду, например, с передовыми наукой, системой образования, здравоохра-

нения, была и вполне достойная система досуга населения. Дело здесь в том, что сфера досуга удовлетворяет не только индивидуальные потребности, но и общественные, а значит, как и любая общественная система, функционирует не стихийно, а благодаря соответствующему ценностям и идеалам общества управлению и регулированию. С изменением общества, его ценностей, идеалов изменяется и сфера досуга. Так, сегодня мы являемся свидетелями того, как в России, вместо ее традиционных духовных и моральных ценностей утверждаются меркантилизм, потребительство, культ наживы. Соответственно досуговая сфера все более приобретает коммерческий характер, рассчитанный на самого неприязнательного потребителя, «вымывающий» значительную часть населения из общественно-организованного досуга, разрушающий прежние человеческие отношения и т.п.

Таблица 10

№ п/п	Чему хотелось бы уделить больше времени	% %
1	2	3
1	Просмотру телепередач	32,3
2	Чтению	24,5
3	Посещению кино	18,7
4	Времяпрепровождению на природе	15,7
5	Посещению клуба	9,8
6	Посещению и приемам гостей	5,6
7	Слушанию радио	4,1
8	Занятиям спортом	3,2
9	Любительским занятиям	2,9
10	Учебке	2,5
11	Занятиям в кружках	2,1
12	Участию в художественной самодеятельности	2,1
13	Игре в карты, домино, лото, бильярд	1,6
14	Игре в шахматы, шашки	1,3
15	Другим занятиям	3,7
16	Ничего не делать	2,5

Примечания:

1. План социального развития Мокроусовского района Курганской области. Авторский коллектив: Аникин Ю.В., Крупникова Н.М., Литвиненко О.В., Дегтярева Т.П., Шалютина П.Н., Малютин Г.Г., Комогорова Г.В., Николаенко В.Н., Федоров В.А. – Курган, 1978.

2. Здесь и далее в процентах к числу опрошенных.

3. Социология. Рук.авт.коллектива Г.В. Осипов. М. Мысль. 1990.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алямкин А.В.**, соискатель кафедры отечественной истории КГУ, член Уральской филателистическо - нумизматической ассоциации
- Битюков А.Г.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права КГУ
- Евдокимов Л.А.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КГУ
- Ершов М.Ф.**, кандидат исторических наук, доцент Института права, экономики и управления Югорского госуниверситета
- Маслюженко Д.Н.**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, зам.декана исторического факультета КГУ
- Менщиков В.В.**, кандидат исторических наук, доцент, зав.кафедрой отечественной Истории КГУ
- Менщиков И.С.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, методологии и теории истории КГУ
- Павлуцких Г.Г.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КГУ, декан исторического факультета КГУ
- Пузанов В.Д.**, кандидат исторических наук, доцент, зав.кафедрой теологии Сургутского госуниверситет
- Пундани В.В.**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, действительный член Академии военных наук, почётный работник высшего профессионального образования
- Путилин С.В.**, аспирант кафедры отечественной истории КГУ
- Савельев В.Г.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КГУ
- Фёдоров В.А.**, краевед
- Фёдоров С.Г.**, старший преподаватель кафедры всеобщей истории КГУ
- Шилов С.Н.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории КГУ
- Черноухов А.В.**, доктор исторических наук, профессор, зав.отделением архивоведения, документоведения и информационно-правового обеспечения исторического факультета Уральского госуниверситета.

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Пундани	
ИЗ ДАЛЕКА ДОЛГА.....	4
СПИСОК НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ РАБОТ В.В. ПУНДАНИ	17
В.В. ПУНДАНИ - НАУЧНЫЙ, ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ..	26
В.В. ПУНДАНИ - ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ НАУЧНЫХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТ	28
В.В. ПУНДАНИ - РЕЦЕНЗЕНТ НАУЧНЫХ И МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ	30
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И УКАЗАНИЯ В.В. ПУНДАНИ	31
А.В. Черноухов	
ОДНА, НЕ ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ: В.В.ПУНДАНИ В СВЕРДЛОВСКЕ	32
Д.Н. Маслюженко, С.Н. Шилов	
НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В 1999-2003 ГГ.	36
М.Ф. Ершов	
ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА, КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ	44
Г.Г. Павлуцких	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ЗВЕРИНОГОЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ	75
С.В. Путилин	
САМОСОЗНАНИЕ СЛУЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ: ЭКСПАНСИВНЫЙ И САМООГРАНИЧЕННЫЙ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ	86
В.В. Менщиков	
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗАУРАЛЬЕ В XVIII ВЕКЕ	92
А.Г. Битюков	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КУПЧЕСТВА ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	103
С.Г. Федоров	
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ 19 - НАЧАЛЕ 20 ВЕКОВ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ АСПЕКТАХ	107

И.С. Менщиков	
ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ И КУЛЬТУРА ТРУДА И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	112
Л.А. Евдокимов	
КРЕСТЬЯНСТВО ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	120
В.Д. Пузанов	
ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ	127
В.Г.Савельев	
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 1922-1927 ГОДЫ	141
А.В. Аляжкин, Г.Г. Павлуцких	
К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ	145
И.Г. Коурова	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАУРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.	158
В.А. Федоров	
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЗАУРАЛЬЯ В СФЕРЕ ДОСУГА В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА	166
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	173

ЗАУРАЛЬЕ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ

Межвузовский сборник научных трудов

Сборник печатается в авторской редакции

Подписано в печать	Формат 60x84 1/16	Бумага тип №1
Плоская печать	Усл.печ.л. 10,87	Уч-изд.л. 10,87
Заказ	Тираж	Цена свободная

Издательство Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет